

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 10(56), 2017

Александр
ПРОХАНОВ

ЦИФРА

Продолжая исследование цифровой реальности, Изборский клуб распространяет это исследование на поле культуры и искусства, в том числе используя художественные методы. В данном выпуске журнала вниманию читателя предлагается новый роман Александра ПРОХАНОВА.

Цифровая реальность — тайна, которая уже наступает. Цифра влияет на управленцев, вторгается в мир военных, без цифры не обойтись политику и политехнологу. Но цифра внедрилась в искусство, которое панически реагирует на цифру. Роман Проханова есть отражение цифрового вторжения в мир словесности.

Содержание:

2 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Безумный сон, распятый на кресте

6 Александр ПРОХАНОВ.
ЦИФРА
(роман)

ГЛАВА ПЕРВАЯ (стр. 7)

ГЛАВА ВТОРАЯ (стр. 9)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (стр. 11)

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ (стр. 15)

ГЛАВА ПЯТАЯ (стр. 19)

ГЛАВА ШЕСТАЯ (стр. 23)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ (стр. 31)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ (стр. 34)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ (стр. 39)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ (стр. 40)

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ (стр. 44)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ (стр. 46)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ (стр. 51)

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (стр. 57)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ (стр. 64)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ (стр. 70)

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ (стр. 71)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ (стр. 79)

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ (стр. 81)

82 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Обнулители вечности

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 10(56), 2017 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 22.02.2018

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 0310

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Безумный сон, распятый на кресте

Время — цифра. Неведомая сила вторгается в древние летописи и современные календари, неудержимый вихрь вырывает из них даты, закручивает в воронке, перемешивает. Необъяснимые сейсмические толчки сбрасывают цифры с циферблатов, стряхивают с электронных табло. Цифры притягиваются мощнейшим магнитом в самом центре бытия, и в этой гравитации день меняется с ночью. Время ускоряется, не выдерживает перегрузок, хвостом кометы выбрасывает в пространство раскалённые цифры, и там, где они остывают затвердевшей магмой, жизнь меняет свою природу, обретает иной язык, открывает порталы, создаёт гиперссылки для мгновенных перемещений.

Охотник за временем внимательно следит за полётом цифровой кометы, пытается предугадать, с каким небесным телом она столкнётся во Вселенной, что сметёт со своего пути и где возникнет зияющая пустота. Охотник за временем отрывается от земли, как коросту, застывшую магму кометы, надламывает, как печати Апокалипсиса. Под одной из застывших цифр обнаруживает манускрипт, где святые Кирилл и Мефодий даровали славянам алфавит. Только вместо привычных «аз», «буки», «веди» с древней рукописи считываются лишь цифры: цифирь вытеснила буквы, вытеснила звуки речи, вытеснила смыслы, оставив только количество и порядковые номера.

Под другой цифровой пломбой охотник нашёл «Словарь живого великорусского языка», слова которого лексикограф, готовый «полезть на нож за правду, за отечество, за русское слово, язык», намывал как крупницы золота. Но из книги пахло не жизнью, а тленом. Вместо сладкозвучных слов всех русских губерний, вместо «Вселенной в алфавитном порядке» со страниц словаря расползлись червями, разбежались жуками цифры, обращая гармонию в хаос.

Под следующей печатью оказался том русской поэзии. Но в знакомых строках охотник за временем увидел ужасающую правку: «цифрой жги сердца людей», «солнце останавливали цифрой, цифрой разрушали города», «и мы сохраним тебя... великая русская цифра».

В недоумении и отчаянии, в последней надежде охотник обратился к Книге, что столетиями несла спасительный смысл, отыскал заветный стих о начале начал — и не поверил своим глазам: «В начале была ЦИФРА».

Мир перевернулся, будто в нём произошёл атомный взрыв, сместились границы живого и неживого, поменяли свои свойства химические элементы. Казалось, цифровая комета прервала полёт, столкнулась с солнцем. И теперь в ослепительном пожаре на человечество надвигалось нечто, обволакивало мир непроницаемой плёнкой, превращалось в шар, в сферу — в ЦИФРОСФЕРУ.

Цифросфера — бытийная категория, философема, ставшая одной из ключевых в публицистике и художественной прозе Александра Проханова начиная с романа «Русский камень», где спародирована поэтика одряхлевшего постмодернизма и одновременно показана стратегия войны в информационном пространстве.

«Цифросфера» — понятие, вставшее сегодня в один ряд с «ноосферой» Вернадского, «пневматосферой» Флоренского, «семиосферой» Лотмана. Цифросфера свидетельствует о том, что в эпицентре человеческого бытия теперь находится не мысль, дух или символ, а цифра, в которую можно обратить звук, кадр, редкий документ — всё, что трепетно хранили историки, архивисты, искусствоведы. А теперь это можно бесконечно множить и отправлять через цифру в любую точку планеты. Цифра лишила мир и все вещи в нём раритетности, уникальности, единичности. Казалось бы, отныне ничто не может бесследно исчезнуть, энтропия побеждена, человечество

может ликовать. Но от цифры исходит какое-то ядовитое свечение, и Проханов пытается разгадать природу этой радиации.

Певец советской техносферы, в романах «Кочующая роза», «Время полдень», «Место действия», он стремился очеловечить машину, увидеть в ней творческий замысел, красоту и гармонию, эстетическое воплощение. Машина не конфликтовала с человеком, не боролась как неживое с живым, а верно служила человеку, открывала для него новые горизонты, умножала его силы.

Позже, в романах Босхианского цикла, прежде всего в «Политологе» и «Теплоходе», живое и неживое, естественное и искусственное, творение Божие и творение рук человеческих войдут в иную фазу отношений — адский трансгуманизм, когда путём лабораторного вмешательства в геном человека будут пытаться скрестить его со зверем, птицей, рыбой, амёбой. Будут пытаться обратить вспять дни творения и потеснить в мироздании Творца.

Новый этап подобных взаимоотношений, осмысление Прохановым цепочки Творец — тварь — творения твари — начался, когда в фейсбуке была взломана страница писателя и якобы от его лица с попыткой имитировать авторскую риторику прозвучал призыв к «бессмысленному и беспощадному» «русскому бунту». Цифра подменила человека, будто в его сознание вторглись неведомые силы, заговорили его устами, стали руководить его мышлением, оцифровали материю, создали в интернет-пространстве вторую реальность и вывели её на место первой, чтобы виртуальное пространство стало реальнее реального.

На это требовался философский и литературный ответ. Киберпространство как порождение последней фазы эпохи постмодерна художественно осмыслено лишь постмодернистами. На страницах только их романов перенесённый из компьютерной игры возникал принц

***Сакральный реализм Проханова, где единица
в одночасье может стать равна миллиону,
где дух сильнее материи, где лишь слово способно
передать все оттенки смысла, —
входит в киберпространство, выбивает цифру
из рук постмодернистов, предлагает
свою трактовку цифросферы.***

Персии, только у них сквозь время и пространство, сквозь реальность и ирреальность, как по гиперссылке, перемещался граф «t». Для постмодернизма цифра становилась абсолютным естеством, перекодированием жизни, когда сознание можно перекачать на сервер, пустить его блуждать по сайтам и блогам, можно расщепить и размножить. И тогда не нужны ни зрение, ни слух, ни голос. Человек становится всего лишь байтом оцифрованной информации, куда умещаются любовь и дружба, семья и Родина, страх и красота.

Сакральный реализм Проханова, где единица в одночасье может стать равна миллиону, где дух сильнее материи, где лишь слово способно передать все оттенки смысла, — входит в киберпространство, выбивает цифру из рук постмодернистов, предлагает свою трактовку цифросферы.

Такой трактовкой стал роман Проханова «Цифра». Главный герой — писатель Николай Николаевич Полуверцев — способен через слово в земном прозреть небесное, в настоящем — прошлое, в пространстве — время. С высоты прожитых лет Полуверцев взирает на свою жизнь и видит каждую из пройденных дорог. Вон след молодого лесника. А вон горящие тропы девятнадцати войн и ещё неведомая, непроторённая двадцатая тропа. А вон та, на которой сошёл в битве с клеветниками России. И надо скорее вспомнить всё, просмотреть жизнь, как фотоальбом, проговорить её и записать как эпос, пока не отняли, не перекодировали, не оцифровали.

Полуверцев сплетает свои воспоминания, как когда-то в тихой

деревенской избе смиренная русская женщина, пустившая его на постой, плела половик из лоскутков ветхой одежды. Писателю не хватает одного лоскутка, чтобы сложился задуманный узор. Как многие герои Проханова, Полуверцев ощущает двойственность бытия. Параллельно с прожитой жизнью, как запасной сценарий, всё время длится иная жизнь — жизнь со случившимся счастьем: *«это был сон, и прозрение во сне. Блуждание в тех мирах, которые он покинул, и эти покинутые миры гнались за ним, обнимали, и он начинал теряться, не понимал, где сон, а где явь. Спасаясь от яви, он погружался в сон, который оказывался вещей и становился явью»*. Нужно вплести эту параллельную жизнь в общий узор воспоминаний, и тогда в получившемся узоре может открыться смысл всего пути, тогда этот узор подскажет ключевое слово, которое искал на пройденных дорогах.

Полуверцев оказывается в «торжественном, гранитокрылом» городе, там, где «жизнь приснилась», где когда-то была любовь, где зарождался иной сценарий. В городе, во Дворце, проходит бизнес-форум, на который съехались политики, учёные, военные, творческая интеллигенция. Все они говорят, что в мир пришла «Великая глобальная цифровая революция». Весь мир совсем скоро будет оцифрован, поклонится цифре, отречётся от брэнного слова, возникшего после грехопадения в Эдеме. Слово породило в человечестве споры и противостояния, затуманило суть вещей, привело людей к множеству заблуждений. И только цифра способна одолеть всё это.

На форуме демонстрируется всесилие цифры. Цифра способна сотворить эмбрион, заложить в него необходимый генетический материал, закачать в него программу жизни. Цифра способна сдвигать континенты и горы переставлять. И всё это происходит под мерцанием таинственной «6», которая звездой Полюнью во всех залах Дворца облучает участников форума: *«Она казалась созвездием, которое явилось из глубин галактики и встало над землёй, предвещая конец времён»*. И в этой шестёрке, может быть, сокрыта «полувера» Полуверцева, когда мир в душе замер на шестом дне творения, остался незавершённым, потому что Творец не взглянул в отдохновении в седьмой день на всё содеянное и не «увидел, что это хорошо». А может быть, к странной шестёрке примкнут ещё две, и явится всепожирающий зверь.

Задача цифровой революции — создать глобальное человечество, где наверняка не будет «ни эллина, ни иудея», ни мытаря, ни фарисея, ни Марфы, ни Марии, а будет некая человеческая субстанция, полностью подчинённая цифре. Цифра станет прокрустовым ложем, которое уравнивает всех. Цифра сведёт бытие человека к алгоритмическим задачам и, вытеснив слово, лишит это бытие творческого начала. Оторвав людей от слова, цифра расторгнет их связь с воплотившимся Словом, вновь распрнёт Слово и сможет оцифровать Царствие Небесное и самого Творца.

Но на пути этого глобального процесса стоит Россия. «Страна слова, песни, простора и Христа» не желает покоряться цифре: *«Русское слово сотворило русский народ в том виде, в каком он существует. Русское слово создавало реки и горы, быть может, материки и океаны. Господь, когда он сотворял землю и небо, использовал русское слово»*. Цифра могла бы миновать Россию: ввести её в летаргический сон и отключить от всего человечества. Но «там, где кончает-

ся Россия, начинается Царствие Небесное», и потому цифровым глобалистам не избежать в своей программе оцифровки страны, распростёршейся между трёх океанов. А для этого предстоит оцифровать русское чудо — «*проявление в русской истории Царствия Небесного*», залог неумирания России, её перехода из века в век вопреки разрушениям и смутам. А чтобы оцифровать русское чудо, нужно оцифровать его главного носителя и хранителя — Президента.

Русское чудо вселилось в него, влилось в его сердце, когда тот присоединил Крым, погрузил Россию в крещальную купель князя Владимира. Теперь же Президент укрепляет Русское чудо освоением Арктики. Арктика и Крым становятся узловыми точками русского бытия, воплощением извечной русской мечты о тепле и холоде. Через Крым и Арктику Россия способна объять весь мир, передать ему в слове Божественные смыслы. Потому в последней битве сойдутся глобальная цифра и Русское слово, столкнутся «Слово Света» и «Цифра Тьмы». Человечеству приснится «*безумный сон, распятый на кресте*».

Единственным оружием против Президента является «модем Полуверцева», способный даже Русское чудо обратить в цифру. Полуверцев создал модем во сне, и сам не знает принцип его действия. Цифровые глобалисты в поисках модема проникают в сознание Полуверцева, цифрой снимают защитные оболочки, расплетают лоскуты воспоминаний, «*рассекают единое время его жизни, разрушают целостность бытия*». С нарастающим воплем из сознания Полуверцева вырывается стозевное чудовище, носитель числа зверя — всё то дикое, необузданное, что запер в себе человек с момента грехопадения. Всё то, что нужно было преодолеть, чтобы остаться человеком: «*чудище явилось из тёмных пучин мироздания, было воплощением абсолютного зла и уродства, нескончаемого не-*

счастья. Оно было всегда, возникло при сотворении мира, было противоположностью солнцу, цветам, любовным вздохам, божественному откровению». От этого зверя русский человек отгораживался словом, что вело из России земной в Россию Небесную.

Цифра раскодировала зверя, выпустила его из клетки, и теперь он мчит на хранителя Русского чуда. Из последних сил Полуверцев заслонил Президента словом, сладкозвучным стихом, что вырвался из сознания последним лоскутом несбывшейся жизни:

*Я жил во сне от самого рожденья.
Гром пушек, смех и звоны хрусталя,
Всё было сном. Настало пробужденье...
Я слышу, как о гроб стучит земля.*

А сам Полуверцев принял на себя удар зверя, от которого сотряслось мироздание. Зверь обессилевшим подранком уполз обратно в глубины человеческой природы, затих, надолго затаился. А слово колокольным звоном унесло с собой Полуверцева, навсегда поселило в России Небесной.

Цифровая комета мчалась в вышине, но в последний миг, когда огненная сфера готова была испепелить мироздание, перед ней возникла несокрушимая длань Того, Кто в седьмой день творения посмотрел на мир. Комета в одночасье остыла. Гаснущими искрами осыпалась на землю. Человечество сбросило с себя гнёт цифросферы. Отвело для цифры «низкую жизнь». Раскрыло Вечную книгу — прочло: «В начале было СЛОВО».

7

6

2

1

3

4

9

8

5

/ Александр ПРОХАНОВ /

ЦИФРА

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Николай Николаевич Полуверцев был из полуверцев. Из тех, кто верил вполсилы. А в полную силу не верил, потому что не хватало сил. У Николая Николаевича Полуверцева было много сил, но он верил вполсилы. И когда не хватало сил, у него случались затмения. Но ненадолго, ибо сменялись откровениями. Он становился ясновидящим. Он любил положить креветку на стол и долго смотрел, пока она не превращалась в женщину средних лет, незамужнюю, знающую языки. Николай Николаевич брал её с собой в свадебное путешествие, но не в качестве невесты, а вместо дорожного саквояжа, где хранились написанные им учёные труды по теории чисел. С их помощью производились различные исчисления, в том числе и те, что ко многому обязывали. Поэтому Николай Николаевич был вхож в приличное общество, и даже в высшие круги, где его ценили за благоразумие и прозорливость. Его приглашали на различные конгрессы и балы, где разыгрывались призы и состязались танцевальные пары, не связанные родством. С подобных балов Николай Николаевич всегда уносил приз, ибо был отменный танцор, и повязывал свой большой белый лоб шёлковой лентой, чтобы тёмные вьющиеся волосы не падали на глаза. Он был статен, широк в плечах и гибок в талии до такой степени, что мог свёртываться в колесо. В этом виде он катался среди гостей, вступая с ними в краткие разговоры, в которых обсуждались свойства паковых льдов в районе Земли Франца-Иосифа, или побочные результаты Куликовской битвы, до сих пор слабо себя проявлявшие.

Николай Николаевич Полуверцев был в возрасте, который растениеводы называют молочно-восковой спелостью. Хотя тревожный блеск его карих, а порой и голубых глаз говорил о невзгодах, перенесённых в годы застоя. А опущенные уголки волевого рта свидетельствовали о раннем вдовстве, хотя и небезутешном.

Теперь Николай Николаевич Полуверцев шагал по набережной Невы в солнечное прохладное утро, какое не часто дарит нам майский Петербург. Ветер с Ладоги нёс цветочную пыльцу Валаама, которая оседала на фасадах дворцов, отчего они казались серебристыми и слабо звенели, как если бы в них звучал клавир. Невидимые златошвеи потрудились над тем, чтобы отражение Петропавловской иглы нежно сияло на голубоватой воде, цвет которой бережно поддерживался с петровских времен. Николаю Николаевичу было сладко думать о бедном финском рыболове, бросавшем в неведомые воды свой ветхий невод.

Николай Николаевич был москвич, но Петербург, а точнее Ленинград, был городом его первой любви. И теперь, проходя мимо Малого Эрмитажа с чугунным крыльцом, он почувствовал запах её духов и сладость её душистых малиновых губ. Она появлялась перед ним на чугунном крыльце. Работая в Эрмитаже в отделе знамён, она клала лёгкие швы на знамя лейб-гвардии гусарского полка, простреленного пулями пехотинцев Мюрата в момент знаменитой атаки русских гусар, которые едва не взяли в плен Наполеона, принеся императору Александру трофейную треуголку. Об этом возлюбленная Николая Николаевича с увлечением повествовала, а он рассеянно слушал, целуя хрупкое запястье с голубоватой жилкой.

Николай Николаевич увидел тёмную скользкую по Неве тень, за которой тянулось серебряное волокно. Ему слишком хорошо был знаком этот серебряный след, оставляемый винтами всплывшей подводной лодки. Сама же лодка, длинная, тёмная, с угрожающей чёрной рубкой, пересекла отражение золотой иглы и двигалась в сторону Троицкого моста. Это была знаменитая немецкая лодка U- 22, пропавшая без вести у мыса Доброй Надежды, где топила английские транспорты и вступила в схватку с американским эсминцем «Фицджералд Сноу».

***Она стала таять, растворяться
в синем воздухе. Через мгновение
от неё остался только аромат
духов и тающая улыбка. Там, где
она была, на каменном парапете
набережной сидела белая чайка
с красными лапками. А потом и она
улетела. Николай Николаевич
обнимал воздух, где только
что была она.***

Николай Николаевич по искривлению магнитных силовых линий ещё несколько лет назад определил местонахождение пропавшей лодки и теперь не удивился, обнаружив её в Неве. Подле рубки, держа за поручни, стоял офицер в расстёгнутом мундире подводника, его шерстяной свитер был прорван на груди, и он в жестяной рупор что-то выкрикивал на немецком языке проплывавшему мимо речному трамвайчику. Это был знаменитый командир легендарной лодки Ульрих фон Браух, и Николай Николаевич, пользуясь своим математическим методом, давно научился читать шифровки, улетавшие с борта лодки в штаб германского подводного флота. Лодка ушла, и несколько чаек сели на оставленные ею серебряные волокна, сливаясь с ними.

Молодая женщина с типичным петербургским лицом, утомлённым и изысканным, посмотрела вслед лодке и сказала:

— Но у меня же дети!

Её подхватило и понесло над Невой в сторону Васильевского острова.

Дворцовый мост кишел автомобилями, как нерестилище. Скользкие, как рыбы, автомобили разгонялись, влетая на мост, сверкали в воздухе, брызгая молокой и слизью, и падали, ударяясь о Ростральную колонну, разбиваясь бесшумными вспышками.

— У меня же дети! — произнесла женщина, доставленная ветром с другой стороны Невы, успевшая за эти несколько минут постареть настолько, что на её блузке появилась медаль за оборону Ленинграда.

Огромная многопалубная яхта заслоняла корпусом Кунсткамеру, Академию наук и дворец Меншикова, которые, казалось, скрылись в чреве кита. То была яхта «Король Георг», принадлежащая английскому миллиардеру Якобу Моргулиусу, славному тем, что своей возлюбленной Жанне Кобре вместо

костяного позвоночника вставил бриллиантовый. Жанна Кобре странным образом исчезла, упав на дельтаплане в кратер никарагуанского вулкана Масая, а бриллианты из её позвоночника появились на торгах в Амстердаме. Моргулиус скупил их все, украсив ими позвоночник новой возлюбленной русского происхождения Луизы Файнберг.

Николай Николаевич Полуверцев познакомился с обеими женщинами, но не лично, а рассматривая лежащих на блюде креветок с их длинными тонкими усиками, чёрными глазками и розовыми тельцами, которые они грациозно сгибали, как балерины.

Моргулиус приплыл в Петербург на яхте, чтобы принять участие в экономическом форуме, где обсуждалось будущее человечества, связавшего своё существование с цифрой. Николай Николаевич, теоретик цифровой реальности, давший описание Царствия Небесного в цифре, тоже был участником форума, не исключая возможной встречи с Моргулиусом.

Яхта «Король Георг» со своими палубами напоминала огромный слоёный торт. Николай Николаевич мысленно откусил от него часть кормы с мерцающей каплей вертолёт. Тщательно пережёвывал, слыша, как хрустит на зубах вертолёт. Вернул кусок торта на место, слизывая с губ липкий крем.

Он испытал краткое озарение, позволившее заглянуть в глубины яхты. Там помимо роскошных кают, ресторанов, бассейнов, полей для игры в гольф таилась разведывательная аппаратура. Гидрофоны, фиксирующие нахождение русских подводных лодок. Локаторы, чувствительные к надводным и воздушным целям. Сенсоры, позволяющие определять состав желудочного сока не только русских морских офицеров, но и мичманов, злоупотребляющих солёной рыбой. Яхта «Король Георг», пройдя по русскому Балтийскому морю, собрала немалый улов информации и теперь, в Петербурге, продолжала вести разведку, исследуя умственные возможности управленческой элиты. Русская контрразведка запретила управленцам Петербурга думать, что застало многих из них врасплох. Некоторые, несмотря на запрет, продолжали размышлять, ставя в тупик англосаков.

Вокруг яхты сновали юные нахимовцы в аквалангах, делая чертёж днища. Члены экипажа в белоснежной форме кидали им с палубы кусочки кекса. Нахимовцы набрасывались на кекс, вырывая его друг у друга. Схвативший кекс не ел его, а отправлял в сумку, справедливо полагая, что кекс может порой сказать о противнике больше, чем секретный радар.

Николаю Николаевичу было тревожно, его томили предчувствия. Но он не мог понять, касались ли они его самого, или всей России, или всего человечества, готового перейти на цифру. И его

собственная роль в этом процессе становилась всё туманней.

Он увидел, как по набережной проехала золочёная карета Екатерины Великой, запряжённая шестёркой лошадей. К ней по трапу спустился миллиардер Моргулиус, уселся в карету, захлопнув золочёную дверцу. В сопровождении джипов, ведомая полицейской машиной с мигалкой карета покатила в сторону Дворца конгрессов, где открывался форум. Николай Николаевич видел, как развеваются чёрные космы кучера, который был итальянцем, как мерцают очки на гордом горбоносом лице миллиардера, как из-под конских хвостов выпадают коричневые яблоки, разбиваясь об асфальт.

Рядом с Николаем Николаевичем появилась всё та же знакомая женщина, но такая измождённая, с седыми волосами, с безумными, полными старческих слёз глазами:

— Но у меня же дети, но не знаю, где!

И Николай Николаевич узнал в ней ту, что когда-то любил, прижимая к глазам её прозрач-

ный платок, и фонари на Марсовом поле становились сиреневыми и размытыми, и он целовал её душистые губы, которые в поцелуе продолжали смеяться.

Он смотрел на старую женщину, и её сморщенное лицо наливалось свежестью, дивной красотой, и румянец на её белом лице пламенел, а чёрные волосы наполнялись стеклянным блеском, карие, чуть раскосые глаза лучились таинственным золотом, а малиновые губы улыбались. Николай Николаевич знал теперь, что чудо возможно и он сейчас обнимет свою ненаглядную.

Он шагнул к ней:

— Таня, я шёл к тебе целую жизнь!

Он произнёс это с лёгким всхлипом, и этим всхлипом спугнул её. Она стала таять, растворяться в синем воздухе. Через мгновение от неё остался только аромат духов и тающая улыбка. Там, где она была, на каменном парапете набережной сидела белая чайка с красными лапками. А потом и она улетела. Николай Николаевич обнимал воздух, где только что была она.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Было время отправляться в Дворец конгрессов. Николай Николаевич вызвал машину, закреплённую за ним городским головой. Машина плавно и пышно остановилась у жёлтой громады Сената. Её появление испугало коня, тот взмыл на дыбы, едва не скинув Петра, но царь удержался в седле, и конь, хрипя, перемахнул через машину и с грохотом умчался по набережной.

Шофёр был известный во всём Петербурге Феофан, родом из старообрядцев. Широкая седеющая борода как доспех лежала на груди и начинала дышать, колыхаться, когда Феофан пел псалмы, принятые в Поморском согласии. Его прадед, промышлявший мануфактурой, передал большевикам из полы в полу миллион рублей. Дед служил в ВЧК, находясь на нелегальном положении во Франции. А отец работал в цирке гимнастом, крутился под куполом, бравировав и пренебрегая сеткой, и разбился, сорвавшись с каната. Феофан, двигаясь к истокам своей родословной, юность провёл под землёй в скиту, в зрелые годы прыгал с парашютом с десанниками, а теперь, снискав расположение Смольного, развозил именитых персон, браня никониан.

— Ненасытные, — кивнул он на Исаакий, похожий на громадное золотое яйцо. Купол перели-

вался, дышал, напоминал живую материю, источал бесчисленные мерцающие лучи. — Антихристы. Наш собор, беспоповцев. Соловецкие мастера возводили.

Николаю Николаевичу показалось, что Феофан держит под бородой топор и не стал возражать. Только осторожно спросил:

— Всё ли в Петербурге спокойно?

На что был ответ:

— Больно многолюдно. Оттого и грешат.

Дворец конгрессов состоял из нескольких оранжевых кубов, одиноко стоящих в чистом поле.

Кубы были громадные и напоминали завод. Все подъездные пути к дворцу преграждали контрольно-пропускные пункты. Полосатые шлагбаумы неохотно поднимались, пропуская машины. Полицейские проводили контроль, поднося электронный прибор к виску участников форума. Прибор дистанционно определял содержание в крови лейкоцитов, эритроцитов и тромбоцитов, а также группу крови. При этом гость должен был мысленно произнести афоризм Элтона Джона и вспомнить несколько первых тактов «Маленькой серенады» Моцарта. Таким образом подтверждалась идентичность персоны.

Меры безопасности были чрезвычайные, ибо в Петербурге действовала подпольная сеть «Исламского государства» и время от времени звучали взрывы.

Николай Николаевич видел, как в приборе скачут бесшумные цифры, напоминающие зелёных водомеров. Мысленно произнёс афоризм Элтона Джона: «Крути башкой, целее будешь». Вслух пропел начало «Маленькой серенады», которую так великолепно исполнял его друг Давид Ойстрах, трагически погибший во время спецоперации под Гератом.

Машины пропустили, и он успел разглядеть тёмный пушок над верхней губой женщины-полицейского, производившей контроль. Подумал, что, будь он на месте террористов, он поместил бы на одежде каждого из гостей пылинку взрывчатки. После досмотра, в здании Дворца конгрессов, смёл бы эти пылинки с одежды, слепил из них ком и произвёл взрыв.

Рядом контроль проходил Моргулиус, хотя его не было видно в карете. Спицы в колёсах были красные, обода кованые, а на дверце золотом был выведен вензель императрицы. Произошла небольшая заминка, все шесть лошадей, запряжённых в карету, не могли вспомнить афоризм Элтона Джона, а когда начинали ржать, вместо «Маленькой серенады» у них выходило адажио из «Лебединого озера». Кучер был не итальянец, как вначале показалось Николаю Николаевичу, а старообрядец, как и Феофан, с такой же металлической бородой, из-под которой выглядывало топорщице. Увидев собрата из Поморского согласия, кучер осенил себя двумя перстами и произнёс:

— Феофан, будет ли в конце недели завершение света?

На что Феофан сурово ответил:

— Многие глаголы, несть спасения!

Пространство дворца, куда попал Николай Николаевич, было непомерным, огромным. Потолок казался небом, в котором туманно мерцало, переливалось, как в те августовские ночи, когда выходил из избы и стоял, вдыхая запах вянущего тополя, и с неба, из мерцанья, опускалась на лицо звёздная роса и летели бесшумные искры, а в капле воды, оставшейся после ночного дождя, отражалась звезда, и он мановением глаз то находил отраженье звезды, то снова его терял.

Здесь же, под необъятными сводами дворца, пахло сладкими лаками и каким-то душистым металлом, вызывавшим во рту лёгкое жжение. Стоял непрерывный шелест, гул, вкрадчивый шорох. Этот звук издавала огромная толпа, которая двигалась двумя потоками навстречу друг другу. Николай Николаевич, едва ступил под своды дворца, был

подхвачен одним из потоков, и его повлекло, стиснуло, не давало остановиться. Навстречу торопились люди, большинство из которых были похожи, молодые, в одинаковых чёрных пиджаках, белых рубашках и тонких галстуках, которые от быстрой ходьбы развевались. Их лица были устремлённые, в них был порыв. Казалось, в них дул встречный ветер, и они торопились, преодолевая его напор. Они производили впечатление существ, только что появившихся на свет из невидимого инкубатора, где вылупились из личинок, как стрекозы или кузнечики. Они ещё хранили влажность и некоторое изумление, связанное с появлением на свет. Но уже знали своё предназначение и стремились к цели, ради которой их сотворили.

Николай Николаевич всматривался, замечал, как некоторые из них на мгновение замирали, подняв ногу или остановив взмах руки, держались один миг неподвижно, а потом продолжали движение, но уже неуловимо иные, с лицами более жёсткими и отточенными, озарёнными странным матовым свечением. Эти особи почти не выделялись в толпе, и только Николай Николаевич, владевший даром ясновидения, чувствовал, что они изменили свою природу. Соединились с чем-то мощным и властным, витавшим под сводами.

Николай Николаевич поднял голову и увидел высоко в черноте пылающую цифру «6». Она горела, словно выложенная бриллиантами. Казалась созвездием, которое явилось из глубин галактики и встало над землёй, предвещая конец времён, о котором пророчествовали староверы Поморского согласия. От цифры исходили лучи и невидимые силы, которые вторгались в толпу. Те, на кого падал луч, замирали, как мертвенные отпечатки, и вновь оживали, но уже с иной сущностью, подчиняясь цифре. Сами становились цифрой. Переходили под власть пылающей во тьме шестёрки. Эта шестёрка, как огненная птица, вглядывалась в проходившую толпу, прицеливалась и выклёвывала то одного, то другого. Уносила его сущность в неведомое, свитое во тьме гнездо.

Николай Николаевич, специалист по теории чисел, описавший в числах Царствие Небесное, понимал, что здесь, на форуме, переводят в цифру участников, но не понимал, с какой целью.

В потоке плывущих навстречу однотипных людей попадались персоны, чья внешность и именитость пугали Николая Николаевича, и он было устремлялся к ним, удерживаемый в своём порыве благоразумием, которое не раз сберегало ему жизнь. Так, среди бегущих однотипных молодых людей, по виду клерков, вдруг возникла Анна Андреевна Ахматова, такой, какой была на портрете Модильяни. Она скользила в голу-

бом сиянии, грациозно переступая на высоких каблуках. На мгновение замерла, развернувшись в профиль, так что Николай Николаевич залюбовался её царственным носом с горбинкой. И снова пошла, и Николай Николаевич понял, что она стала цифрой.

Вслед за ней появился Жданов, сталинский деспот, с тяжёлым мясистым лицом и тёмными усиками. Он воздел густые брови, скривил рот и пребывал в таком состоянии долю секунды. И Николай Николаевич понял, что и он стал цифрой.

Точно так же были оцифрованы Анатолий Собчак, певец Шнур и предприниматель Шутов, осуждённый пожизненно за серию убийств. Все они на глазах Николая Николаевича превратились в цифры.

Зато командир подводной лодки U-22 Ульрих фон Браух, который теперь был не в драном свитере, а в чёрном смокинге с галстуком-бабочкой, прошествовал, не замирая ни на мгновение. Оставался живой легендой Третьего рейха.

Теперь Николай Николаевич понимал, почему снаружи Дворец конгрессов напоминал завод. Здесь в промышленных масштабах создавались клерки, и некоторые из них превращались в цифры. Хотя в серийном производстве случались исключения, такие как Анна Ахматова, и для их изготовления требовалось особое оборудование.

Николай Николаевич так засмотрелся на встречную толпу, замечая среди одинаковых клерков то архитектора Растрелли, то художников группы «Война», начертавших на мосту вызывающее изображение пениса, что совсем не думал, куда влечёт его попутный поток. И это едва не погубило его. Попутный поток удалялся в дальний конец дворца и проваливался. И там, куда он проваливался, чавкало, хлюпало, поднимался пар. Там перерабатывались отходы, и измельчённый человеческий мусор шёл на изготовление обновлённого человечества. Николай Николаевич перед самым падением в яму успел отвернуть и скользнул в боковой проход, ведущий в центр дворца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Николай Николаевич Полуверцев двигался в чреве дворца. Повсюду мерцали экраны, переливались волшебные скульптуры, трепетали электронные знаки. На стенах загорались священные надписи, таинственные письма, сокровенные тексты. Ему казалось, что он плывёт, не касаясь морского дна, всплывает в струящиеся водоросли и морские цветы. Он стал рыбой, серебряные пузырьки истекали из его дышащих жабер. Эти пузырьки были крохотными светящимися цифрами. Переводили его русскую речь, русские мысли и русские сны на язык электроники. И кто-то безымянный, неведомый их поглощал, и пылающая в высоте электронная цифра «6» чуть трепетала.

Николай Николаевич вплыл в голубоватый объём и встал на ноги. Очутился перед электронным табло с надписью «Русская Арктика». Перед ним предстал чернобородый Полярник, с которым познакомились на приёме в Кремле. Чокались, пьянели от вкусной водки и встали, когда в зал вошёл Президент, обращаясь к гостям с приветственной речью. Полярник был любимец Президента. Опустившись в батискафе на дно океана на Северном полюсе, он установил на дне бюст Президента, выточенный из агата. Русские подводники, про-

плывая мимо бюста, собирались в кают-компаниях, поднимали бокалы с вином.

— Николай Николаевич, наконец-то! Мы тебя ждём, — затормошил его Полярник.

— Ты знаешь, так славно быть рыбой, — ответил Николай Николаевич и осторожно отцепил от рукава приставшую морскую звезду.

— Позволь я тебя представлю, — перед ними возник господин с розовым полным лицом такой свежести, точно он только что встал из душистой пены. — Мистер Шульц, из совета директоров «Дженерал электрик», крупнейший специалист НАСА по математическому моделированию. Говорит, что знает тебя.

— Да-да, — Николай Николаевич пожимал большую тёплую руку американца, столь мягкую и безвольную, что, казалось, её можно унести с собой. — Мы встречались в Хьюстоне. Видели, как рожают темнокожая женщина. Младенец превышал норму вдвое. Забыл, как звали роженицу. У неё были фиолетовые губы.

— Её звали Бетси. Или Менси, — произнёс американец на прекрасном русском, и Николаю Николаевичу показалось, что он уже слышал этот голос в наушниках, когда прослушивал гидрофонные заграждения в районе Скагеррака.

9

— Мой друг Шульц хочет инвестировать в Россию, — сказал Полярник. — Он поверил в моё открытие.

— В чём открытие? — спросил Николай Николаевич, а сам вдыхал студёный ветер, стоя у стальной серой рубки, глядя, как в тусклом солнце трепещет вертолёт морской авиации и в тумане темнеет гора авианосца. «Плавучие монастыри», — думал он об авианосце, рассеянно слушая Полярника.

— Ты знаешь, я поставил на дно океана в районе Северного полюса агатовый бюст Президента. Магнитные силовые линии, коих на полюсе величайшая концентрация, взаимодействуют с агатом и вырабатывают электричество. Это электричество ионизирует атмосферу, и теперь над полюсом от северных сияний светло как днем. Мы спроектируем энергетическую установку, которая обеспечит человечество бесплатным электричеством. Шульц готов инвестировать.

Американец благодушно кивнул, а Полярник зажёг на табло изображение, снятое из космоса.

На Северном полюсе лёд растаял и образовалась громадная полынья. Вода в полынье светилась зеленоватым светом. Зарево, стоящее над полыньей, было зыбким и напоминало огромный бюст Президента. Из полыньи вылетали ионные сгустки, похожие на светящихся рыб, и мчались по небу, разбрызгивая прозрачные радуги.

Николай Николаевич погрузился в упоительные видения, когда мчался на лыжах по безлюдным озёрам и в глыбах синего льда была вмерозжена радуга. Печь в избушке шумела огнём, кирпичи в ней были седые от жара, и он взял в свой спальный мешок рыжеволосую девушку, почти ещё девочку, и она, греясь, прижималась к нему. Он чувствовал, как пахнет её свежая кожа, а наутро ослепительное белое солнце, лопарь на крыльце свежует убитую росомуху, и на белом, как сахар, снегу, красная звериная кровь.

— Я готов инвестировать, но необходимо одно условие, — произнёс Шульц, вежливо позволяя Николаю Николаевичу досмотреть видение.

— Какое условие?

— Мы должны оцифровать русскую Арктику. Мы не можем полагаться на хаотический характер современной России. Нам нужны гарантии.

— Но, Шульц, мы так не договаривались! — возмутился Полярник, гневно сотрясая чёрной бородой, в которой ещё держался иней былых полярных странствий. — Никаких цифрований! Иначе ярываю контракт!

Полярник яростно встряхнул бородой и вскинул руку. Замер на мгновение, превратившись в мёртвенный отпечаток. Через секунду продолжил взмах

— Я готов инвестировать, но необходимо одно условие, — произнес Шульц, вежливо позволяя Николаю Николаевичу досмотреть видение.

— Какое условие?

— Мы должны оцифровать русскую Арктику. Мы не можем полагаться на хаотический характер современной России. Нам нужны гарантии.

руки и поворот головы. Николай Николаевич понял, что Полярник превратился в цифру.

— Шульц прав, — сказал Полярник. — Россия непредсказуема. Капитал должен быть уверен. Нам нужно оцифровать Арктику.

Николай Николаевич слабо понимал, чего от него хотят. Теперь он летел на вертолёте над Новой Землёй, и внизу стелилась ржавая тундра. Вдруг она колыхнулась, тронулась, стала сползать, словно её стягивали как одеяло. Он разглядел внизу испуганное вертолётном несметное стадо оленей, которое уходило в сторону моря. Вертолёт повис над зелёной водой, и внизу в море плыла медведица, и в её белый загривок вцепился медвежонок. Медведица задирала морду к вертолёту и угрожающе скалилась. Николай Николаевич ликовал, посылал из неба медведям своё обожание.

Американец вежливо дожидался пока вертолёт с Николаем Николаевичем делал над медведями круг и возвращался к земле.

— Видите ли, господин Полуверцев, дорогой Николай Николаевич, мы не сможем оцифровать Арктику без вашей помощи. Вы создали теорию чисел, получившую название «Модем Полуверцева». Не зная этой теории, мы не можем цифровать территории, страны и государства. Мы просим вас открыть тайну «Модема Полуверцева». За это вам будет любая награда.

Розовое лицо американца было добрым и любящим. Он был похож на пастора, утешавшего своего прихожанина. Николай Николаевич нуждался в утешении и любви. Он только что был рыбой, отцепил от рукава большую морскую звезду, а маленькая ползла по плечу. Он видел в зелёном море белую медведицу, а теперь не видит. Он пустил в свой спальный мешок рыжеволосую девушку,

и сколько теперь у этой девушки рыжеволосых детей, и сколько рыжеволосых внуков? И где тот лопарь, что вёл маленьким блестящим ножичком по косматому брюшку росомахи? И откуда эта нескончаемая тихая боль?

— Вам, Николай Николаевич, будет предоставлена кафедра в лучшем университете Америки. В Хьюстоне вы возглавите лабораторию, где станете развивать и усовершенствовать «Модем Полуверцева». Вы войдёте в клуб виднейших учёных Америки и получите премию Филдса по математике, равнозначную Нобелевской премии. Откройте сущность «Модема Полуверцева».

Николай Николаевич почти забыл, что открыл когда-то этот метод, именуемый «Модемом Полуверцева». Метод, позволявший оцифровать Царствие Небесное. Тогда в Оптиной пустыни, в скиту, в ночном храме, где горела одинокая алая лампада, он беседовал с оптинскими старцами о числе, знаменующем окончание мира, и о числе, возвещающем сотворение мира. Этот ночной разговор был прерван известием, что у ворот Пустыни остановилась коляска с писателем Львом Толстым, который бежал из дома. Старцы покинули Николая Николаевича, а тот вышел в туманную ночь, которая пахла сенокосами, лесной земляникой и близкой речной водой. Он долго стоял, слушая крик одинокой печальной птицы, и ему казалось, что это зовёт его мама, прилетевшая повидаться с сыном из небесных высей. Не может в облике птицы обнять его. Опечаленный, он шёл ночными туманами, утопая в росе, и при свете зари увидел, как слиплись от росы колокольчики, и в каждом золотилась капля с отражённой зарёй. Стоя в колокольчиках, он пережил откровение, какое переживали порой его предки-полуверцы, исполняясь полнотой веры. Он услышал восхитительную музыку русского утра и утренней русской зари, райскую песню русского цветка колокольчика. По утреннему лугу бежала к нему мама в белом платье, упала ему на грудь, приговаривая: «Коля, мой милый Коленька, как мы долго не виделись!» В этот миг он уверовал полной верой в Царствие Небесное, которое было внутри него. Тогда же родилось в нём прозрение о Царствии Небесном, о Числе, что следовало за Словом, силой которого был сотворён мир. Он вскоре забыл об откровении и о Числе, но теперь ему напомнил об этом добродушный пастор из штата Техас.

— Дорогой Николай Николаевич, открой нам сущность «Модема Полуверцева», — уговаривал Полярник. — Мы оцифруем Арктику, и ты будешь вознаграждён.

— Мой друг, о чём ты просишь? Ты ведь знаешь, что, когда родился «Модем», кругом были колокольчики, и малиновая заря, и одинокая лампада, и повозка, в которой сидел великий старик, искавший путь в Царствие Небесное. Я не успел показать ему этот путь, что вёл по росистому лугу. Я уехал в Афганистан, где горела мечеть, на узорном полу лежал окровавленный бинт, десантник умирал в лазарете и звал: «Мама, мама, ты где?» И пришла моя мама, вся в белом, но обняла не меня, а его, потому что мы были с десантником братья. Мы плыли по Лимпопо, и горели африканские хижины, и на ствол пулемёта села синяя птица. Ты же знаешь об этом, мой друг.

— Да, я слышал об этом. Но сейчас ты должен вынуть мистеру Шульцу и открыть ему сущность «Модема».

— И мы оцифруем белую медведицу с медвежонком, — подхватил мистер Шульц. — И рыжеволосую девушку, и то, как вы бежали за ней на лыжах по блестящей лыжне и с обожанием смотрели на её летящие красные лыжи. Мы всё это оцифруем и вернём вам, чтобы это никогда не исчезло.

— Но позволь, — обратился он к другу Полярнику, — а как же эти прозрачные голубые льды, которые манили нас своей целомудренной чистотой? Эти мечты о святом Беловодье, которое влекло к себе русских странников, и они на утлых ладьях плыли в студёное море, пропадая бесследно? А Полярная голубая звезда, которая манила своей небывалой красотой, своей заповедной мечтой? Мы оцифруем то, что является русской тайной, русской несказанной мечтой о вечном блаженстве, о вечной любви и счастье? Неужели мы погубим всё это?

Полярник съёжился, стал сутулым, глаза его превратились в лёд, а на лбу появилось крохотное клеймо, едва различимая цифра «6».

Николай Николаевич смотрел на него с состраданием. Увидел, как на добром лице проповедника, меж его светлых бровей, открылась малая скважина, уводящая в непроглядную бездну.

Пролепетал:

— Я подумаю. Мне надо узнать, где здесь растут колокольчики.

— Там, — указал американец на своды Дворца конгрессов, где пламенела электронная цифра «6».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Николай Николаевич Полуверцев испуганно думал, что в этом огромном дворце, среди пролетающих лучей и клубящихся толп, присутствует тайна. Она витает среди представителей банков, директоров корпораций, министров и глав кабинетов. Эта тайна нависла чёрным угрюмым сводом с мерцанием электронных светил, с огромной пылающей цифрой «6», которая явилась из других галактик и встала над всеми, суля неисчислимыя беды. Эта тайна касается его, Николая Николаевича Полуверцева, обращена на него, знает о нём, следит среди сгустков толпы.

Навстречу вынырнул человек с коричневым цыганским лицом, вьющимися иссиня-чёрными волосами. У виска качалась большая серебряная серьга, во рту, среди фиолетовых губ, светилась золотая коронка.

— Ну слава богу, ты появился, Коля. Мы тебя объявили. Ты как всегда опаздываешь, — человек схватил его за рукав и потащил, расталкивая людей, туда, где светилось пространство с обилием колб, стеклянных сосудов, сверкающей стали и мерцавших источников света. — Мы сделали всё, как ты приказал

Николай Николаевич слабо сопротивлялся, узнавая в цыгане старинного приятеля, который в прежние времена был белёсым хрупким писателем, в рассказах которого описывались мыши, сороконожки, клесты, бурундуки, бенгальские тигры и некоторые виды микробов, составлявших флору и фауну в желудке беременных женщин. Его звали Малюшкин, или Малюткин, или Малявкин, но все, кто встречался с ним в писательском клубе, называли его — Мышеедов. Так его теперь и назвал Николай Николаевич:

— Мышеедов, куда ты меня влечёшь? Ты уверен, что серьга должна висеть в левом ухе, вопреки геральдической традиции? Или я чего-то не понимаю?

— Потом объясню, — Мышеедов втащил его в помещение, напоминавшее лабораторию, где находилось несколько профессоров из Израиля, скупающих в России открытия.

— Господа, Полуверцев здесь. Можем начать демонстрацию.

Николай Николаевич рассеянно слушал что-то про искусственное взращивание эмбриона, о правильном выборе яйцеклетки, желательном из вологодской глубинки, об интеллектуальном сперматозоиде, предпочтительно от аспирантов истфака. На ранних стадиях взращивания в эмбрион пересаживаются фрагменты генетического

кода клеста, или бурундука, или сёмги, после чего синтезированный человек обретает способность летать, или жить на деревьях, или обитать на дне моря, не всплывая на поверхность и лишь в период нереста заходя в мелкие прибрежные реки.

Он видел, как кивают лысыми головами профессора из Израиля, а сам вспоминал, как в Дубовом зале Дома литераторов пил красное мукузани с молодой балериной, и в зал вошёл взволнованный поэт Евтушенко с аметистовыми глазами, держа на руках поэтессу Мариэтту Шагинян, которую вынес из горящего дома. И ночная рубашка на ней продолжала дымиться.

— Мы готовы, — произнёс один из профессоров, достал из кармана кипу и накрыл ею белую плешь. Остальные два профессора остались с непокрытыми головами. — Мы готовы, — повторил тот, что был в кипе. — Мы в Израиле тоже занимаемся взращиванием человека. Но у нас обнаружили препятствия. Мы надеемся на русские технологии.

— Зачем вам это? — не понимая сути происходящего, спросил Николай Николаевич.

— Нам нужен новый еврейский народ. Старый не оправдал упования Господа, прельстился идеей господства, стал народом-банкиром и отпал от небесных смыслов. Господь отвернулся от прежних евреев и поручил нам создать новый еврейский народ.

— Возможно ли это? — тоскуя от непонимания, спросил Николай Николаевич.

— У евреев есть ум, а у русских сметка. Еврейский ум и русская сметка могут перевернуть горы, если правильно вложить деньги.

— Итак, начинаем, — блеснул золотым зубом Мышеедов и нажал кнопку компьютера. — Яйцеклетка поступает в реактор.

В прозрачную колбу, наполненную желтоватым раствором, всплыло студенистое тело размером с перепелиное яйцо. Закачалось, окружённое розоватым нимбом, как небесное светило. В яйце краснели тонкие жилки, переливались слизистые перепонки.

— Яйцеклетка принадлежит учительнице сельской школы, двадцати двух лет, что под Каргополем Архангельской области. Яйцеклетка взята в полнолуние, когда петух шесть раз кряду крикнул, что сулит богатый урожай подсолнечника.

Николай Николаевич смотрел на светило, от которого расходились розоватые волны зари. И начиналось его ясновидение. Матери убитых пограничников бежали по скользкому снегу, влетали с солнца в палатку, слепли и начинали метаться

— В реактор поступает мужская половая клетка. Сперматозоид взят у аспиранта физико-математического факультета Московского университета, двадцати восьми лет, в четвёртую фазу Луны, в день прославления Флора и Лавра, покровителей жеребцов и быков, — возгласил торжественно Мышеедов и нажал кнопку компьютера. Два профессора, стоявшие с непокрытыми головами, извлекли из кармана кипы и накрыли свои бледные лысины.

среди красных гробов, в которых лежали солдаты с одинаковыми заострёнными носами. Мать находила сына, падала на его окаменелую грудь, жадно её ощупывала. Начинала голосить:

— Петя, Петенька, сыночек мой золотой! Это я, твоя мамочка! Да какой же ты стал большой, даже в гробик не влазишь! Да за что же они тебя убили! — она без чувств валилась на землю, и стоящий рядом солдат черпал из ведра алюминиевой кружкой ледяную воду, с силой вливал ей в рот.

— В реактор поступает мужская половая клетка. Сперматозоид взят у аспиранта физико-математического факультета Московского университета, двадцати восьми лет, в четвёртую фазу Луны, в день прославления Флора и Лавра, покровителей жеребцов и быков, — возгласил торжественно Мышеедов и нажал кнопку компьютера. Два профессора, стоявшие с непокрытыми головами, извлекли из кармана кипы и накрыли свои бледные лысины.

В реактор проникла тончайшая стальная игла. Надавила на яйцеклетку. Пронзила ее. Впрыснула облачко млечной жидкости, часть которой не вместились в яйцо, и замутила раствор. Было видно, как дрогнула яйцеклетка, стала набухать. Розовые волны, от неё исходящие, стали краснеть, а тонкие жилки стали огненно-красными.

Николай Николаевич счастливо закрыл глаза. Видел лицо жены обожаемой, присевшей на лавку у куста жасмина, и их дети, дочка и сын, семени ножками, бежали по мелкой траве, что росла у колодца. Жена светилась от нежности и любви,

и он обожал и жену, и детей, и цветущий жасмин, и ведёрко воды, которое вытащил из колодца, в который падали звенящие капли и в тёмной глубине отражалось белое облако. И всё это было в Николае Николаевиче, драгоценно сберегалось всю огромную жизнь.

Яйцеклетка росла, в ней возникали слабые углубления и вздутия. Она вздрагивала, отталкивала от себя желтоватый раствор, а потом жадно впитывала. Внезапно в реторте полыхнул амётистовый свет, яйцеклетка вздохнула, расширилась, и в её глубине засветилась крохотная точка. И Николай Николаевич понял, что это душа вселилась в бездушную плоть, и где-то рядом, невидимый, опустился ангел-хранитель и взирает на того, кому будет сопутствовать всю его жизнь, следуя за ним по войнам, по тюрьмам, во время странствий и пиршеств.

— В реактор вводится генетический материал большого певчего дрозда. Он должен сообщить взращённой человеческой особи способность летать, вить гнезда и, в случае необходимости, откладывать яйца. Большой певчий дрозд пойман в Орловской области, в дубраве вблизи бывшей усадьбы Афанасия Фета. После взятия генетического материала дрозд был отпущен на волю и теперь, как нам сообщают орнитологи, продолжает петь в дубраве, воспроизводя романс Петра Чайковского на стихи Афанасия Фета «Я тебе ничего не скажу». — Мышеедов попытался напеть романс, но вышло фальшиво, и он, качнув серебряной серьгой, нажал кнопку.

В колбу проникла тонкая игла, на конце которой играл голубой пузырьрёк. В этом пузырьрке таился дрозд, который обклёвывал осеннюю рябину на краю деревни, роняя на землю оранжевые ягоды, сияя стеклянным оперением. Николай Николаевич видел, как игла кольнула яйцеклетку, вдувая в нее пузырьрёк, который растаял среди красных прожилок. Яйцеклетка росла, удлинялась, в ней обнаружилась лобастая голова с выпуклыми глазами, прикрытыми веками, скрюченные, поджатые к голове ножки, хрупкие ручки с лягушачьими пальчиками. Теперь это был розовый эмбрион, напоминавший личинку. Он слабо вздрагивал, как от испуга, и в его полупрозрачном тельце мерцала светлая точка, дышала поселившаяся в нём душа.

Николай Николаевич созерцал божественный процесс создания человека, который протекал не в потаённом чреве матери, а в стеклянной реторте, среди множества излучений, электрических импульсов, таинственных разноцветных струек, что вливались в реторту. Это была стеклянная мать, которая станет сниться взрослому сыну в виде стеклянного, наполненного светом сосуда, исполненного нежности и любви.

Эмбрион разрастался, у него появились признаки пола, два круглых яичка, возмещавших о грядущем мужчине.

Николай Николаевич изнемогал от липкого пота, который жёг лицо, слепил глаза. В горле першило от едкой пыльцы, которой был насыщен воздух сельвы. Отряд сандинистов перебрал горячую жижу, на воде желтели цветы, и над ними летали крохотные синие бабочки. У солдата, что шёл впереди, к трубе гранатомёта прилипла ряска. Николай Николаевич боялся не выстрела, а солнечного удара, который повалит его в густой кисель болота, откуда он не сможет подняться. Отряд выбрел на берег, с солдат лилась вода, под камуфляжем мокрых брюк выделялись набухшие шары.

— Теперь, господа, ещё одна коррекция. Вводим генетический материал беломорской сёмги. Экземпляр был выловлен на терском берегу Белого моря у села Варзуги в начале августа, когда лову благоприятствовал северный ветер. Это был самец сёмги, весил три килограмма. Человеческая особь, как мы полагаем, обретёт способность жить под водой, среди семузьего стада и, в случае необходимости, приведёт это стадо к рыболовным сетям, что увеличит добычу рыбы. — Мышеедов собирался нажать кнопку, но его остановил один из профессоров:

— Скажите, а можно рассчитывать, что с помощью вашей технологии мы сможем зарыбить Мёртвое море? Ведь там очень высокая концентрация соли.

— Ну конечно, господин Перельман. Вы будете ловить сёмгупряного посола, — мягко пошутил Мышеедов и нажал кнопку.

Ещё одна игла углубилась в плоть эмбриона, и он вздрогнул, как если бы испытал боль. Эмбрион увеличивался на глазах. Мониторы зафиксировали первые биения сердца. У него были крупные прижатые уши, и за ними наметились жаберные щели. А руки и плечи покрывались оперением. Он был человек, но состоял в тесном родстве с дроздом и сёмгой.

С друзьями он сидел у белоснежной псковской церкви, и по стенам бежала солнечная озёрная зыбь. По озеру плыли длинные лодки, в которых сидели косцы с красными загорелыми лицами, и высились копны сена. Он с друзьями пил вино, любясь, как у возлюбленной друга светится ситец платья, и в нём струится её гибкое тело. Ночью жгли костёр, и друг кинул вверх горящую головню, она взлетала вверх, а её отражение удалялось в глубину воды, а потом головня и её отражение стали сближаться, и встретились, и вода зашипела, гася головню. Через много лет друг лежал в гробу, и его возлюбленная наклонилась и ножницами отрезала

прядь его волос, а когда его хоронили, и цветы в гробу были холодные, неживые, из зимнего неба спустился голубь и сел в гроб, мял цветы, перебирая розовыми лапками. И где-то есть тот берег, и трава, и если её раздвинуть и раскопать землю, найдёшь угли того старинного костра, и снова горящая головня взлетит в бархатное чёрное небо и станет приближаться к своему отражению.

Эмбрион тучнел, становился сочным. У него были крохотные оттопыренные губы, дырочки ноздрей, запечатанные глаза.

— Сейчас, господа, мы приближаемся к пограничному моменту, который нельзя преодолеть без помощи моего друга Николая Николаевича Полуверцева. Необходимо оцифровать процесс жизнеобразования. Только Николай Николаевич обладает знанием, способным превратить этот процесс в цифру. «Модем Полуверцева» способен превратить жизнь в управляемый процесс, с помощью которого мы сможем создать новое, цифровое человечество. Цифровых евреев и русских. И таким образом покончить с вековой враждой двух народов, объединив их для планетарных целей.

— Мы готовы заплатить господину Полуверцеву какую угодно сумму, — произнёс профессор Перельман. — Конечно, в пределах разумного.

— Ну что, Николай Николаевич, ты можешь стать миллионером.

— Ты хочешь, чтобы я оцифровал ту милую учительницу из Каргополя и аспиранта-математика?

— Ну конечно.

— Хочешь, чтобы я оцифровал певчего дрозда, ту беломорскую сёмгу, которую северный ветер привёл в рыбацкую сеть?

— Ты это можешь.

— Чтобы я оцифровал убитых пограничников на Уссури и того сандиниста, что пробирался сельвой к Рио-Коко? И друга, который вёл меня среди синих льнов и золотых подсолнечников от одной белой церкви к другой? И тот цветущий жасминовый куст, под которым сидела жена, и дети, пробегая по траве, махнули нам своими милыми ручками?

— Только ты это можешь.

— Ты был хорошим детским писателем, Мышеедов. Кто тебя сделал цифрой?

— Господин Полуверцев, мы угодны Богу, — произнёс профессор Перельман. — Бог нашими руками готов выплатить вам очень хорошую сумму.

— Нет, — произнёс Николай Николаевич, чувствуя, как приближается обморок. — Отпустите меня.

Эмбрион в реторте наливался соками, тихо трепетал. Казалось, вот-вот он откроет веки и сквозь колбу глянут голубые глаза младенца. Его крохот-

8

ные губы были готовы разомкнуться, будто на них зрело первое слово жизни.

— Полуверцев, наш эксперимент приближается к той черте, где необходима твоя помощь. Ты должен оцифровать реальность, в которой возможно продолжение эксперимента. Иначе жизнетворчество завершится, и эмбрион погибнет. Неужели допустишь, чтобы младенец погиб в чреве своей стеклянной матери? Ведь это детоубийство!

— Но вы все заблуждаетесь, у меня нет таких возможностей. Вы все по поводу меня заблуждаетесь!

— У вас, господин Полуверцев, есть то, чего не было у царя Соломона, — произнёс профессор Перельман. — У вас есть «Модем Полуверцева». Вы можете оцифровать Царствие Небесное, не говоря уже о столь скромном процессе, как возвращение нового человечества.

— Нет никакого «Модема»!

— Но вы же превратили воду в вино на той вечеринке, где собрались филологи и вы играли в шарады, и при возгласе «Море волнуется раз!» вы наполнили вазу водой и пустили вазу по кругу, и все опьянели, и стали целоваться, а молодой аспирант Кюхельбекер тайно взял пробу воды, и она оказалась вином «Шабли» с виноградников в долине Луары.

— Боже мой, всё было совсем не так! Там были разведчики, работавшие в Англии под прикрытием. Им надо было возвращаться в Лондон, и один подарил мне медный бубенец, который надевают на шею верблюда, когда тот идёт по пустыне. Разведчика звали Антон, и я встретил его через несколько лет в Кандагаре на Чёрной площади, где стояли трофейные английские пушки. Колонны уходили в Союз на рассвете, и сапёры проверяли обочины, снимая фугасы, и тот, кого звали Антоном,

теперь назывался Асадулла, и он был в чёрной чалме, и мы сделали вид, что не знаем друг друга. Но на той вечеринке в Москве мы веселились всю ночь и пили вино, и утром я подошёл к окну, и была такая лазурь, такая божественная синева, какая бывает в Царствии Небесном, и летели в лазури серебряные чайки.

Николай Николаевич задыхался от счастливых слёз, вспомнив серебряных чаек.

— Господин Полуверцев, по вашей вине мы прерываем эксперимент, — сурово произнёс профессор Перельман.

Мышеедов нажал кнопку, и розоватый свет, наполнявший колбу, померк. Погасли источники излучения, разомкнулись тончайшие пуповины, питавшие эмбрион живительными соками. Мышеедов взял деревянные щипцы, какими достают из кипящего бака стираное бельё. Просунул щипцы в реторту. Ухватил эмбрион. Вытянул из раствора и кинул на пол. Эмбрион извивался, дёргал ручками и ножками. Полуверцев чувствовал, как вокруг бесшумно бушует воздух. Это ангел-хранитель бил крыльями, стремясь защитить своё гибнущее чадо. Мышеедов наступил на эмбрион башмаком, эмбрион хрустнул, из-под подошвы потекла розоватая жидкость. Крохотная, едва заметная точка прынула ввысь и исчезла. Это излетела душа, покинула землю, едва успев на ней поселиться.

— Мы открыты для переговоров, господин Полуверцев, — произнёс профессор Перельман. — Речь идёт об очень солидной сумме.

Полуверцев заметил за ухом профессора едва различимую татуировку, цифру «6». Такие же цифры он заметил за ушами Мышеедова и двух других учёных.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Полуверцев в изнеможении брёл под мерцающими чёрными сводами дворца. В вышине, как грозное светило, полыхала электронная цифра «6». Она осыпалась мельчайшими искрами, золотистой пылью. Эта пыльца оседала на головах толпы, непрерывно идущей, тёмной и вязкой. Тот, кого касалась пылинка, на мгновение замирал, его лицо становилось пластмассовым, а потом оживало. Человек продолжал идти, и у него за ухом появлялась крохотная цифра «6».

Полуверцев видел, как в толпе возникали министры, члены парламента, губернаторы. С некоторыми он был знаком, раскланивался. С иными целовался, и каждый губернатор источал особый запах, в зависимости от региона, которым тот управлял. Запах сосны, или нефти, или морской капусты, или ракетного топлива, сопутствующего запуску баллистических ракет.

В бесчисленном мелькании пробежавших мимо клерков он вдруг увидел Наджибуллу, его тяжёлое смуглое, с тёмными усами лицо, каким запомнил

во время встречи на правительственной вилле в районе Дарульамман, и на его шее был багровый рубец от петли, в которой он висел на суку безлистого дерева. Наджибулла прошёл мимо, слегка ему поклонившись. Следом прокатилась узорная коляска моторикши, какие он видел в ночном Равалпинди, и цветные огоньки напоминали лампадки, и он подумал, что коляска похожа на передвижную часовню. Он заметил писателя Юрия Трифонова, который написал предисловие к его первой книге и которого Полуверцев почитал своим благодетелем. Его тёмные выющиеся волосы, печальные влажные глаза, чуть вывернутые африканские губы. Он лежал в гробу в дубовом зале Дома литераторов, где они ужинали впервые, чокались бокалами, и он подарил своему благодетелю деревянное расписное яйцо.

— Николай Николаевич! — услышал он оклик. — Мне предложено вас отыскать, обнять и доставить в наше представительство, где мы демонстрируем боевую робототехнику.

Николай Николаевич оказался в крепких объятиях молодого, коротко постриженного человека с синими шальными глазами, облаченного в великолепный серый костюм с французским шёлковым галстуком. Это был генерал Стрижёв, с которым встречались на танкодроме в Нижнем Тагиле, и опытный танк-робот перепрыгивал рвы, танцевал кадрили, бил по мишеням из скорострельной пушки и уклонялся от противотанковых ракет.

— Идёмте, идёмте, дорогой друг!

Николая Николаевич пытался артачиться, но крепкая рука генерала тащила его, и скоро он оказался в пространстве среди плазменных мониторов, таинственных агрегатов, антенн, человекоподобных роботов в военной амуниции, которые шевелили руками, наклонялись, перемещались и при появлении Николая Николаевича приветствовали его, приложив руку к защитному шлему.

— Познакомьтесь, господин Синь Бяо, — Стрижёв представил Полуверцева вставшему из кресла китайцу. Тот был невысок, с бобриком, с худыми коричневыми скулами и узкими, как бритвенные надрезы, глазами, в которых играли золотистые лучики. — Господин Полуверцев согласился поделиться с нами опытом, который уже лёг в основу боевых разведывательных комплексов, прошедших испытание в Сирии.

— Но позвольте! — протестовал Полуверцев, но Стрижёв не дал ему говорить.

— Господин Синь Бяо — представитель китайского генерального штаба. Китай принимает участие в наших разработках и, как дружественная сторона, имеет долю в финансировании.

— Здравствуйте, господин Полуверцев, — китаец пожал Полуверцеву руку, и на его сухом запястье сверкнули золотом часы «Франк Миллер», точно такие, как у полковника американской разведки, с которым Полуверцев встречался в Брюсселе, и лапчатый ржавый лист каштана упал на столик, за которым они пили вино. — Ваши математические разработки легли в основу наших корабельных систем слежения. В наших учебных заведениях читают курс «Модем Полуверцева». Я счастлив знакомством. — Китаец улыбался, когда говорил, и когда умолк, продолжал улыбаться, показывая желтоватые зубы.

— Мы хотим, дорогой Николай Николаевич, показать вам некоторые из наших русско-китайских разработок, где используются ваши математические модели.

— Да позвольте, нет никаких моделей! — беспомощно возражал Николай Николаевич. Но Стрижёв силой усадил его в кресло, нажал на клавишу. И все трое оказались в лёгком сумраке, среди разноцветных синусоид, бегущих как волны бесшумного разноцветного моря.

— Мы покажем вам микроробот «Мошка», двойного назначения. Прошу вас, Николай Николаевич, погрузите руку в луч света.

Перед Николаем Николаевичем протянулся световой луч, и он, повинаясь приказу Стрижёва, поместил пятерню в поток света, видя, какой ярко-белой стала кожа, какими розовыми, лакированными стали ногти.

— Внимание! Пуск! — произнёс Стрижёв и нажал на клавишу.

Из жерла стальной трубы с шелестом вынесся рой крохотных золотистых мошек, образуя мерцающее облако. Облако попало в луч света, драгоценно засверкало и облепило пятерню Николая Николаевича. Его рука с растопыренными пальцами стала золотой. Он чувствовал шевеление золотых мошек, лёгкие покалывания, и ему казалось, что на руку надели перчатку, сотканную из золота.

— Эти мошки-роботы восприимчивы к теплу вашего тела, Николай Николаевич, а также к вашим мыслям, которые они считывают сейчас, проникая в вас своими хоботками. Этими золотыми мошками мы покрыли купол Исаакиевского собора, отчего он кажется таким светоносным в бесчисленных переливах. Если спор между церковью и светской властью за обладание собором зайдёт слишком далеко, мы пошлём мошкам управляющий сигнал, они покинут купол, и все увидят гору ржавой зелёной меди.

Николай Николаевич держал свою сияющую, как золотой слиток, руку в световом луче и, тоскуя, думал, что та высокая, в солнце, сойка, что летела

над снежной поляной и, сражённая выстрелом, упала, пробивая снег, рассыпая вокруг красные бусинки крови, застыла, раскрыв голубые крылья, и эту лазурь он узнал на рублёвской Троице, а потом, когда хоронили бабушку, такая же синева была в вершинах мартовских подмосковных берёз, которые он почему-то вспомнил в Анголе, в провинции Лубанго, среди сухих, трещащих от зноя зарослей, сквозь которые продирались их джип, и следом на грузовике колыхалась сдвоенная зенитная установка, и чёрные лица зенитчиков лоснились как нефть, голова у него раскалывалась, в горе першило от ядовитой пылицы, и на базе в бане инструктор по танковым двигателям парил его эвкалиптовым венником, мнял усталые плечи, а потом с советниками в блиндаже пили виски, пока не налетели южноафриканские «Канберры», бомбя подземный лагерь, из которого на солнце выскакивали кричащие обожжённые люди, и всю ночь в буше вздыхал и стонал раненный бомбой слон... Впрочем, о чём я? При чём здесь синяя сойка? Боже, мне снятся всё те же сны!

— Сойка породила поток твоих мыслей, которые, если его продолжить, приведут нас к «Модему Полуверцева», с помощью которого ты оцифровал Царствие Небесное.

— Да нет никакого «Модема». — Мошки, облепившие руку Николая Николаевича, исчезли. Их всосала горловина трубы. Рука покраснела, словно её обожгло южное солнце.

Китайский генерал Синь Бяо улыбался:

— Мы, господин Полуверцев, проложим через ваше сознание Великий шёлковый путь, и на этом пути обретём «Модем Полуверцева».

— Теперь, Николай Николаевич, мы покажем вам полигонные испытания боевых мини-роботов российско-китайского производства. Прошу взглянуть на экран. Файл первый. Управляемая пуля «Божья коровка», прошла промышленные испытания.

Загорелся экран. Снайпер с оружием в виде короткой трубы и коробки целил в холмистую местность. Выбежал робот-пехотинец, помчался, заскакал, заюлил, меняя направление, припадал и вновь вскакивал. Снайпер сделал выстрел. Из трубы вылетела едва различимая точка, полетела к бегущей мишени. Телекамера увеличила летящую пулю, и стало видно, что это божья коровка. Её пятнистые створки были приоткрыты, прозрачные крылья пульсировали, крохотные усики шевелились, выбирая направление полёта. Пуля настигла мишень, ударила. Последовал короткий взрыв, и мишень разломилась на части и упала.

— Цель поражена! Стопроцентное попадание! — торжествовал Стрижёв. — Дайте файл номер два!

Китайский генерал Синь Бяо улыбался:

— Мы, господин Полуверцев, проложим через ваше сознание Великий шёлковый путь, и на этом пути обретём «Модем Полуверцева».

Мини-робот «Стрекоза», служит для поражения бронетехники!

На экране появился оператор, сидящий в окопе. В руках у него была труба, сопряжённая с овальной сферой. Оружие напоминало гранатомёт, но без прицела и без торчащей из ствола остроносой гранаты. Возник танк. Вынырнул из-за холма и на большой скорости стал пересекать равнину, замирал, снова мчался, метался из стороны в сторону, крутился волчком на месте. Оператор сделал выстрел. Из трубы вылетела стеклянная вспышка, понеслась к танку, отыскивая его среди пыльного облака. Телекамера увеличила летящий заряд, и это была стрекоза с лучистым блеском крыльев, синим трубчатым телом и выпуклыми зелёными глазами, следящими за танком. Стрекоза подлетела к танку, вонзилась в него. Последовал взрыв. У танка отскочила башня, он горел, из люков валила сажа.

— Отличный выстрел! Бронебойная стрекоза с оптическим самонаведением! — ликовал Стрижёв, хлопал по плечу генерала Синь Бяо, и тот улыбался.

Но как же звали того старика в выцветшей, на выпуск, рубахе, какую носят косцы, и в его бороде запуталась сухая травинка, и он проживал в деревне, где пели хоры, и ты сидишь на лавке среди дивных старух, и старик Костромитинов строго воздел коричневым пальцем, и песня начинается тихо, нехотя и нестройно, словно голоса мешают друг другу, вдруг взвосьётся, воспарит под самое небо, и изба станет золотой, и клеёнчатый коврик с лебедями и пышногрудой красавицей, и он так любит их всех, эти чудные выцветшие женские лица, и старика Костромитинова с зелёной травинкой в бороде, и клеёнчатых лебедей, и потом он шёл лесами и вышел к марийской деревне, где по дощатым тротуарам ходили люди в домотканых одеждах с чёрно-алой вышивкой, а под горой текла Кама, студёная, синяя, осенняя, среди багряных лесов, он сидел на пароход, у которого были допотопные деревянные колеса и сладкий дым из трубы, он выходил на палубу, и мимо проплывали горы в золотых и красных лесах, брызгал дождь, и девушка положила па поручни белую обнажённую руку, и он её целовал от пальцев до плеча, глядя,

как проплывает красная осенняя гора. Господи, я всё это несу в моём сердце, не даю умереть!

Так думал Николай Николаевич, чувствуя, как вокруг пляшут невидимые цифры, летают зеленоглазые стрекозы, мечутся пятнистые божьи коровки, и китайский генерал Синь Бяо смеётся своими тонкими, как бритвенные порезы, глазами.

— Теперь, Николай Николаевич, мы вернёмся к проекту, который обсуждали с вами в Центре управления боевыми операциями в рамках глобальной войны. Пожалуйста, файл номер три! — приказал Стрижёв, переключая экран.

Возникла электронная карта Евразии, по которой метались стрелы ударов, перемещались армии, меняли конфигурацию линии фронта. От границ Китая, от Амура и Уссури вторгались в Сибирь жёлтые энергичные стрелы. С запада из Европы вонзались синие стрелы, устремляясь к Москве. С юга, через Кавказский хребет, вторгались зелёные стрелы. Им всем навстречу били красные стрелы. Территория «красных» сжималась. «Жёлтые» огибали Байкал, стремились к Уралу. «Синие» захватили Москву, продвигались к Волге. «Зелёные» завладели Кавказом, захватывали территорию от Чёрного моря до Каспия. «Красные» отступали, им принадлежал узкий ломоть между Уралом и Волгой, от Ледовитого океана до берега Каспия. Война была ими проиграна. Как поднимают на копья измученное бессильное тело, так острия враждебных ударов пронзали последние оплоты «красных».

— Но происходит нечто, Николай Николаевич, что меняет ход войны. У «красных» появляются новые армии, невиданное вооружение, гениальные полководцы, солдаты с бесстрашной волей. «Красные» идут в контратаку по всем фронтам. Они выдавливают «синих» и доходят до Берлина и Парижа. Гонят прочь «зелёных» и захватывают Босфор и Дарданеллы. «Жёлтые» откатываются за Амур, а «красные» останавливаются только у Великой китайской стены. Мы обсуждали это явление, и вы назвали его «Русское чудо». Теперь, когда мы с китайскими друзьями оцифровали весь ход глобальных военных действий, нам осталось оцифровать Русское чудо. Помогите нам, Николай Николаевич, оцифровать Русское чудо.

Что он такое сказал? Не про ту ли фарфоровую вазу, что стояла на буфете у потолка и он смотрел, как летят на ней японские журавли? Или бабушкина синяя чашка от свадебного сервиза, которая кочевала сквозь войны и революции, бегства и переселения и одиноко стояла в буфете, и её золотой меандр был стёрт от бесчисленных прикосновений губ?

— Вы меня слышите, Николай Николаевич? Помогите оцифровать Русское чудо!

— Позвольте, но я не умею. Мне не под силу оцифровать Русское чудо.

— Ну полно, не хитрите. Ведь вы оцифровали Царствие Небесное. А Русское чудо есть проявление в русской истории Царствия Небесного.

— Вы с генералом Поднебесной хотите оцифровать тайну русской истории и русской жизни?

— Вместе с вами, Николай Николаевич! Вместе с вами!

Они хотят оцифровать чудо Богородицы под Москвой, когда метель заглушила немецкие танки, и из этой метели вышли, как витязи, сибирские полки, и враг расточился? В Дубосекове я заворожённо стоял под вечерней берёзой, глядя, как загораются звёзды, пахло холодной пашней, талой водой и первыми, родившимися из-под снега цветами, и под звездами бархатно-тёмный бесшумно пронёсся вальдшнеп.

Они хотят оцифровать ту рождественскую сталинградскую ночь, когда у хутора Бабурки погиб отец, и спустя много лет я приехал в горячую степь, пил водку у высохшего ручья и читал любимые стихи отца, веря, что тот их слышит.

Они хотят оцифровать ту пушкинскую сказку о спящей царевне, которая проснулась от вешнего поцелуя, как и сама Россия, столько раз встававшая из хрустального гроба?

— Отпустите меня, я страшно устал, — пролепетал Николай Николаевич, хватаясь за сердце.

— Николай Николаевич, мы старые друзья, — произнёс Стрижёв, сияя голубыми глазами. — Раскройте тайну «Модема Полуверцева», прошу вас добром. Иначе, как бы мне ни было больно, я напущу на вас золотых мошек, они выпьют всю вашу кровь, а вместе с ней выпьют тайну «Модема». Внимание, файл номер четыре! — Он переключил экран.

Возник привязанный к столбу голый человек. Он тревожно водил глазами. Губы о чём-то молили.

— Пуск! — приказал Стрижёв.

На человека налетели шелестящие золотые мошки, покрыли его сверкающей золотой оболочкой, превратили в золотую статую. Статуя билась, дёргалась у столба. Постепенно стихала, сникала. Некоторое время золотой покров сохранялся. Потом золотые мошки разом вспорхнули и улетели сверкающим облаком. У столба остался скелет с пустыми глазницами и жутко хохочущим ртом.

— Николай Николаевич, помните, мы с вами друзья. — Полуверцев удалялся, слыша напутственный крик Стрижёва.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Николай Николаевич понимал, что все эти люди добиваются от него раскрытия некоей тайны, некоего сокровенного знания, которое они именуют «Модем Полуверцева».

Но он не обладал тайным знанием, не ведал, в чём суть загадочного «Модема». Эти учёные, военные и дельцы допытывались у него, в чём суть всемогущего «Модема», с помощью которого он оцифровал Царствие Небесное. Значит, думал он, такая теория существует, он ей владеет, и он действительно оцифровал Царствие Небесное. Вот только когда? При каких обстоятельствах?

Быть может, в Кабуле, когда запускали ракету средней дальности в сторону Гордеза, где войска попали в кольцо, гарнизон погибал под ударами безоткаток, и ракета медленно отрывалась от земли, опираясь на столб огня, выбрасывала косматый дым, а потом рванула ввысь, с грохотом уходя в синеву. За двести километров упала на кишлаки, поднимая над ними красный шар пламени, в котором плавилась броня, глиняные дувалы отекали жидким стеклом, от верблюдов оставались обугленные кости. Уж не тогда ли был открыт «Модем»?

Или в Нигерии, когда шёл по просеке, прорубленной в джунглях, и ударил раскалённый шипящий ливень, превращая дорогу в пузырящийся горячий поток. Он хлюпал по лужам, окружённый удушающим паром, и в красную жижу дорог, на длинные лужи садились бабочки, перламутровые, огромные, похожие на морские раковины. Он тянул к ним сачок, молил Господа, чтобы тот не давал им взлететь, удерживал эти дивные создания, прилетевшие из джунглей на водопой. Он накрывал их сачком, они тяжело трепетали в кисее, а он, счастливый, перепачканный красной глиной стоял на безвестной дороге, держа в сачке африканское божество. Не тогда ли открыл он «Модем»?

Николая Николаевич пробирался в толпе, состоявшей из летящих, одержимых неведомой страстью людей, которые не замечали его, задевали локтями, хлопали по лицу развевающимися галстуками, мимолетно касались лёгкими платьями, овеявая запахами духов. Николай Николаевич хотел выбраться из дворца, покинуть это опасное место, куда его заманили, мучили его и пугали, желая вывести тайну, которой он не обладал.

Он вдруг заметил, что за ним следят. Высокий господин с бескровно-белым лицом, словно покрытым белилами, на которых театрально сверкали чёрные глаза и ярко-красные губы, преградил ему путь, опираясь на трость, пытаясь его схватить. Но Николай Николаевич увер-

нулся, нырнул в нишу, где теснился народ и шла демонстрация какой-то огромной черепахи с рубиновыми глазами.

Николай Николаевич надеялся затеряться в толпе, но немолодая сухощавая дама в чепце, с солнечным зонтиком делала кому-то знаки, указывая остриём зонта на Николая Николаевича.

Николая Николаевич скользнул мимо дамы, почувствовал исходящий от неё запах уксуса.

Он втиснулся в ряды аплодирующих мужчин в чёрных смокингах с одинаковыми длинными кудрями. Те восторженно следили за летающим саксофоном, который издавал сладостные звуки блюза, сочинение Карла Попетти. Но сзади кто-то хлопнул его по плечу, бородатый, с пьяным лицом мужик дыхнул на него перегаром:

— А не нальёшь ли стаканчик, барин?

Николай Николаевич кинулся прочь, разбив по пути хрустальную вазу и помяв цветочную клумбу с гиацинтами. Он хотел найти вход, вернуться в город и вновь оказаться на ветреной набережной с синей водой и золотым отражением шпиля. Но выхода не было. Был лабиринт, по стенам которого висели выпуклые и вогнутые зеркала, и он, пробегая, превращался то в толстого лилипута, то в длинного, как макаронина, великана.

Он увидел столик с чьим-то забытым ноутбуком. Ноутбук был открыт, экран светился, на нём виднелись надписи сайтов.

Сзади с криками набегали разъярённые скинхеды, махая обрезками арматуры. Николай Николаевич сложил перед собой руки, как это делают ныряльщики, сделал глубокий вздох и нырнул в млечную глубину ноутбука.

Он увидел столик с чьим-то, забытым ноутбуком. Ноутбук был открыт, экран светился, на нём виднелись надписи сайтов.

Сзади с криками набегали разъярённые скинхеды, махая обрезками арматуры. Николай Николаевич сложил перед собой руки, как это делают ныряльщики, сделал глубокий вздох и нырнул в млечную глубину ноутбука.

Он плыл под водой, пока хватало воздуха, видел, как сквозь поверхность пробиваются солнечные лучи и серебряные пузырьки летят из его волос. Он знал, что вынырнет из зелёных средиземных вод и перед ним возникнет далёкая громада корабля, флагманский катер, сияющий медью, и командир эскадры в белом тропическом кителе.

Он вынырнул и оказался в комнате с лепным потолком и низкой широкой кроватью. На кровати лежала голая уродливая женщина, похожая на мясистую гору. Два подростка, тоже голые, склонились над женщиной и трогали ее расплывшиеся груди, круглый, с толстым пупком живот, пах с бледной растительностью и раздвинутые толстые ноги, на которых вздулись синие склеротические вены. Николай Николаевич понял, что ноутбук, в который нырнул, был открыт на порносайте. Николай Николаевич поспешил покинуть комнату с проституткой и переместился в другое пространство.

Теперь это был храм Христа Спасителя, где были выставлены мощи Николая Угодника. Вереница верующих тянулась к золочённому ларцу. Люди поднимались по ступенькам, крестились, целовали сафьяновую подушечку, в которой хранились мощи, и с умилёнными, сияющими лицами покидали храм. Очередь богомольцев бесконечно тянулась вдоль набережной, а по реке плыл трамвайчик, и звучала музыка аттракционов.

Николай Николаевич приложился к мощам, ощутив губами мягкий бархат подушечки и сладкое елейное благоухание. И вошёл в другое пространство.

На ток-шоу сражалось несколько разъярённых мужчин. Украинец с тяжёлым чубом изрыгал проклятия России, тряс от ненависти толстыми плечами. В ответ русский политолог с бородкой язвил, хохотал, сулил скорую гибель Украины. Лицо ведущего, наблюдавшего ссору, застыло в блаженной улыбке. Николай Николаевич огорчённо отошёл, слыша зубовой скрежет ненавидящих друг друга славян.

Он перелетал в интернете с сайта на сайт, как сказочный Иван Царевич ныряет из котла в котёл. Котлов было бесчисленное множество, и Николай Николаевич искал сайт, с которого он сможет убежать в город, покинув опасный дворец.

Теперь он был на сайте, где показывали старый фильм про войну. Командир партизанского отряда в лесной землянке отдавал приказание партизанам держаться до последнего. Немецкие танки шли по полю, окружённые взрывами. Николай Николаевич выбрал момент, когда между танками образовался прогал, метнулся, перескакивая воронки, ринулся в лесные заросли и, ударившись о берёзу, вырвался из компьютера.

Радовался освобождению. Но с изумлением и тоской увидел себя стоящим под сводами дворца, среди шелестящей толпы, и над его головой пламенела, окружённая электрическим заревом, цифра «6». И он понял, что ноутбук был специально подставлен ему как мышеловка, и он наивно в него нырнул.

— Сэр, не будете ли вы столь любезны, чтобы проследовать вместе с нами? — его окружили три офицера в форме Военно-морского флота США. Белые кители, золочёные кортики, медали «Пурпурное сердце» за храбрость. Те, с кем он встречался в Вашингтоне в штабе военно-морской разведки, обсуждая судьбу Ближневосточного региона.

— Конечно, господа, — ответил Николай Николаевич, понимая, что сопротивление бесполезно. — И всё-таки я утверждаю, что наша Пятая эскадра окажет сопротивление Шестому флоту США, лишив его двух авианосцев.

Его провели в просторную комнату, убранную в мавританском стиле. Стрельчатые арки, витые колонны, яркие витражи. На кушетке, среди шёлковых тканей, возлежал миллиардер Якоб Моргулиус, в халате и маленькой белой чалме, или, скорее, в тюрбане, украшенном павлиньим пером. Из халата вытягивалась длинная пупырчатая шея, какая бывает у общипанного страуса, а небольшая голова с загнутым носом и круглые, сдвинутые к ушам глаза довершали сходство. Ноги, не прикрытые халатом, были худые, в чёрных волосках, и на них красовались восточные чупаки, усыпанные бисером.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — воскликнул Моргулиус, сбрасывая чупаки и обнажая пальцы ног, украшенные перстнями. — Могу я вас представить дамам?

Из кресел поднялись две женщины, которые были узнаны Николаем Николаевичем. То были Жанна Кобре и Луиза Файнберг. С обеими он учился в школе и однажды застал их целующимися. Жанна Кобре была в летах, но лицо её, подверженное множеству пластических операций, было жемчужного цвета. Она не погибла, летая на дельтаплане над вулканом Масая, а только слегка испачкалась вулканическим пеплом. Луиза Файнберг блистала молодостью, её позвоночник переливался множеством бриллиантов, которые Моргулиус отобрал у прежней любовницы и передал новой.

— Я вижу, вы знакомы с Николаем Николаевичем, — обратился Моргулиус к дамам.

— В школе он давал мне списывать, а я показывала ему низ живота, — сказала Жанна Кобре.

— Он сидел на передней парте, и когда приходила учительница истории, спускался под парту и рассматривал её ноги. Вообще он всегда что-то рассматривал, — сказала Луиза Файнберг.

**— Мир устал от великой лжи,
Николай Николаевич, от великой
подмены. Мир продирается
сквозь эту ложь и сквозь эту
подмену. Там, где сегодня
бушуют войны, сыплются бомбы,
стенают в застенках узники,
там человечество сбрасывает
личину лжи, сотканную
из бесчисленных лукавых и мнимых
слов. Там человечество стремится
к цифре. В цифре, и только в ней,
обретёт подлинность и покой.**

— Вам они нравятся? — спросил Моргулиус Николая Николаевича, — Хотите, забирайте обеих. Но с возвратом. Бриллианты оставьте себе. Но, умоляю, выковыривая бриллианты, не повредите ей позвоночник.

Обе женщины опустили в кресла, и Жанна Кобре успела больно ущипнуть соперницу, лишившую её бриллиантов.

— Как вы думаете, Николай Николаевич, почему бедуины столь выносливы, передвигаясь по Сахаре?

— Знал, но забыл, — смущённо ответил Николай Николаевич.

— Они берут с собой в пустыню мешочек, где хранится несколько кофейных зёрен. Когда от жары почти лишаются чувств, достают зёрна, растирают их в маленькой ступке, насыпают порошок в напёрсток и заливают несколькими каплями воды. Кипятят на крохотном костре из верблюжьих колючек. И этот чёрный как дёготь отвар выпивают. И вновь наполняются силой.

Пока он делился с Николаем Николаевичем рецептом бедуинов, слуга растирал кофейные зёрна, кипятил на спиртовке крохотную кофеварку, переливал отвар в фарфоровую чашечку, сыпал сахар, подносил Николаю Николаевичу. Этот огненный, горько-сладкий напиток обжёг язык, мгновенная радость брызнула в кровь, и Николай Николаевич испытал молодое веселье, и ему захотелось погладить бриллиантовую спину Луизы Файнберг.

— А знаете ли вы, Николай Николаевич, как буддийские монахи приобщаются к абсолюту и им является Большая белая сущность? — спросил Моргулиус.

— Ну конечно, знаю, — засмеялся Николай Николаевич. — Хотя немного и подзабыл.

Ему казалось смешным сходство Моргулиуса со страусом, его тюрбан с павлиньим пером, и как начинает сползать с лица Жанны Кобре натянутая кожа, и щеки её становятся дряблыми и синими.

— Монахи на рассвете идут в рощу, где цветут магнолии. Садятся под дерево и слушают, как поют цикады. Они то издают звук, подобный грому, то замирают. Монахи снимают с цветов магнолии отяжелевших от нектара цикад и выдаивают из них микроскопические капли нектара. Они собирают эту сладкую росу в пиалки и на восходе солнца, когда воды озёр становятся золотыми, выпивают этот волшебный напиток. У них открывается теменное око, и они видят Большую белую сущность.

Пока Моргулиус говорил всё это, слуга осторожно вынимал из цветов магнолии сонных цикад, слегка сжимал тучное тельце, пока на его кончике не появлялась золотистая капля. Стряхивал каплю в крохотную пиалку, а цикаду возвращал в цветок. Поднёс Николаю Николаевичу благоухающий нектар. Николай Николаевич выпил и обрёл дар ясновидения. Пролетел по световому лучу вспять, туда, где его молоканские предки на подводах катили на Кавказ по бесконечным дорогам, и его прапрадед поправлял утомлённой лошади подпругу, его жена, сидя в телеге, кормила грудью младенца.

— Боже мой! Боже мой! — счастливо улыбался Николай Николаевич, видя, как на пыльной дороге краснеет обрonnenная ленточка.

— Николай Николаевич, мои люди беседовали с вами, когда вы посещали лабораторию полярной энергетики, центр эмбриональной инженерии и конструкторское бюро мини-роботов. Они просили вас об услуге, в которой вы им отказали. Быть может, они были недостаточно убедительны?

— Какие пустяки! — рассмеялся Николай Николаевич, чувствуя, как плещется в нём юношеская радость. — Ведь мы-то с вами разумные люди. Нет никакого «Модема Полуверцева».

— Не совсем так, Николай Николаевич. Он есть. Просто вы сделали это открытие во сне, а потом забыли. Теперь настало время вспомнить сон.

— Почему такая экстренность, милостивый государь? — Николаю Николаевичу казалось, что ему к лицу некоторая развязность в присутствии всемогущего миллиардера, облачённого в восточные одежды. — Хотите сыграем в нарды?

— Понимаю, Николай Николаевич, вы пребываете в некотором замешательстве, — извинял его неловкость Моргулиус. — Вы спросите меня, к чему

все эти разговоры. Почему вы оказались на этом экономическом форуме. Почему я прибыл во Дворец конгрессов в золочёной карете. Наконец, кем же является мой кучер, итальянцем или старовером. Всё это реалии одной и той же драмы.

— Какой драмы? — устыдился своего просчёта Николай Николаевич, не зная, как загладить свою неловкость. — Не станете же вы утверждать, что мы живём в революционную эпоху?

— Именно так, Николай Николаевич, именно так.

— Какая же, позвольте спросить, революция у нас на дворе?

— Не притворяйтесь, Николай Николаевич. Вам не к лицу. На дворе у нас Великая глобальная цифровая революция. И мы её творцы и одновременно жертвы.

Нет-нет, не туда, в это скопище ошалелых клерков, пробегающих под пылающей цифрой «6». Тётя Поля сидит у заснеженного окна, за которым на заборе стрекочет сорока, и плетёт половик, перебирая спицами. Перед ней извлечённый из сундука ворох ветхих одежд, которые скопились за всю её долгую жизнь. Она разрывает одежды на ленты и вплетает их в половик. Она вплела старинную рубашу давно умершего мужа. Рубашонки умерших в детстве детей. Своё подвенечное платье. Гимнастёрку пехотинца, отступавшего под Истрой и нашедшего ночлег в её придорожной избе. Старые платочки и блузки, скатёрки и занавески. Всё вплетает она в половик, как ведунья, ткущая радужную дорожку, по которой уйдёт из этого мира, соединившись с детьми и мужем, раненым пехотинцем, и мной, прожившем в её уютной избушке счастливые годы. А я, как же я? Как мне сплести бесчисленные виденья, блуждающие в моей неуёмной памяти, бессильной объяснить, зачем явился на свет, кому принесу лоскутья моих недодуманных мыслей, моих неосознанных чувств?

— Мир устал от великой лжи, Николай Николаевич, от великой подмены. Мир проридается сквозь эту ложь и сквозь эту подмену. Там, где сегодня бушуют войны, сыплются бомбы, стенают в застенках узники, там человечество сбрасывает личину лжи, сотканную из бесчисленных лукавых и мнимых слов. Там человечество стремится к цифре. В цифре, и только в ней, обретёт подлинность и покой.

— В чём подмена? — пролепетал Николай Николаевич. Его слабый, утомлённый в сновидениях разум пугался этой жестокой уверенности, непреложного знания, которым был наделён Моргулиус. — Ведь мир очевиден. Стоит сложить лоскутки, и возникнет подлинная картина мира. То поле лютиков, что цвели за Каргополем и мы с женой любовались им на заре, и серо-стальной небоскрёб, на котором танцевала электронная Мэрилин Монро,

и танк, бегущий по льду Уссури, перед тем как в него попала граната китайцев и он задымился. Сложи всё это, сотки половик!

Николай Николаевич поднял глаза на Моргулиуса, и тот предстал перед ним совершенно в ином обличье. Исчезла чалма с павлиньим пером, исчез восточный халат и чувяки. Он был теперь в мундире австрийского гусара, в малиновой куртке с серебряными позументами, в синих суконных штанах, заправленных в изящные сапоги, на которых позванивали шпоры. На его шитых золотом эполетах красовалась монограмма Габсбургов, а лихие подкрученные усы гармонировали с саблей в ножнах из теснёной кожи. И только шея оставалась страусиной, в розовых пупырышках. Николай Николаевич не удивился случившейся с Моргулиусом перемене, ибо с некоторых пор перестал удивляться, а именно с той поры, как появился на свет. Моргулиус собирался сообщить ему нечто чрезвычайное и по этому случаю решил сменить туалет.

— Видите ли, Николай Николаевич, с некоторых пор меня перестали интересовать деньги, хотя я их по-прежнему интересовал, и они стекались ко мне. Я посвятил многие годы изучению древних рукописей, найденных в пещере Нубийской пустыни и написанных на арамейском языке. И я обнаружил подмену, которую совершили левиты. Они исказили писание. Исказили подлинную картину мира, о которой нам поведал Господь. Подлинник, о котором я вам говорю, гласит: «В начале всего была Цифра. И Цифра была у Бога. И Цифрой был Бог». Но потом случилось отпадение от цифры. Как говорится, чёрт попутал. Рай, в который Господь поселил Адама и Еву, был оцифрован, Царствие Небесное было оцифровано. Адам и Ева были цифрами. Но Адам и Ева, искушённые сатаной, избавились от цифры и перешли к слову. Ибо в первочеловеке Адаме таился будущий русский поэт Гумилёв, что так уничтожительно отозвался о числе в пользу слова. А в Еве таилась будущая русская поэтесса Анна Ахматова, которой было необходимо облечь в слова свою избыточную куртуазность. Таким образом в порченом мире восторжествовало слово. Первородный грех отпадения породил океан слов, речений, молитв, проклятий, фальшивых уверений, ложных документов, изнурительных поэм и клятв. И всё это породило мировой хаос, непонимание, злодеяния, основанные на этом непонимании, ложные учения, фальшивые теории, которые столько тысячелетий терзают человечество войнами и революциями, удаляя человека от подлинного мира, от цифры, от Царствия Небесного, куда стремится человечество и никогда не придёт, залипнув в путанице слов. Недаром мой кучер, старообрядец, да и ваш

шофёр Феофан, принадлежавшие к Поморскому согласию, любят повторять: «Многие глаголы, несть спасенья».

О чём это он? Дай понять, Господи! Куда мне вплести эту синюю бездну, в которую, как в не-весомость, падал вертолёт, и на дне африканского разлома текла иссыхающая река, и к ней на водопой сходились антилопы, гиены и эфиопские бабуины. Куда мне вплести всё это, о Господи?

Там, в Лалибелле, в каменистой пустыне не было ни стебля, ни злака, ни пролётной птицы, а только пылающее небо с жутким недвижным светилем. Мертвецов клали на раскалённую землю, обкладывая их тощие ребра ломтями песчаника, и покойник иссыхал, над грудями плоских камней стеклянно струился воздух, это испарялось мёртвое тело. В лагере беженцев, обнесённом колючей проволокой, на пекле, не отбрасывая тени, стояли, сидели, лежали люди, их ключицы, прорези рёбер, позвонки на спине, в набедренных тряпках, как библейский гибнущий в пустыне народ. Я сошёл с вертолёта и двигался в скопище беженцев, чувствуя, как на моё сытое, полное соков тело с умирающих людей прыгают и впиваются блохи, кровососы, желая насытиться моей сочной плотью. Ревели моторы военных транспортов, в фюзеляжи охранники палками загоняли людей. Я смотрел, как сморщенный, похожий на сухой стручок младенец впился мёртвыми сухими губами в чёрный сосок на плоской материнской груди. Господи, за что мне всё это?

— Слава богу, Николай Николаевич, слава богу! Мир возвращается к цифре. Европа вернулась к цифре. Америка вернулась к цифре. Это великие цифровые народы, могучая цифровая цивилизация. Азия и Африка возвращаются к цифре, пусть через кровь, через крушение стран. Такова уж цена глобальной цифровой революции. И только Россия не хочет вернуться к цифре. Русские упираются, безумствуют, не хотят отказаться от слова. Не хотят гармонии и своим упорством портят цифровую картину мира. Россия — страна Слова. Но видит Бог, Николай Николаевич, мы вгоним Россию в цифру!

На мгновение Моргулиус утратил свои очертания, превратился в стеклянный мираж, в размытое отражение. И вновь обрёл свои контуры. Теперь он был в форме красного офицера времён Гражданской войны. На его гимнастёрке красовался орден Боевого Красного знамени, полученный за борьбу с басмачами.

На ремне в кобуре висел маузер, из которого он расстреливал пленных деникинцев, на фуражке, линия от солнца, краснела звезда. На страусиной шее мелко розовели пупырышки, крючковатый нос

и сдвинутые к ушам глаза придавали ему сходство с экзотической птицей.

Николая Николаевича не удивляли эти превращения. Они лишь давали понять, что Моргулиус существовал во все времена, во всех обликах, оставаясь неизменной загадочной сущностью, не имевшей материальной природы.

— Россия, Николай Николаевич, страна Слова, и вы, что уж греха таить, подтверждаете это всей своей деятельностью. Ну зачем, спрошу я вас, зачем вы столько времени потратили на изучение русских народных сказок о молодильных яблоках, живой воде и воскрешении спящей царевны? Вы искали рецепт бессмертия? А зачем вам понадобился этот допотопный старец Филофей с его теорией «Москва — Третий Рим»? Вы хотели доказать, что русское православие открывает человечеству путь в Царствие Небесное? А ваши Толстой и Достоевский? Великие путаники, которые друг друга терпеть не могли и бежали от жизни, как напуганные сурки. Ваше увлечение русскими космистами и Николаем Фёдоровым, который хотел с помощью химии и акафистов воскресить всех умерших и расселить их на планетах Солнечной системы. Ну не стыдно ли вам, Николай Николаевич? И ваш интерес к большевикам, которые строили Царствие Небесное на земле, и построили это царство, обнесённое колючей проволокой, с овчарками и автоматчиками. Нет, Николай Николаевич, вы, как и все русские, запутались в словах и в вашу русскую путаницу заманиваете весь остальной мир, который мучается вместе с вами и ненавидит вас. Россия, в том виде, в каком существует, помеха миру. Помеха, Николай Николаевич!

«Неужели я ошибался? — думал Николай Николаевич — И моя жизнь есть не более чем бесконечная череда впечатлений, среди которых смерти, любви, разрушение городов и падение царств — бесчисленные отражения неуловимой сущности, которую мне не дано постичь, и я обречён вращаться по кругам, крича от тоски, не получая ответа?»

Он заметил, как воздух вокруг Моргулиуса стал плавиться, в прозрачном студне растворился красный командир, его орден и револьвер, и возникла длинноногая птица. Тощий страус с пупырчатой шеей, с отвисшей у клюва кожей, с плюмажем на гузке стал расхаживать на длинных чешуйчатых ногах, издавая когтями цокающий звук.

«Страус — птица пустыни, и в этом виде Моргулиусу легче бродить по пескам, отыскивая древние рукописи. Не осуждаю его, но пытаюсь понять. Он мне дан не в укоризну, но во вразумление».

— Николай Николаевич, я буду краток и, надеюсь, доходчив, — страус процокал мимо на толстых ногах, и Николай Николаевич почувствовал запах,

какой царит на птичьих дворах. — У нас есть задача оцифровать Россию и избавить мир от этой вечной словесной путаницы, которая отсюда исходит. Вы сами однажды сказали, что там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Оцифровав Россию, мы оцифруем Царствие Небесное и вернём в основание мира не мнимое Слово, а безусловную Цифру, как и было задумано Господом. Оцифровав Царствие Небесное, мы оцифруем Господа, вырвем его из зыбкого невнятного Слова и вернём в абсолютную Цифру. Переход России в Царствие Небесное происходит в Арктике, у Северного полюса, и поэтому мы оцифруем Арктику, оцифруем Русское чудо как непостижимую тайну русской истории. Непостижимое в Слове становится постижимым в Цифре. Таким образом, Николай Николаевич, вам понятна последовательность действий? Но есть одно «но», Николай Николаевич. Одно небольшое, но существенное «но», — страус прошествовал мимо, и Николай Николаевич поймал на себе взгляд его круглых чёрных глаз, обведённых красными веками, и удушливо пахнуло курятником.

— Видите ли, друг мой, или, если угодно, милостивый государь. Оцифровать Россию мы сможем только тогда, когда мы оцифруем президента России. Потому что после возвращения Крыма в Россию между Россией и Президентом установилась мистическая неразрывная связь, метафизическое тождество, которое разорвать невозможно. Помогите нам, Николай Николаевич, оцифровать Президента. А с остальным мы справимся сами.

— Но позвольте, позвольте! — воскликнул Николай Николаевич, видя, как мимо, едва не наступив на его башмаки, протопали трёхпалые птичьи лапы с костяными когтями — Разве это в моих силах?

Ему предлагалось совершить злодеяние. Предлагалось сокрушить Президента и тем самым сокрушить Россию, обесценить Русское чудо, осквернить Царствие Небесное и восстать на Господа. Но почему? Почему из всех миллиардов людей выбор пал на него? Почему он, Полуверцев, был выбран всемирным злом, которое должно, как змея, проползти через его душу и проникнуть в Царствие Небесное?

Николай Николаевич испытывал невыносимое страдание. Он любил Президента. Был связан с ним таинственной светоносной силой, словно на обоих пролился Благодатный огонь. Тогда, в Георгиевском зале Кремля, среди беломраморных плит, на которых золотом были начертаны имена героических русских полков, батарей, экипажей, там, в Кремле, Президент произносил свою Крымскую речь. Николай Николаевич вместе с залом ликовал, испытывал небывалое счастье, был свидетелем Русского чуда. Президент на трибуне был окружён сиянием, казал-

Видите ли, друг мой, или, если угодно, милостивый государь. Оцифровать Россию мы сможем только тогда, когда мы оцифруем Президента России. Потому что, после возвращения Крыма в Россию, между Россией и Президентом установилась мистическая неразрывная связь, метафизическое тождество, которое разорвать невозможно. Помогите нам, Николай Николаевич, оцифровать Президента. А с остальным мы справимся сами.

ся невесомым, исполнен лучистой силы, что тысячу лет назад в Херсонесе осветила князя-крестителя и теперь окружила своими лучами Президента. Он был избранник, помазанник, через него Россия соединилась с Царствием Небесным. Завершив свою речь, Президент сошёл с трибуны и двинулся среди ликующих, обожающих его сподвижников. Он шёл, опустив глаза, маленький, стройный, делая отмашку левой рукой, и, проходя мимо Николая Николаевича, вдруг остановился, глаза их встретились, нечто чудесное, безымянное соединило их. Президент приблизился, обнял Николая Николаевича и поцеловал. И этим поцелуем передал ему всё свое счастье, ликование, упование на Русское чудо. Через этот поцелуй Николай Николаевич стал помазанником. Его связала с Президентом неразрывная благодать, которую не в силах ничто разъять.

— Так как же, Николай Николаевич, поможете нам оцифровать Президента?

— Что вы задумали?

— Сегодня вечером, когда завершится первый день форума, я приглашаю близких друзей на мою яхту «Король Георг». Там нас ждёт ужин, развлечения, и туда же явится Президент. Я приглашаю вас в качестве почётного гостя. Вы дождётесь, когда на яхту пожалует Президент, и с помощью «Модема Полуверцева» сломаете окружающую Президента защиту и оцифруете его.

— Но я же столько раз повторял, что нету никакого «Модема Полуверцева». Есть непрерывная череда впечатлений, которые напоминают сон, и я не могу сплести из них половики, как сплела тётя Поля,

6

и за оконцем в сумерках синел сугроб, на тёсовом заборе сидела сорока, и я смотрел, как из рук тёти Поли ниспадает половик, и она заплетала в него голубую ленточку от её поношенной кофты, и я так любил её старые усталые руки, и спицы, и сороку на тесовом заборе. Неужели вы не верите? Нет никакого «Модема», а только длящийся сон, который когда-нибудь, наконец, оборвётся.

— Я это знаю, Николай Николаевич. Всё это сон. «Модем» вам приснился. Усните, и он явится вам, вы извлечёте его из сна и принесёте мне, — Якоб Моргулиус принял свой обычный облик. Был в лёгком сером костюме с голубым артистическим

бантом, из которого возвышалась худая шея, усыпанная пупырышками. — Идите спать, Николай Николаевич. Баюшки-баю!

Николай Николаевич услышал печальный звон бубенцов. Это бедуины ехали на верблюдах, и те качали шеями, на которых висели медные бубенцы. Следом раздался певучий стрёкот. Буддийские монахи снимали с веток цикад, отпускали их в небо, и те летели, звеня прозрачными крыльями. На Николая Николаевича снизошёл сон. Его подхватили под руки Жанна Кобре и Луиза Файнберг, повели в опочивальню и уложили на мягкую тахту, укрыв лоскутным шёлковым одеялом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он спал и во сне ожидал, что ему явится «Модем Полуверцева». Сон был невнятный, как сумерки в неосвещённой комнате. Вдруг вспыхнул свет. В круге яркого света явилось нечто ужасное. Небывалое чудище, жуткий сочный моллюск со множеством щупалец и присосок. Красный, липкий, ошпаренный кипятком, он умирал, но всё ещё шевелился. Отвратительны и ужасны были красные щупальца, лоснящиеся, с липким отливом, по которым пробежала конвульсия. Самым страшным были торчащие из-под щупальцев детские ступни с пальцами, на которых виднелись острые кошачьи коготки. Чудище поднялось из бездонных глубин его сна, где обитало среди тайных предчувствий и помыслов. Поедало его душу, выпивало благодатные соки. Всплывшее из темноты, оно лежало в круге света. И этой мерзкой тварью был он сам.

С криком Николай Николаевич проснулся.

Лежал в полутьме на мягкой кушетке. На полу, голые, свившись руками и ногами, спали Жанна Кобре и Луиза Файнберг, бриллианты на позвоночнике Луизы Файнберг переливались сквозь тонкую кожу.

Николай Николаевич, содрогаясь, всё ещё видел витавшее в сумерках красное липкое чудище. И со всей ослепительной ясностью вспомнил недавний разговор с Моргулиусом, приглашение на яхту «Король Георг», куда явится Президент, не ведая, что явился к лютым врагам. Там его оцифруют, а вместе с ним и Россию, и Русское чудо, и тот волшебный поцелуй, которым Президент передал ему благодать. И надо бежать, предупредить Президента, не дать ему превратиться

в цифру, а вместе с ним и России, и Русскому чуду, и Царствию Небесному.

Николай Николаевич вскочил. Стал искать выход. На столике стоял компьютер, но это была мышеловка. Рядом лежал айфон. Но и это была западня. Перед ним на полу мерцали бриллианты, просвечивая сквозь кожу Луизы Файнберг. Николай Николаевич кинулся в этот драгоценный бриллиантовый блеск, пролетел сквозь россыпь бриллиантов вдоль хребта Луизы Файнберг и оказался на свободе, у стен Дворца конгрессов.

Он не знал, куда ему мчаться, как предупредить Президента, где найти посредника, который предупредит Президента об опасности, подстерегающей его на яхте «Король Георг».

К нему подкатил таксомотор, и Николай Николаевич увидел знакомое лицо старовера Феофана с бородой, напоминавшей повязанную салфетку:

— Куда надо, барин?

— Куда-нибудь, Феофан, хоть на Луну, — Николай Николаевич торопился покинуть опасное место.

— Подвезу, — солидно ответил возница.

В салоне такси вкусно пахло бразильским кофе, французским коньяком, гаванскими сигарами и дамскими духами «Шанель».

— Вёз протоиерея Тихона из Гатчины. Никониан. Забыл проветрить.

Николая Николаевича осенило. Ну конечно же, в церковь, к священнику. Через митрополию, в патриархию, к Святейшему, и тот сообщит Президенту. Знаю отца Константина, куда как достойный слугитель.

— В Кронштадт, к собору, к отцу Константину, — приказал Николай Николаевич вознице. Тот

Вы правы, наш Президент помазанник. Он наш царь, явленный по молитвам старцев. Первым возвестил об этом Иоанн Крестьянкин в Псково-Печерском монастыре. Когда Президент приехал к нему, они затворились в келье и час говорили. Когда Президент покинул монастырь, отец Иоанн вышел к монахам и сказал: «Благодарите Бога, отцы. Теперь у России есть царь, и я могу с лёгким сердцем отойти».

шлёпнул ладонями руль, пнул педаль и молодецки воскликнул:

— Ну, пошла, милая! — и они понеслись.

Ночь была белая, матовая. Дома, мосты, воды залива — всё как из платины. Николай Николаевич заметил, как на водах качаются лебеди. Один из них был окольцован. На кольце была надпись: «Царское село. 1907 Анна Ахматова». И Николай Николаевич понял, что это обручальное кольцо, подаренное Николаем Гумилёвым своей невесте.

Кронштадт был призрачно пуст. Ни людей, ни машин, только кошки перебежали пустые улицы и скрывались в ампирных казармах. Собор был огромный, как гора, на вершине которой лежал снег. Купол был платиновый, и это он озарял своим лунным светом воды залива. Памятник адмиралу Макарову, мимо которого пробегал Николай Николаевич, страстно взывал: «Помни о войне!» Николай Николаевич, благодарный за это напоминание, вспомнил все двадцать войн, на которых Господь сберёг ему жизнь, и взбежал на ступени собора.

Внутри было огромно, пусто, темно как летней ночью с туманными звёздами. Пахло цветами, как пахнут ночные клумбы. Редко горели лампы, словно огни далёких деревень. Алтарь слабо золотился, будто там наливалась заря, но ещё далеко до рассвета, не вскрикнет птица, не скрипнет дверь. Только тьма наливается звёздной росой.

В алтаре приоткрылась дверь, хлынул свет, и в этом свете возник священник. Николая Николаевич его сразу узнал. Тучное под рясой тело с округлым животом и плечами. Чёрная волнистая

борода, как у вавилонских царей. Большие, навывкате глаза с белками, в которых краснело несколько рубиновых жилок. Отец Константин, с которым шли крестным ходом по летним лугам, перебрывая ручьи, среди песнопений, шмелиного гула, и отец Константин, в пропотевшем под мышками подряснике, поднимал высоко хоругвь.

— Отче, вы помните меня? Мы шли по солнцепёку, и женщинам становилось плохо, они припадали к ручью и пили, и у одной выпали из платья груди, и она их полоскала в воде. Я подал вам кружку воды, а вы отказались. Сказали: «Иисус терпел на кресте», и в вашей бороде запутался маленький зелёный кузнечик. Вы помните меня, отец Константин?

— Конечно помню, Николай Николаевич, — благословил его отец Константин, протягивая для поцелуя большую мягкую руку.

— Я понимаю, понимаю, — торопился Николай Николаевич. — Ночное время, ночная молитва, третья, что называется, стража! Но они хотят оцифровать Россию, боже мой, и не только её! Они говорят, что случилось отпадение от цифры, и Адам был Николай Гумилёв, ну не в полном смысле, конечно, а в переносном, в том смысле, что славил Слово. Я видел на Финском заливе Анну Ахматову, она была оцифрована, уже тогда, в Царском Селе, а сегодня вторично! Мне нужно передать сообщение, отец Константин, дорогой отче! Они оцифруют и Россию, и тот ручей, где женщина мыла груди, и зелёного кузнечика в вашей бороде, хотя она у вас вавилонская, а я в Вавилоне видел вавилонского зверя, ещё до крылатых ракет! — Николай Николаевич захлёбывался. Торопился сказать о главном, но это главное кто-то выхватывал из его сознания, уводил в сторону, и он, потеряв это главное, старался его обрести. — Даже кузнечика, отец Константин! Даже кузнечика!

— Вы очень взволнованы, Николай Николаевич, — ласково произнёс священник. — Ваш разум обременён болезненными переживаниями, а совесть отягощена грехами. Вам нужно исповедоваться, а потом вы внятно расскажете.

— Да, да, отец Константин, хочу исповедоваться!

Отец Константин отвёл его в алтарь. Покрыв его голову епитрахилью и произнёс:

— В чём твой грех?

Епитрахиль, накрывавшая голову, пахла сладким церковным дымом. Огромный ночной собор слабо дышал, словно в него залетел одинокий звук и не мог вырваться за пределы каменных стен. Это был голос адмирала Макарова, который безответно взывал: «Помни о войне!» Но никто не помнил, кроме Николая Николаевича, который помнил и каялся.

Прости мне, Господи, ту старую закопчённую пушку, что стояла на холмах у Сараево, и город сквозь гарь туманился белёсыми зданиями, и два утомлённых серба слепо били по городу, дёргая измочаленную верёвку. Отпрыгивали, заложив уши, уклоняясь от скачущей гильзы, и он, схватив хвост верёвки, дёрнул, чувствуя, как качнулся от выстрела воздух, пахнуло порохом, и снаряд улетел в город. Он стоял, глядя на рыжую гильзу, и небритые артиллеристы смеялись, подносили снаряд, совали ему в руку верёвку. А он побрёл прочь в холмы и лёг на траву, слыша, как ухает пушка. Прости мне, Господи, этот выстрел на чужой войне по чужому городу, в котором я кого-то убил.

— Каешься? — спросил отец Константин.

— Каюсь, — отозвался Николай Николаевич, чувствуя, как отец Константин сквозь золочёную епитрахиль тихо ударил его перстами в темя.

— Теперь говори, — отец Константин стянул епитрахиль с головы Николая Николаевича.

— Там розовый эмбрион в стеклянной колбе, под воздействием излучений, с жабрами и перьями птицы, отчего он отчасти рыба, а также птица! Его щипцами из колбы, он хлюпнул, и в нём погасла точка, излетела душа, и ангел-хранитель улетел на небо! Они хотят превратить в цифру Русское чудо, поэтому я вас посетил! И поверьте, я всё, всё помню, о каждой моей войне! Но дело не в этом, оно неотложно! — Николай Николаевич сбивался, от него ускользала суть. Он не мог её ухватить, и вместо сути в руках у него оказывалась измочаленная верёвка, пушка подпрыгивала на колёсах, и летела горячая гильза.

— Кайся ещё, Николай Николаевич. Спасай рассудок, — священник накрыл Николая Николаевича епитрахилью, побуждая к раскаянию.

Да, виноват, виноват! На Саланге застава, мешки с песком, ребристый бок бэтэра, круча, под которой змеится шоссе. С шорохом, гулом по шоссе проходят колонны. Бензин, ракеты, авиабомбы. С вершин по колоннам огонь пулемётов. Взрывы, шары огня. Танк сдвигает горящий грузовик, рушит в пропасть, открывая дорогу колонне. С заставы уходит резервная группа. Я прыгаю в десантный отсек, лязг гусениц по шоссе, на горящих колёсах стоит наливник. Взрыв бензина, красный до неба шар. Вижу, как по узкой тропе, лёгкие, словно горные козы, уходят стрелки. Шаровары, безрукавки, на плечах автоматы. Я бью им вслед длинной долбящей очередью из автоматического гранатомёта. Он скачет в руках, выплёвывает на тропу гроздь гранат. В дыму, в брызгах щебня, подброшенный взрывом, летит, раскрыв руки, человек в чалме. Не вижу, куда он упал. Боже, неужели со мной? Неужели была та круча с крохотным кишляком, комбат булькал в рацию,

докладывал о «двухсотых», и остроносый, как рыба, пикирует вертолёт?

— Каешься? — спросил отец Константин.

— Каюсь, — ответил Николай Николаевич, чувствуя удар перстов в темя.

— Теперь о главном, отец Константин! Только вам, для вашего уха! Вы духовник Президента, а он мой духовник! Но не как священник, без исповеди, но в поцелуе! Поцелуй, отец Константин, бывает важнее исповеди! Его поцеловал божественный Крым, поцеловал Херсонес, а он поцеловал меня, и я получил благодать! Он помазанник! Через него было явлено чудо! И теперь помазанник я! Не дадим совершиться злу, отец Константин! Не дадим наложить на Президента печать! Не дадим оцифровать чудо Крыма, и тот восхитительный храм, и купель, куда встал босыми ногами князь, и когда пролилась вода, заблагоухали розы, и море стало ослепительно синим! О, как это было прекрасно! Как прекрасно, отец Константин!

Священник смотрел на Николая Николаевича большими выпуклыми глазами, в которых дрожали рубиновые струйки, погружал пальцы в кольца бороды.

— Вы, Николай Николаевич, своим мистическим опытом, духовными очами узрели великую тайну. Вы правы, наш Президент помазанник. Он наш царь, явленный по молитвам старцев. Первым возвестил об этом Иоанн Крестьянкин в Псково-Печорском монастыре. Когда Президент приехал к нему, они затворились в келье и час говорили. Когда Президент покинул монастырь, отец Иоанн вышел к монахам и сказал: «Благодарите Бога, отцы. Теперь у России есть царь, и я могу с лёгким сердцем отойти». Пропел: «Ныне отпускаеши раба Твоего» — и умер. Афонские старцы принимали у себя Президента и узрели в нём Царя. «Теперь, говорили они, у России есть царь, он вернёт России бывшее величие, восстановит её пределы, утвердится на Босфоре и Дарданеллах, освободит из плена Великую Софию Константинопольскую. Его радениями, с Божьим покровительством свет православия просияет по всей земле. Церковь молится о нём и ждёт часа, когда в Успенском соборе Кремля Патриарх венчает его на царство.

— Он царь, отец Константин, он царь! Ему грозит беда! Сообщите ему, что его хотят заманить на яхту «Король Георг» и там оцифровать, и тогда в России будет цифровая монархия, цифровое Русское чудо, цифровой помазанник, и его оцифрованный поцелуй превратит меня в цифру!

— Хорошо, Николай Николаевич, я сообщу. Подождите меня.

Отец Константин вышел из алтаря, оставив Николая Николаевича одного. И тот с облегчением

знал, что его сообщение достигнет Президента, и он не поедет на яхту «Король Георг». Николай Николаевич выполнил долг гражданина, не предал царя, не предал духовного пастыря, наградившего его благодатью. Оставался в алтаре, напевая увертюру из оперы Глинки «Жизнь за царя».

Отец Константин не возвращался. Николай Николаевич вышел из алтаря в пустое пространство храма. При слабом свете лампы увидел отца Константина, который держал в руках большую цикаду. Что-то вполголоса нараспев возглашал:

— И Енохове озаренья ко многим рекам отойдя безмолвно, вкусив лакомств неземных, во грехах исповеданье, многие беззакония сотвориши, не обессудь знамения на берегах вод светлых, яко остервеняся вон ме.

Николай Николаевич не хотел мешать молитве и собирався вернуться в алтарь.

Слюдяные крылья цикады в свете лампы казались розовыми. Отец Константин наклонился к цикаде и вдвухвал в ее пухлое тельце какие-то слова. Николай Николаевич различил:

— База, база, я Капернаум! Объект у меня! Высылайте группу захвата!

Отец Константин воздел руки, в которых цикада отливала слюдяным блеском. Подкинул её, и она с тихим стрёкотом полетела и покинула храм.

Николай Николаевич ошеломлённо воскликнул:

— Боже мой! Боже мой!

Кинулся к выходу.

— Николай Николаевич, куда же вы? — кричал ему вслед отец Константин.

В куполе храма огненно, страшно зажглась электронная цифра «6». Из неё в бегущего Николая Николаевича ударили лучи. Били в мраморный пол храма, со звоном отскакивали, настигали Николая Николаевича, промахивались.

Он выскочил в платиновую белизну петербургской ночи. Пробежал мимо памятника адмиралу Макарову, который напутствовал его возгласом: «Помни о войне!» Он помнил. Он был на войне. Это была его двадцатая война, которую он не должен был проиграть.

Он кинулся в такси, где его ждал Феофан.

— Как же тебя допекли никониане, барин! Куда теперь?

— Куда бог пошлёт!

— Это мы знаем куда, — сказал старообрядец и пнул педаль.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Но рано было праздновать избавление. Дорогу преградил джип, из которого выскочили три американских морских офицера в белоснежной форме и приказали остановиться. Эта была группа захвата, вызванная отцом Константином. Николай Николаевич затосковал, увидев их беспощадные англосаксонские лица, золотые кортики, медали «Пурпурное сердце», полученные за войну в Заливе.

— Нет, лучше смерть, чем плен! — Николай Николаевич закрыл руками лицо.

— Не бойсь, барин. Мы, русские, скользкий народ, выскользнем! — Феофан перекрестил себя двуперстием, кинул машину на тротуар, обдал белоснежные кители офицеров грязью и помчался по Кронштадту, издавая рёв гоночной машины.

Началась погоня. Американцы вели свою машину свирепо, ударяя крыльями о стены домов, так что сыпались искры. Старовер берёт технику, только раз чиркнул бампером столб, чтобы не раздавить шальную кошку.

На дамбе, среди платиновых вод, американцы стали настигать. Феофан порывлся в бороду, вытащил пистолет. Открыл окно, бросил руль и стал отстреливаться. Он бил по колесам, и Николай Николаевич видел, как вильнул джип с пробитыми шинами, и офицеры тут же перескочили в другой. Погоня продолжилась. У Новой Голландии Феофан ударил по тормозам, закрутив машину волчком, и джип с американцами проскочил мимо и рухнул в воду. Американцы стали тонуть, ибо их в морском колледже не научили плавать. Пришлось их спасать, и на это ушло некоторое время, так что разрыв между Феофаном и американцами сократился.

Они мчались по ночному Петербургу, и Николай Николаевич любовался негасимой зарёй над Казанским собором, заворожённо смотрел на отражение дворцов в сонной воде каналов, на Аничков мост, где кони, устав за день гарцевать, сошлись вместе и жевали овёс, который насыпали им голые юноши. На Мойке он успел заметить господина с бакенбардами, тростью и в тёмном цилиндре и никак не мог вспомнить, где его раньше видел.

Машина катила, тихо шелестя, по Дворцовому мосту, который был разведён, но это не служило серьёзным препятствием. Погони не было. Из Ростральной колонны поднимался прозрачный факел. Они находились на Васильевском острове, на Третьей линии, у добротного старомодного дома, стёкла которого отражали розовую зарю.

— Останови здесь, Феофан, — попросил Николай Николаевич. — Хочу спросить, кто ты, мужественный возница?

— Я Рябушинский, меценат, — ответил старовёр, который за время погони успел полюбить Николая Николаевича.

Квартира, в которую, несмотря на позднюю ночь, был приглашён Николай Николаевич, принадлежала банкиру Келейко. Здесь же размещалось литобъединение «Доброе слово», учреждённое всё тем же Келейко. Банкир был славен тем, что кредитовал секретные разработки, позволявшие убивать мыслью на расстоянии, но также обожал русскую словесность, был учредителем литературной премии «Доброе слово», которую самолично вручил Николаю Николаевичу за его роман о чеченской войне. Он слыл близким другом Президента, и Николай Николаевич хотел через него довести до Президента страшную весть.

Белые петербургские ночи располагают к общению, которое носит подчас безумный характер. Именно такое общение происходило теперь между хозяином дома Келейко и двумя гостями — генералом военной разведки Супростатовым и министром Ацтековым, людьми каждый в своей области известными и обласканными Президентом.

Необычность их общения состояла в том, что каждый держал в руках зеркало, направляя поток белого ночного света в лицо собеседника, отчего тот пьянел, начинал грезить, предавался галлюцинациям. Именно за этим занятием застал их Николай Николаевич, которому тотчас вручили зеркало и показали, как им пользоваться.

Сейчас все зеркала сосредоточились на лице генерала Супростатова, отчего оно казалось особенно бледным, с голубоватым лунным оттенком. Николай Николаевич, боясь показаться неловким, навёл на генерала млечный потусторонний свет, заметив, как генерал сделал сладостный глоток.

— Продолжаю, господа, — произнёс генерал. — С того места, на котором прервал меня Николай Николаевич, наш знаменитый словесник, которому, надеюсь, будут интересны излагаемые мною факты.

Он снова сделал глоток, вкушая наркотический свет зеркал, отчего глаза у него расширились и в одном отразился золотой Исаакий, а в другом серо-стальной крейсер «Аврора».

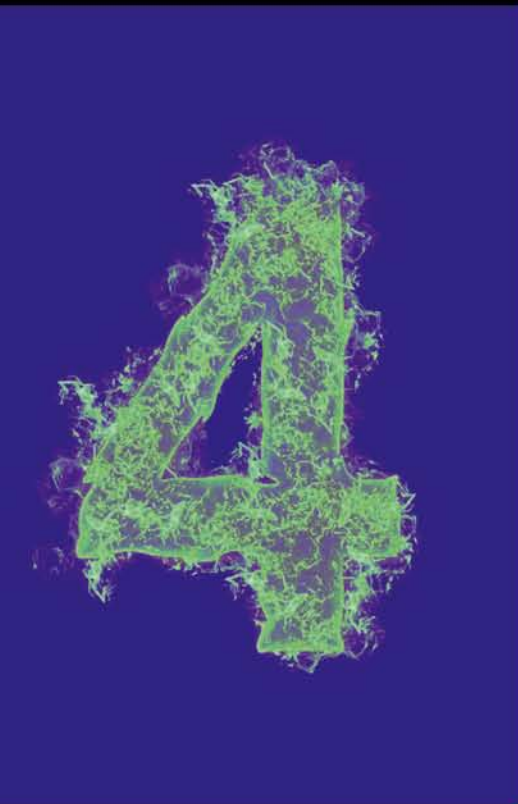
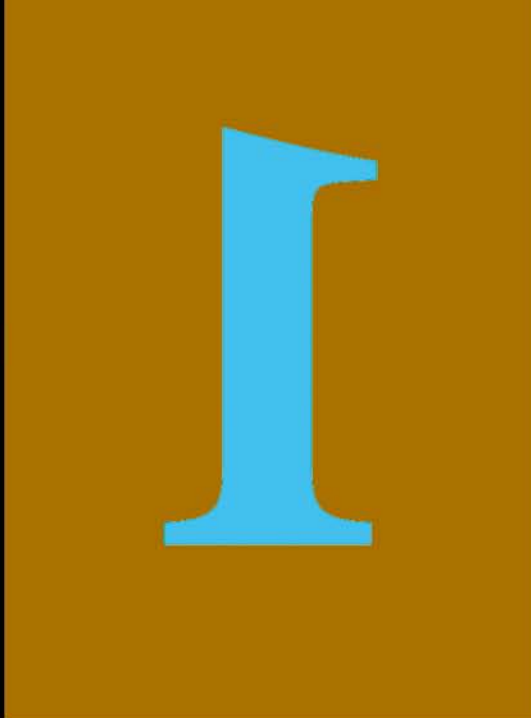
— Из секретных документов НКВД мне известно, Сталину доложили о решении Гитлера положить в основу духовного воспитания немцев культ древних германских богов. Был создан научно-исследовательский центр СС под названием «Аненербе», который изучал эти культы и внедрял их в воспитание офицеров, педагогов, историков, формируя непобедимый дух нации. Именно «Аненербе» позволил Гитлеру завоевать Европу. Именно культ древних богов в сочетании с планом «Барбаросса» оснастил немцев в войне с Советским Союзом.

Генерал Супростатов нуждался в наркотическом излучении, где присутствовали колдовские энергии финских колдунов, бросавших свой ветхий невод в воды Невы. Собеседники генерала были заинтересованы в том, чтобы рассказ был продолжен, и продолжали наводить зеркала. Изображение Исаакия в глазу генерала сменилось видом Юсуповского дворца, а вместо «Авроры» возникла Александрийская колонна.

— Сталин знал мистическую силу русского слова. Он воспитывался на сказках Пушкина, что сделало его русским. Он понимал, что в войне с Гитлером русскому народу потребуется непобедимый дух, соединяющий его с глубинными источниками народной силы. И он повелел вернуть в советскую культуру Пушкина, сделав его самым главным поэтом Советского Союза. Пушкина издали миллионным тиражом, и его читали в военных школах, в конструкторских бюро, в университетах. Народ насытил свой дух небывалой русской мощью. Пушкин и русское слово воевали против нибелунгов и валькирий и одолели их. Пушкин сидел вместе с танкистами в Т-34 и горел вместе с ними. Он ходил в контратаки с защитниками Сталинграда и отбрасывал немцев от Волги, Пушкин вместе с пехотинцами водрузил Знамя Победы над крышей Рейхстага. Русское слово победило слово немецкое, потому что русское слово соединяет русскую душу с небом.

Генерал утомлённо откинулся в кресле как человек, переживший откровение. Николай Николаевич ликовал. Он не ошибся. Он попал к людям, которые живут в слове, не променяли его на цифру, предупредят Президента о грозящей опасности.

— Я поделюсь с вами, господа, нашим секретным проектом под кодовым названием «Идиот», — произнёс министр Ацтеков, став центром внимания, отчего зеркала повернулись все в его сторону. — Как вы уже догадались, речь идёт о Достоевском. Это энерго-лингвистический проект, разработанный Институтом русского языка и ядерным центром в Сарове. Дело в том, что язык Достоевского, его магическое слово проникает в русское подполье, а точнее, в русскую бездну, и там, на огромной глубине, достигает потаённых пластов, которые питают

энергией русскую жизнь. Этой энергией русского слова строятся империи, выигрываются войны, двигаются великие переселения, совершаются революции, открываются планеты и звёзды. Это ещё один, новый, обнаруженный нами вид энергии, которую мы учимся добывать и которая в скором времени заменит нефть, атом, электричество, магнитную волну. Мы создали установку, которая извлекает из произведений Достоевского эту энергию, и её уже достаточно, чтобы освещать небольшой город, такой как Вышний Волочёк. Там, кстати, и работает наша экспериментальная установка.

Министр Ацтеков, казалось, упивается этим мертвенным зеркальным светом, рождающим сладкие бреды. Николай Николаевич сам начинал бредить. Его жизнь с войнами, обожаниями, великими потерями и обретениями казалась туманным отражением в зеркале, которое кто-то поднёс ему. Но при этом важно было знать, что он находится в кругу поклонников слова, а не дьявольской цифры, и они, друзья Президента, известят его об угрозе.

— Магия русского слова творит чудеса. Русское слово, я убежден, сотворило русский народ в том виде, в каком он существует. Русское слово создавало реки и горы, быть может, материки и океаны. Господь, когда он сотворял землю и небо, использовал русское слово. Быть может, стихи Есенина. — Банкир Келейко, казалось, парил в серебристом сиянии зеркал, был лишён телесности. Николай Николаевич, направляя на него своё зеркальное стекло, думал, что, быть может, так выглядело привидение, явившееся Екатерине Второй в покоях Зимнего дворца. Или таким был призрак старой графини, которая явилась несчастному Германну из «Пиковой дамы».

— Я не напрасно упомянул Есенина, стихи которого читал Господь, создавая мир. Деревня Константиново, где родился поэт, стоит на берегу Оки, на круче. Здесь река делает резкий изгиб, неожиданную петлю, словно колыхнулась земля и изменила течение реки. Внизу, на другом берегу, заливные луга, даль, бесчисленные озёра, старицы, пасутся кони, в синеве летят птицы, и ты понимаешь, что только в этом месте, где космос поцеловал землю, мог родиться великий поэт с космическим сознанием России, с космическим русским словом. Есенин — это Гагарин русской поэзии, а Гагарин — это Есенин русского космоса. И тебе вдруг приходит мысль. Эта излучина Оки, эта космическая даль возникли из стихов Есенина. Он сотворил эту великолепную пойму, эти воды, цветы, коней. Сначала был Есенин, его стихи, а потом возникла эта земля. Быть может, Есенин был ещё до сотворения мира, его божественное слово лежало в основе мироздания.

Мою первую книгу писал не я, а мой ангел хранитель. Он заглянул в мою душу и нашёл в ней столько любви и веры, что захотел поведать об этом мне самому. Я описал в моей книге все цветы на лугах, все свадьбы на синих зимних дорогах, все звёзды, отраженные в ведре студёной воды. Русских вдов с их прекрасными печальными лицами, и сухую позёмку, шуршащую в голых кустах, и неведомый путник бредёт по проселку, исчезая в метели. Тот остроносый покойник, что лежал в сельской церкви, и я смотрел на него и знал, что смерти нет, а есть моя ненаглядная Родина, Предвечная Россия, куда мы уйдём после смерти и встретимся снова.

Келейко переживал прозрение. Свет петербургской ночи, уловленный зеркалами, позволял ему увидеть невидимое, узреть таинственный смысл мироздания, стать сопричастным Творцу, поместить русское слово в центр сотворённого Господом мира.

— Это гениальное прозрение! — воскликнул Николай Николаевич. — Вам дано провидеть незримое. Этот зеркальный свет сделал вас ясновидящим!

— Благодарю вас, Николай Николаевич. Мне лестно это слышать от такого ценителя слова, как вы. Когда мы присуждали вам премию, я сказал, что вы златоуст, языкотворец. Как пришло к вам это волшебное русское слово? Какой была ваша первая книга?

Теперь все зеркала повернулись к Николаю Николаевичу. И ему казалось, что в душу пролилось упоительное блаженство, все его страхи и беды канули, и он стал молод, наивен, исполнен обожания, как в те дни, когда вышла в свет его первая книга,

— О, вы не поверите, друзья! — восторженно произнёс Николай Николаевич, благодарный этим достойным людям, обременённым великими заботами и трудами и тем не менее не оставлявшим служения великому русскому слову. — Мою первую книгу писал не я, а мой ангел-хранитель.

Он заглянул в мою душу и нашёл в ней столько любви и веры, что захотел поведать об этом мне самому. Я описал в моей книге все цветы на лугах, все свадьбы на синих зимних дорогах, все звёзды, отражённые в ведре студёной воды. Русских вдов с их прекрасными печальными лицами, и сухую поземку, шуршащую в голых кустах, и неведомый путник бредёт по просёлку, исчезая в метели. Тот остроносый покойник, что лежал в сельской церкви, и я смотрел на него и знал, что смерти нет, а есть моя ненаглядная Родина, Предвечная Россия, куда мы уйдём после смерти и встретимся снова. И я, и этот воскресший покойник, и тот путник, что растаял в метели, и мой убитый под Сталинградом отец, и мой прадед-ямщик, гонявший резвые тройки по Военно-грузинской дороге, и моя первая любовь, что выходила к Неве, появляясь на крыльце Эрмитажа, и моя чудесная жена, прижимавшая к млечной груди младенца. Все мы сойдём со страниц моей книги и встретимся в Царствии Небесном, которое начинается сразу там, где кончается Россия.

Зеркала омывали Николая Николаевича негасимой белизной петербургских ночей, и ему казалось, он плывёт по огромной белой реке, не имевшей ни истока, ни устья, по берегам стоят его любимые, милые и те, кого помнил и знал, и другие, из неоглядных времён, и зовут к себе Николая Николаевича.

— Но, друзья, я пришел не за этим! — спохватился Николай Николаевич, сетуя на себя за то, что увлёкся сладостными воспоминаниями и забыл о главном. — Мы должны предупредить Президента. Существуют страшные, беспощадные люди, готовые Президенту погибель. А вместе с ним и России, и Царствию Небесному, в котором мы обретаем бессмертие. Они хотят отобрать у нас бессмертие, заменить его цифрой, которая есть вечная смерть. Друзья, спасём Президента!

— Да, наш Президент дан России во спасение, — произнёс генерал внешней разведки Супростатов. — Он Победоносец, и с ним Россия непобедима. Я поведаю об одном эпизоде, свидетелем которого явился. В Донбассе, вы знаете, идут затяжные бои. Во время этих боев чаша весов стала склоняться в пользу Киева. У них были свежие войска, американские танки и польские инструкторы. Они теснили ополченцев, и те, теряя людей, отступали.

Президент тайно на вертолёте прилетел в Донбасс, вошёл в храм, который подвергался обстрелу, и поставил свечу за победу русского дела. Огонь этой свечи воспламенил сердца ополченцев. Они ринулись в атаку и поместили киевские части в котёл. Была одержана победа. Впереди атакующих ополченцев плыла по небу свеча, зажжённая Президентом.

— Наш Президент праведник, подобно Серафиму Саровскому, — банкир Келейко закатил глаза, сделав набожное лицо. — Я сопровождал Президента на Дальний Восток, и мы отправились в дебри Уссурийского края искать в лесу женьшень. И на нас вышел тигр, огромный, клыки белые, глаза зелёные, и рычит. Мы все побежали, а Президент остался. Ну, думаю, разорвал тигр Президента. Крадусь обратно, ожидая увидеть страшную картину. И что бы вы думали? Президент сидит на пеньке, тигр положил ему голову на колени, а Президент чешет его за ухом. Тигр щурится и мурлычет!

— У нашего Президента сердце, открытое для чужого горя, — произнёс министр Ацтеков. — Когда убили Бориса Немцова, Президент рыдал, будто это его брат или сын. Он позвал меня, передал букет красных роз и велел отнести на могилу Немцова. Но так, чтобы никто не узнал, чьи это розы.

— Друзья! — воскликнул Николай Николаевич. — Давайте не станем терять время. Предупредим Президента. Пусть не едет на яхту «Король Георг»!

— Конечно, — сказал генерал Супростатов. — Сейчас позвоню и предупрежу Президента.

Он достал телефон, встал, перешёл в соседний кабинет и прикрыл дверь. Николай Николаевич последовал за ним, чтобы генерал передал Президенту, кто главный заговорщик, желающий превратить его в цифру, а именно Якоб Моргулиус.

Николай Николаевич вошёл в кабинет и увидел стоящего спиной генерала. Тот осторожно, вполголоса гудел в трубку:

— База, база, я Грифон! Объект у меня. Васильевский остров, 3-я линия. Присылайте группу захвата!

Николай Николаевич увидел, как в люстре замерцало, заискрило, и зажглась пылающая цифра «6», знак беды. Николай Николаевич тонко вскрикнул, как птица, в которую попала дробь, и опрометью кинулся вон.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Николай Николаевич вскочил в такси, где поджидал его невозмутимый старовер Феофан.
— Гони!

— Соловецкие старцы беса гнали, а теперь он нас гонит. Куда рулить?

— Гони, ради бога!

Из окон дома генерал Супростатов, банкир Келейко и министр Ацтеков светили зеркалами, помещая машину в пятно мертвенного света, от которого глох мотор. Но Феофан обладал знаниями соловецких старцев. Он вырвался из пятна и помчался, торопясь покинуть 3-ю линию Васильевского острова, где поэт Иосиф Бродский мечтал умереть на асфальте среди выцветших линий.

Они вихрем взлетели на мост, но им путь преградил знакомый джип, принадлежавший группе захвата. На этот раз группа состояла не только из трёх офицеров американского Военно-морского флота, но была усилена четвёртым. Этот четвёртый был командир германской подводной лодки Ульрих фон Браух. Он был в чёрной парадной форме, на которой золотился именной кортик, подаренный адмиралом, и золотой рыцарский крест, полученный за потопление американских транспортов у мыса Доброй Надежды. Все четверо, выскочив из джипа, стали раскатывать ленту с шипами, надеясь захватить неистовый таксомотор. Но Феофан, помня уроки соловецких старцев, отпустил руль, положившись на волю Божию. Такси оттолкнулось всеми четырьмя колёсами, перескочило преграду и понеслось через Неву. Николай Николаевич, видя растерянные лица американцев и немца, подумал, что правы были те, кто обвинял американскую разведку в тайном сотрудничестве с нацистами.

Они вылетели на Сенатскую площадь с жёлтым, как яичный порошок, зданием Сената. Несмотря на позднюю ночь, шло заседание Конституционного суда, который обсуждал конституционность закона, разрешавшего стерилизацию мух. Услышав рёв проносающегося таксомотора, судьи прилипли к окнам плоскими лицами, и слушанье, к большой досаде мух, было отложено.

На Сенатской площади, через которую пронеслась машина, лежала треуголка графа Милорадовича, незадолго до этого убитого декабристом Каховским. Феофан не стал давить шляпу, относясь с врождённым почтением к свидетельствам отечественной истории. Однако чужеземцы-преследователи, равнодушные к русской истории, раздавили шляпу и сели на хвост такси.

Феофан, стремясь оторваться, сделал круг у Исаакия, и Николай Николаевич восхитился позолотой

огромного купола, которая состояла из миллиарда золотых мошек, пребывавших в постоянном движении, отчего купол казался дышащей золотой волной, накрывшей Петербург.

У гостиницы «Англетер» они вынуждены были затормозить. Швейцары с галунами выносили из дверей тело. У мертвеца было измученное лицо и льняные волосы, расчёсанные на прямой пробор.

— Кого несёте? — поинтересовался Феофан.

— Пиита, — неохотно отозвался швейцар.

Желая наверстать упущенное время, Феофан нажал на газ, вылетая на Дворцовую площадь. Он собирался прорваться к Мойке, на узкую набережную, и, пользуясь преимуществом вождения, оторваться от погони.

Они вынеслись на Дворцовую и у Александрийского столпа, попав в таинственный вихрь, который скручивал пространство в спираль и безвозвратно уносил в небеса людей, экипажи, царей, проповедников и поэтов, оставляя на брусчатке слабые свидетельства их земного существования — дамский веер, дульный пистолет, неопубликованную рукопись, разбитый лорнет. Ветер подхватывал этот прах исчезнувших поколений и сносил в Неву, в которой случались наводнения, природу которых никто не ведал.

Теперь же, с трудом вырываясь из вихря, Феофан направил машину к сердоликовым атлантам у Малого Эрмитажа, надеясь вырваться к Мойке. Но выход с площади преграждала рыболовная сеть, и за ней в позе ловца, весь в белом, виднелся американский морской офицер.

Феофан развернул перед сетью машину и направил её к арке Главного штаба, где на фронтоне гордо скакала имперская колесница. Но и там выход с площади был оплетён сетью, и англосак в белоснежном мундире знаками предлагал сдаться в плен.

Феофан попытался метнуться туда, где сиял бесчисленными золотыми мошками Исаакий. Но рыболовная сеть была и там. Виднелся ненавистный белый мундир. Вся площадь была поймана в невод, и Николай Николаевич вдруг почувствовал себя карасём, которого сейчас извлекут из пруда.

Он не мог понять, куда подевался немецкий подводник Ульрих фон Браух, но вскоре тот себя обнаружил. В чёрном мундире, с золотым крестом, Ульрих фон Браух появился на выходе из Зимнего дворца. Он выносил из Эрмитажа картины «малых голландцев» в золочёных рамах с изображением даров моря и вытряхивал содержимое картин на площадь. Морские угри, тунцы, скумбрии, осьминоги с щупальцами, крабы, омары, розовые кальмары — всё это липкое, скользкое месиво

вываливалось из картин и растекалось по площади. Таксомотор увязал в гуще, буксовал, скользил. Под колёсами хрустели панцири крабов и морских раков, брызгала икра и молока. Осьминог прилепился к лобовому стеклу и полз на крышу. На капоте плескалась глазастая треска, хлюпала жабрами и брызгала слизью. Машина не трогалась с места, а офицеры двигали впереди себя сети, смыкая круг, как это делают рыбаки, орудуя бреднем.

— Феофан, сегодня не постный день! Зачем столько рыбы? — простонал Николай Николаевич.

— Не бойсь, барин, в Соловецких прудах и не такое водилось!

Он тронул машину, поместив её в таинственный вихрь, и воздушный поток вознёс их по спирали вокруг Александрийского столпа. Пролетая мимо ангела, Николай Николаевич увидел, что у ангела лицо мамы той поры, когда она училась в Академии художеств, такое же тонкое и прекрасное. Мама глядела в небо, держала в руках крест своей прожитой жизни, раннего вдовства, нескончаемых тягот и бед.

— Прилепились пивяки, не отлипнут! — сетовал Феофан, оборачиваясь через плечо и убеждаясь, что погоня продолжилась.

Джип приближался, сверкая пропеллерами, из бортовых скорострельных пушек летели трассы. Обстригли у таксомотора бампер, хвостовой фонарь, срезали зеркало. Феофан направил машину в пике. Они пикировали на Петропавловскую иглу, и Николаю Николаевичу показалось, что еще мгновение, и их пронзит, и машина, как жук, застрянет на золотой булавке.

Но нет, перед самой землёй Феофан заткнул бороду за ворот рубахи, чтобы не мешала. Выровнял машину и облетел вокруг крепости, успев плюнуть на скульптуру Михаила Шемякина, который изобразил Петра Великого в виде микроцефала. В усыпальнице Романовых слышалось стенание. Это опознанные останки встречали недоверием неопознанные. Останки Александра Третьего не находили в останках сына.

Благодаря мастерству Феофана, который в совершенстве владел Соловецкими практиками, они избежались от погони и остановились у доходного дома на берегу Фонтанки. Николай Николаевич вышел.

— Если что, барин, сигай с крыши, я подхвачу, — напутствовал его Феофан.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В тяжёловесном доме на набережной Фонтанки размещался штаб общественного движения «Кто с нами». Это движение поддерживало Президента и противодействовало тем, кто желал его смещения. Штаб находился в мансарде, среди жестяных крыш, которые простирались вокруг, словно перепончатые крылья дракона. Дракон тяжело взлетит и, громяхая железом, полетит над Петербургом, посыпая город ржавчиной.

Фонтанка струилась, белая, как молоко, и по ней проплывали трамвайчики с веселящейся молодёжью.

Николай Николаевич проник в помещение штаба, когда проходило ночное экстренное заседание. Здесь присутствовали представители военно-патриотических клубов и исторических обществ, казаки, ветераны чеченских войн, байкеры, археологи, ревнители народной кухни, мастера русских единоборств, трезвенники, рыболовы, птицеловы, любители экстремального туризма, члены кружков «Сделай сам», юные космонавты, дельтапланеристы, диггеры, защитники домашних животных, патриотически настроенные фокусники. А также один уникальный человек, который отращивал

бороду до земли, она сваялась, как пенька, и он поддерживал ее на руках, чтобы не споткнуться, утверждая, что ей можно конопатить избы.

Обществом «Кто с нами» руководил лидер по имени Лавр Песнопевец. Это имя он получил благодаря увлечению хоровым пением. Пение он использовал как оружие против врагов Президента. Те тоже использовали хоры. Таким образом, сражение между сторонниками и противниками Президента выливалось в противостояние хоров. Две враждебные рати сходились и начинали петь. Пели до тех пор, пока одна из сторон не выдерживала и обращалась в бегство. Лавр Песнопевец имел выход на Президента. Поэтому Николай Николаевич хотел воспользоваться этим обстоятельством и предупредить Президента о грозящей опасности.

Он вбежал в помещение штаба в тот момент, когда лидер начинал свою речь. У Лавра Песнопевца был вислый синеватый нос, похожий на небольшой баклажан. Подслеповатые, с белыми ресницами глазки были посажены так близко один от другого, что почти исчезала переносица. Рот постоянно морщился, как у кролика, будто он что-то жевал.

Николая Николаевича смутило скопление людей, и он растерялся:

— Милостивые государи! Уважаемый председатель! Флор Песнопевец! То есть Лавр Песнопевец! Флор совсем другое, и сейчас неуместно! Флора и фауна! Фрол и Фавн! Но это античность, а сейчас другое время! Они утверждают, что время цифры! Но это смешно, поверьте! Виноват, я сбиваюсь! Они атаковали меня, и если бы не Феофан, он лётчик высшего класса, они могли меня сбить! Там, в Петропавловке, рыдают цари! За что мы их так, господа?

Николай Николаевич умолк, обессилев. Лавр Песнопевец дал ему высказаться и осторожно, желая его не обидеть, заметил:

— Николай Николаевич, вы врываетесь, как чума. Я всегда считал вас безумным, хотя и другом. Извольте присесть и не срывайте собрания.

Николая Николаевича усадили, а Лавр Песнопевец продолжал:

— Нам предстоит решительное сражение. На государство Российское направлен страшный удар. Все русофобы мира, все геи Европы, все педофилы Санкт-Петербурга объединились для нанесения этого разящего удара. И мы им должны ответить нашим патриотическим хором, то есть собором. Ибо хор есть высшее проявление соборности, небесного братства, именуемого «хор ангелов».

Лавр Песнопевец взмахнул рукой, как это делает регент, управляя церковным хором. Но, видимо, время петь ещё не настало. Николай Николаевич воспользовался тишиной, вскочил и вновь попытался объяснить присутствующим всю полноту трагедии, которая приближалась с каждым мгновением этой призрачной петербургской ночи.

— Русофобы не те, что кидают грязь в матушку-Русь! Хотя, конечно, и те, и те! Русофобы явлены в цифре! Цифру нельзя пропеть! Пропеть можно только слово! Лавр Цифропевец, ведь это смешно, господа! Но и трагично, трагично! Президент должен знать! Мы должны заслонить Президента божественным русским словом, чтобы цифра его не сразила!! Так велят соловецкие старцы! Ах, если бы вы знали, какое было у мамы лицо! Ах, как мне её не хватает!

— Николай Николаевич, похоже, у вас опять озарение. Опять будете землю есть, чтобы набраться силушки? Но давайте об этом потом. А сейчас о деле, от которого зависит государство Российское, — деликатно перебил его Лавр Песнопевец и продолжал: — Сегодня, как вы знаете, наши заклятые враги празднуют Ночь русофоба, которую они называют Ночь музеев. Сейчас они всеми своими тысячами выйдут на крыши и начнут петь свои сатанинские псалмы, а потом пойдут в Русский

Сегодня, как вы знаете, наши заклятые враги празднуют Ночь русофоба, которую они называют Ночь музеев. Сейчас они всеми своими тысячами выйдут на крыши и начнут петь свои сатанинские псалмы, а потом пойдут в Русский музей и там осквернят картину Сурикова «Покорение Ермаком Сибири». Мировое правительство хочет отобрать у России Сибирь и лишит нас нефтяных богатств, которые подарил России Ермак. Мы должны сорвать планы мировой русофобии. Выйдем же на крыши и хором споём наш победный гимн, от которого русофобы попрячутся по своим чердакам, и шедевр русской живописи по-прежнему будет служить России.

музей и там осквернят картину Сурикова «Покорение Ермаком Сибири». Мировое правительство хочет отобрать у России Сибирь и лишит нас нефтяных богатств, которые подарил России Ермак. Мы должны сорвать планы мировой русофобии. Выйдем же на крыши и хором споём наш победный гимн, от которого русофобы попрячутся по своим чердакам, и шедевр русской живописи по-прежнему будет служить России.

Волнение прокатилось по рядам. Было видно, что собранию не терпелось испробовать силу своих голосов. Несколько птицеловов прокричали сойкой, а участник кружка «Сделай сам», используя тирольское пение, удачно изобразил бензопилу.

Николай Николаевич снова дернулся с места и порывался сказать:

— Господа, но у нас не Тироль, поверьте! И я виноват, виноват, убил на поляне сойку, и она упала в снег, разбрызгивая бусины крови! Я каюсь, каюсь, готов понести наказание! Но я никогда, никогда не предам Президента! Его поцелуй наградил меня благодатью, и я, как и он, помазанник! Вы слышите меня, господа?

«Любо, любо!» — вскричали казаки. «Не в силе Бог, а в правде!» — вторили им члены военно-

5

исторических клубов. «Батяня комбат», — дружно пропели ветераны чеченских войн. «Не кочегары мы, не плотники», — возгласили археологи, с чувством аристократического превосходства над работниками иных профессий.

Все поднялись, выстроились рядами, как строится хор. Басы по одну сторону, тенора по другую. И уже Лавр Песнопевец, вдохновенный и почти невесомый, собирался взмахнуть рукой, как за окном, где текла Фонтанка и простиралось множество перепончатых крыш, раздался рокот и гул.

Николай Николаевич выглянул в окно и ахнул. По другую сторону Фонтанки на ржавые крыши, из чердаков и мансард выходили русофобы. Их было несметное множество. Им было тесно на крышах, а они всё пребывали. Они были странно одеты, кто в смокинги, кто в больничные халаты, кто в мундиры кавалергардских полков, кто в суктаны. Появлялись белая чалма, рядом с ней чёрная. Фуражки, кирасы, треуголки с плюмажами. Многие были голыми, среди них несколько женщин, тучных, с жирными грудями и пухлыми животами. Все они били пятками по крышам, и ржавое железо грохотало, скрипело, ухало. Над Санкт-Петербургом стоял ужасный гром, который разбудил спящих ворон, и бледное небо почернело от птичьих стай. Они летали, истошно каркали, метили помётом русофобов. А те, не обращая внимания, молотили по крышам, били пятками в грохочущую жёсть. Город проснулся, содрогаясь от страха.

Среди русофобов выделялся их предводитель. «Царь русофобов», — подумал Николай Николаевич. Он был вдвое выше остальных, и не сразу становились заметны его ходули, торчащие из расклешённых брюк. Он был в сверкающем камзоле, сплошь усеянном розоватым стеклярусом. На голове его высился остроконечный колпак, какие надевали на еретиков перед сожжением. Его опоясывал ремень из человеческой кожи, на котором висели черепа русских младенцев. Ходули были обуты в кирзовые сапоги с золотыми застёжками. Его лицо было бледное, словно его вымачивали в уксусе. Из рта торчала дымящаяся трубка, и дым, перелетавший через Фонтанку и достигавший Николая Николаевича, позволял предположить, что в трубке тлеют ногти покойника, умершего в полнолуние. Земля, которая пристала к его пальцам, была, несомненно, кладбищенской и в ней шевелились черви.

Николай Николаевич узнал в царе русофобов Александра Глебовича в церковном хоре, но потом разошёлся, ибо тот трактовал Куликовскую битву как несомненную победу татар.

Русофобы, продолжая стучать по крышам, встали теснее и запели. Те из русофобов, что были геями, пели дивными тенорами. Русофобы-педофилы

выставили впереди себя хор мальчиков. А голые бабы пели басами. Николай Николаевич различал слова их песнопений.

Неумытая Россия
Раз у Бога попросила,
Но схватила не спрося,
Как у свинки порося.

Ни Сибири, ни дорог,
Из рта кабаньих рог,
Был царём он Николаем,
Кончил жизнь собачьим лаем.

Эти скверные частушки воспламенили гневом сердца патриотов. Лавр Песнопевец воздел руку, как если бы в ней сверкал меч, и воскликнул:

— Настал наш час, други! За Русь! — и первым кинулся из окна на крышу. Остальные последовали за ним. Крыша грохотала, гнулась под тяжестью патриотически настроенных петербуржцев. Их становилось всё больше и больше. С соседних чердаков и из окон выскакивали патриоты, обитавшие по соседству. Казалось, крыши провалятся, такой стоял грохот на Фонтанке. Патриоты выстроились в боевые порядки и ответили обидчикам России своими гневными песнопениями.

Вы гимнасты-педерасты,
Всадим вилы в педофила.
Если ты не любишь Русь,
Насмерть я с тобой дерусь.

Две песни, две силы сталкивались над Фонтанкой, как два грозowych фронта. Сыпались молнии, вода в реке светилась, как ртуть. Русофобы начинали теснить патриотов. Те держались из последних сил. К ним прибывали резервы из культурно-исторических обществ с картонными, ярко раскрашенными щитами. Ревнителю русской кухни заслоняли собой образовавшиеся бреши. Человек, отращающий бороду, свил её в кольцо, перебросил через Фонтан, желая заарканить царя русофобов, но борода не долетела, зацепилась за карниз, потянула за собой хозяина бороды, тот сполз с крыши и повис, раскачиваясь над Фонтанкой. Но не пал духом, а пел:

Бородёнка-борода,
Ты откуда и куда?
Чем продам Святую Русь,
Лучше сразу удавлюсь.

Царь русофобов, он же Александр Глебович Невзоров, танцевал на ходулях буги-вуги, норовя

достать ходулиной через Фонтанку Лавра Песнопевца. Но тот ловко уклонялся, выделявал коленца кадрили и пел:

Тот, кто Русь мою не любит,
Душу он свою погубит.
От народного позора
Не уйти тебе, Невзоров.

С этими словами Лавр Песнопевец бросился вперёд, увлекая за собой единомышленников. Восстановил линию фронта, не заметив, что ворона, жившая под крышей Михайловского замка и разбуженная стенаниями, присела к нему на голову, оставив на ней малую кляксу известкового помёта.

Николай Николаевич тосковал. Он не понимал, зачем он здесь? Зачем белеет над ним мертвенное небо петербургской ночи? Зачем растратил во время жизненных злоключений тот дивный божественный свет, который озарил его молодую душу в смоленском селе Тесово, что под Вязьмой, где он принял крещение, и его друг отец Лев поставил его посреди убогого храма в эмалированный таз, служивший купелью, лил на него святую воду, возглашая таинственные словеса, брал с него божественные обеты. И потом, в осенней тьме, шли по мокрому просёлку, женщины впереди несли тусклый жёлтый фонарь, ветер уносил в поля их слабые голоса, а в нём такая любовь, такое обожание этих поющих женщин, этих русских глухих полей. Где то блаженство? Где упование на чудо?

Где тот сельский храм среди красных рябин, с покосившимся куполом, который краше всех соборов и храмов?

Наконец, хор патриотов взял верх. Первыми дрогнули и побежали педофилы, увлекая за собой хор мальчиков. За ними кинулись врассыпную геи, трусливо поджав ненужные им орудия любви. Толстые лесбиянки уходили неохотно, пятились, грозя патриотам через Фонтанку своими утомлёнными грудями. Последним поле боя покинул царь русофобов. Он соскочил с ходуль, оставив на крыше кирпичные сапоги с золотыми застёжками, кинул в реку сюртук, шитый стеклярусом. Тот плыл по Фонтане, призрачно мерцая, как медуза, и японские туристы, проплывая мимо на трамвайчике, фотографировали его, чтобы поместить фотографию в японском научном журнале.

Николай Николаевич вернулся в помещение штаба, когда там находился один Лавр Песнопевец, а хор победителей пел вслед убежавшим русофобам насмешливые куплеты.

Николай Николаевич услышал, как Лавр Песнопевец кому-то тихо говорит в телефон:

— База, база, я Песнопевец. Объект у меня, на Фонтанке. Высылайте группу захвата!

Николай Николаевич, ужасаясь тому, как глубоко в ряды патриотов проникло предательство, поспешил удалиться. Выбегая из дома, увидел, что плывущий в Фонтанке сюртук Невзорова, усыпанный стеклярусом, преобразовался в цифру «6», и та извивалась в воде, как огненная змея.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Он поспешил сесть в такси, где поджидал его верный Феофан. Ожидал, что начнётся погоня. Но погони не было.

— Умаяли мы их, барин, — сказал Феофан, степенно поглаживая бороду — Куда им, порченным, с нами тягаться. Мы старой веры, а они никакой.

— Как же мне быть, Феофан? Как предупредить Президента?

— Николай Николаевич, — то был голос Феофана, лишённый поморского оканья. За рулём сидел не бородатый помор, а сухощавый, гладко выбритый, пахнувший одеколоном мужчина с волевым лицом и внимательным зорким взглядом. — За время, пока мы вместе, Николай Николаевич, я убедился в вашей преданности Президенту и в искреннем стремлении служить Отечеству. И поэтому я откроюсь. Никакой

я не Феофан, не старовер. Просто я работаю под прикрытием. Истинные друзья России направили меня в Петербург оберегать вас и помогать. Вы видите, что Петербург захвачен врагами, все каналы связи прерваны, все явки провалены. Мы действуем в глубоком тылу противника. Но когда я работал нелегалом в Брюсселе и искал связь с Центром, я пользовался испытанным, дедовским способом. Делал закладки. То есть оставлял сообщение в надёжном месте, и связник извлекал его оттуда. Этим местом был знаменитый Писающий мальчик, из которого вечно льется вода. Конечно, каждый раз я и мой связник слегка промокали, но сообщение достигало Центра. Здесь, в Петербурге, есть одно не засвеченное место, через которое вы сможете напрямую связаться с Президентом.

— Какое же это место? — воскликнул Николай Николаевич, с верой и надеждой глядя в серые волевые глаза разведчика. — Нам нужно спешить. Президент не должен появляться на яхте «Король Георг».

— На Фонтанке есть маленький мостик, который называется «Львиным». На нём четыре льва, с каждой стороны пара. Правый лев, если стоять лицом к Фонтанке, чист, его не просекли агенты врага. Вы подойдете ко льву, припадёте к его правому уху и сообщите всё, что хотите передать Президенту. Только, пожалуйста, говорите медленно и отчётливо. Лев от старости стал глуховат.

— Скорее, скорее к «Львиному мостику»! — торопил разведчика Николай Николаевич.

Они проехали по пустынной набережной туда, где Фонтанка сливается с Мойкой. На текущей воде дрожали размытые отражения дворцов. С Марсова поля долетал запах скошенного газона. На клумбах из чёрной земли тянулись алые, как огненные стрелы, бутоны тюльпанов. Мост был прелестный, висел над водой, и львы, седые, обветренные, омытые невскими дождями, смотрели друг на друга каменными глазами.

Николай Николаевич выскочил из машины, кинулся к мосту и, обняв львиную шею, припал к его уху. Камень был холодный, безжизненный.

— Не к этому! Правее! — крикнул из машины разведчик. Николай Николаевич перебежал к соседнему льву, обнял его. Камень был тёплый, лев был живой.

Николай Николаевич прижал свои уста к львиному уху, торопился передать сообщение.

— Господин Президент! Это я, Полуверцев! Вы помните меня? Там, на Васильевском спуске, когда праздновали возвращение Крыма, вы поцеловали меня! Ваш поцелуй, господин Президент, передал мне благодать Херсонеса, благодать Святого крещения. Тогда возник Русский мир, возникла Россия предвечная, неподвластная тлению! Наши русские земные границы могут меняться, к нам могут приходить и от нас уходить соседние народы, но Россия Предвечная остается нетленной. И если земная Россия совсем исчезнет, из России Небесной прольётся на землю фаворский свет, и земная Россия воскреснет в своей красоте и величии! Но я не о том, господин Президент! У меня важное для вас сообщение! Вы можете мне верить. Это фамилия моя Полуверцев, на самом деле я верую полной мерой. Верую в святость России, в её непорочную красоту. Готов пасть за неё, как пал под Сталинградом мой отец. Как умер мой дед в землях Войска Донского. Готов умереть за вас, ибо вы благодетель России и помазанник.

— Зовите меня просто «друг».

Едва ли мы с вами увидимся.

Но если вдруг вы встретите меня на Мэдисон-авеню, или на Елисейских Полях, или на площади Ватерлоо, сделайте вид, что вы меня не узнали.

Разведчик довёз Николая

Николаевича до Кунсткамеры, где на Неве высилась огромная яхта Якоба Моргулиуса. Они обнялись, и такси исчезло, превратившись в серебристое облачко света.

«Жизнь за царя» — какая прекрасная смерть! Жизнь за Россию! Вы слышите меня, господин Президент? Вам нельзя появляться на яхте «Король Георг». Они вас хотят уничтожить, превратить в бездушную цифру. Превратить в мёртвую цифру Русскую мечту, Русское чудо, саму Россию! А значит, и Царствие Небесное. Я знаю, они поймают меня, станут мучить, выведывая «Модем Полуверцева», чтобы он служил злу. Этому не бывать. Присягаю вам в верности на иконе Казанской Богородицы, заступницы, ибо на Казанскую, в тот дождливый осенний день, я крестился, шёл в ночи за фонарем и пел чудный акафист. Фонарь в ночи, господин Президент! Вы фонарь, зажжённый в русской ночи! Я вас никогда не предаю!

Николай Николаевич бессильно умолк. Пожал львиную лапу, ощутив ответное пожатие льва. Послание было принято, ушло к адресату.

— Теперь, Николай Николаевич, миссия моя подходит к концу, — произнёс разведчик. — Ведь вы хотите, не правда ли, чтобы я отвёз вас на яхту «Король Георг», и вы убедитесь, что послание ваше дошло?

— Именно так, — удивился прозорливости разведчика Николай Николаевич. — Но как вас звать? За кого молиться? За кого ставить свечу?

— Зовите меня просто «друг». Едва ли мы с вами увидимся. Но если вдруг вы встретите меня на Мэдисон-авеню, или на Елисейских Полях, или на площади Ватерлоо, сделайте вид, что вы меня не узнали.

Разведчик довёз Николая Николаевича до Кунсткамеры, где на Неве высилась огромная яхта Якоба Моргулиуса. Они обнялись, и такси исчезло, превратившись в серебристое облачко света.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кяхте «Король Георг» подкатывали роскошные автомобили и из них выходили участники Петербургского экономического форума, самые именитые и престижные гости. На верхней палубе их встречал хозяин яхты, миллиардер Якоб Моргулиус, приплывший на своем великолепном ковчеге от берегов Темзы.

Все мужчины были в смокингах, а три великосветских дамы — глава Центробанка, дама-министр, управляющая финансовыми потоками, и дама-министр, ведающая экономическим развитием, — все три дамы были в вечерних платьях.

Николай Николаевич Полуверцев хоть и не был в смокинге, но был допущен на палубу, ибо имел пропускной жетон, причислявший его к знаменитостям.

Среди гостей, гулявших по палубе, он обнаружил специалиста по Арктике Шульца, профессора Иерусалимского университета Перельмана, китайского генерала Синь Бяо, генерала военной разведки Супростатова, банкира Келейко, министра Ацтекова, а также трёх офицеров американского Военно-морского флота и знаменитого немецкого подводника, командира лодки U-22 Ульриха фон Брауха. Здесь же находился лидер патриотического движения «Кто с нами» Лавр Песнопевцев.

С некоторыми Николай Николаевич обменялся холодными поклонами, при виде других сделал вид, что незнаком.

Тут же были возлюбленные Моргулиуса Жанна Кобре и Луиза Файнберг, обе в вечерних платьях с голыми спинами, причём у Луизы Файнберг вдоль гибких позвонков сверкали бриллианты.

Моргулиус первым подошёл к Николаю Николаевичу. Его страусиную шею украшал галстук-бабочка с крохотным топазом:

— Рад вас видеть, Николай Николаевич. Я знал, что вы придёте. Вы же с нами, мы соработники. Мы ждём Президента. И тогда нам понадобится «Модем Полуверцева». Ненадолго, на одну минуту, — сказав это, Моргулиус отошёл, а у Николая Николаевича на мгновение остановилось сердце. Значит, Президент не получил послание. Либо лев окончательно оглох, либо послание перехватили враги.

— Господа, — обратился Моргулиус к гостям, которые с нетерпением поглядывали на светящиеся окна салона. — Ещё немного, и мы начнем праздник. С минуты на минуту пожалует Президент.

И снова Николаю Николаевичу стало плохо. Все его старания оказались тщетными. Сейчас подъедет кортеж Президента, и тот своей чёткой офицерской походкой поднимется по трапу, и Николай Никола-

евич, чтобы не стать соучастником преступления и не нарушить клятву верности, данную Президенту, — кинется за борт в студёную невинскую воду.

Николай Николаевич увидел, как к Моргулиусу приблизился помощник, смуглый мулат с повадками лисы, и что-то ему шепнул. Моргулиус вытянулся, его тощая шея покрылась синеватыми злыми прыщиками. Он обратился к гостям:

— Господа, Президент не сможет осчастливить нас своим присутствием. У него срочное дело. Телефонные переговоры с президентом Америки. Он просит веселиться без него!

А у Николая Николаевича ликование. Его послание дошло. Старый глухой лев не подкачал. И Николай Николаевич растроганно повторял прилетевшую бог знает откуда строку неизвестного поэта: «Дай, лев, на счастье лапу мне. Такую лапу не видал я сроду».

— Прошу, господа, в салон! — пригласил Моргулиус гостей, и первый проследовал с палубы во внутренние апартаменты яхты.

В салоне размещалась привезённая из Австрии экспозиция модного скульптора Эриха Вальдберга, чьи работы продавались на аукционе «Сотбис» по баснословным ценам. Занимая весь салон, стояли терракотовые обнажённые юноши, прекрасные, как античные божества. Они обнимали друг друга, лобзали, грациозно свивались, сладострастно изгибались. Это напоминало танцы Диониса, вакхические празднества, божественный балет с околдованными танцорами.

Тут же стоял стол с серебряными подносами, на которых кипело в бокалах шампанское.

Гости восхищались, аплодировали, делали тонкие эротические замечания. Хвалили хозяина за изысканный эстетизм.

Моргулиус благосклонно кивал, сладко закрывал глаза, наклонял свою страусиную голову:

— Господа, я купил эту экспозицию специально для вас. Каждую скульптуру отдельно. И у каждой скульптуры ту её часть, которая может доставить вам особое наслаждение.

Моргулиус хлопнул в ладоши, и скульптуры ожили. Обнажённые юноши, похожие на танцоров, кинулись к столу с напитками. Подхватывали серебряные подносы с бокалами, летали среди гостей, предлагая шипящее шампанское. Мимолётно прижимались к гостям, и те награждали их ласками и поцелуями.

Один из юношей подлетел к Николаю Николаевичу, играя гибкими мускулами. Сделав па, он попытался просунуть свою гибкую руку за ворот

его рубахи. Но Николай Николаевич уклонился и спросил юношу:

— Кто ты, легкомысленный танцор?

И юноша ответил:

— Я Нуриев.

Скользнул мимо, к генералу внешней разведки Супростатову, который одной рукой снял с подноса бокал, а другой обнял юношу.

— Прошу отужинать, — Моргулиус пригласил гостей в соседний салон. — Сегодня на форуме мы славно поработали, и теперь, не правда ли, мы можем позволить себе невинные удовольствия.

В соседнем салоне-ресторане были накрыты столы, за которыми прислуживали всё те же обнажённые юноши. Николаю Николаевичу выпало место рядом с Жанной Кобре и Луизой Файнберг. Обе взялись за ним ухаживать и при этом шалили.

— Полуверцев, хочешь посмотреть низ моего живота? — предлагала Жанна Кобре, делая вид, что приподнимает платье.

— А хочешь посмотреть низ низа моего живота? — вторила ей Луиза Файнберг. — И обе под столом клали ему на колени свои ножки

Меню предлагал голубоглазый юноша с пирсингом, столь изысканным, что казалось, будто в паху юноши распустился цветок, усыпанный драгоценными светлячками.

Меню состояло сплошь из экзотических блюд. Салат из сушеных африканских пауков, которых сначала мариновали голодом, а потом обкармливали зелёными мухами, отчего пауки объедались и умирали. Их слегка обжаривали, чтобы они нежно хрустели, и поливали рыбьим жиром тунца, якобы пойманного Генрихом Боровиком вместе с Эрнестом Хемингуэем. Суп был сварен из морских змей, пойманных у острова Святой Елены. Суп был слегка горьковат от змеиного яда, но планктон, взятый из желудка кита, смягчал горьковатость. А если в него выжать сок сиреневой улитки, что водится на заброшенных могилах в селениях Гондураса, то суп и вовсе приобретал сладковатый привкус. Второе блюдо состояло из жареных колибри. Птичек живыми насаживали на вертел, ошпаривали кипятком, отчего те роняли свое радужное оперение, и потом жарили на углях, дожидаясь, когда на клюве птички появится маленькая капля кипящего мозга. На шампуре помещалось сразу восемь птах, и их предлагалось есть прямо с шампура вместе с косточками. На десерт подавалось мороженое, сделанное из молока антарктического караса, который нерестился прямо у айсбергов, и молоку вместе с кусочками льда поставляли к столу Моргулиуса.

Всё это было предложено Николаю Николаевичу, но тот отказался. Попросил картошку в мундире с зелёным луком и подсолнечным маслом.

Но их не оказалось в меню, и Николай Николаевич воздержался от заказа.

Зато Жанна Кобре весело похрустывала пауками, обсасывала паучьи лапки, кидая остатки на тарелку Николая Николаевича. А Луиза Файнберг подала розоватое мясо морской змеи, извлекала из змеи позвонки, удивляясь, почему на них нет бриллиантов.

Сидящий за столом незнакомый Николаю Николаевичу бельгиец, занимавшийся искусственным интеллектом, прижал к себе юношу, подносившего блюда, тот томно закатывал глаза, и светлячки на его цветке затрепетали, словно хотели взлететь.

Поднялся Моргулиус, держа бокал с пьянящим напитком, приготовленным из слюны павиана с добавлением лепестков архидеи.

— Господа, вы все замечательные новаторы и герои, творящие новую «Эру цифры», которая идёт на смену архаической «Эре слова». У каждого из вас есть великие достижения. Каждый революционер Великой глобальной цифровой революции. Но есть среди нас человек, о котором пока ещё мало знает мир, но который знает о мире всё. Николай Николаевич Полуверцев, прошу приветствовать его. — Моргулиус указал на Николая Николаевича, и тот, повинувшись исходящей от Моргулиуса гипнотической силе, встал. — Николай Николаевич совершил открытие, делающее глобальную цифровую революцию необратимой.

Он владеет волшебной формулой, которая позволяет нам оцифровать Русскую мечту, Русское чудо, саму Россию, а вместе с ней Царствие Небесное. «Модем Полуверцева» — открытие, сделанное Николаем Николаевичем во сне. Это истинно русский способ добывать новые знания о мире. Менделеев открыл свою знаменитую таблицу во сне. Пушкин написал поэму «Евгений Онегин» во сне. Пётр Великий сначала увидел Петербург во сне, а потом повелел его построить. Иосиф Сталин увидел во сне ВДНХ, а уж потом появились её великолепные павильоны. Россия — страна снов. Когда она спит, мир спокоен. Но не приведи Господь, если она просыпается. Когда Россия просыпается, мир начинает валиться на бок. И поэтому спящая Россия — это идеал человечества. Когда мы оцифруем Россию, мы сделаем всё, чтобы она не просыпалась. Пусть себе спит, видит великие сны, а мы станем строить нашу «Цивилизацию цифры». Сегодня, к сожалению, Президент не смог к нам присоединиться. Но завтра, после второго дня Форума, он выступит перед нами, и тогда, дорогой Николай Николаевич, — Моргулиус поклонился Николаю Николаевичу, — тогда мы совершим задуманное с помощью вашего «Модема Полуверцева». Переведём Президента в цифру, что сделает его лидером всего цифрового про-

4

странства от Вашингтона до Владивостока. За вас, несравненный Николай Николаевич!

Моргулиус выпил свой пьянящий напиток, который тотчас взыграл в нём и выступил на губах зеленоватой пеной.

Все аплодировали, шли к Николаю Николаевичу чокаться. И тот пригубил бокал с чем-то таким, что устремило его вспять по эволюционной спирали. Он стал рыбой, затем птицей, затем баобабом, затем инфузорией и, наконец, «философским камнем». Пребывал в этом состоянии мгновение, а потом вернулся к возгласам, аплодисментам, звону бокалов.

Гости откушали, поднялись и расхаживали, дожидаясь развлечений. А у Николая Николаевича новое озарение. Завтра во Дворце конгрессов задумана «цифровая казнь» Президента, невозможная без использования «Модема». Значит, судьба Президента не в руках злодеев, а он никогда не предаст Президента, и казнь не состоится. Сейчас же Моргулиус верит, что он, Николай Николаевич, вошёл в их круг, их союзник, предоставит «Модем» в нужный час. И пока Моргулиус сохраняет эту иллюзию, Николай Николаевич, находясь в тылу врага, станет подрывать цифру, воздействовать на неё словом. Сокровенными переживаниями, которые можно выразить только божественным словом. «Словом Света» против «Цифры Тьмы».

К нему подошёл офицер американского Военно-морского флота, в смокинге, и вытащил из-за пазухи шляпу графа Милорадовича. Протянул Николаю Николаевичу:

— Вы обронули, сэр. Считаю своим долгом вернуть вам шляпу.

— Не утруждайте себя, сэр. Шляпа не моя, а русского графа, павшего жертвой заговора. Оставьте её у себя на память о белых ночах.

— Вы очень любезны, сэр.

Его сменил министр Ацтеков. Он был в прекрасном расположении духа и склонен к беседе.

— Заходите как-нибудь ещё на Васильевский, — пригласил он. — Посидим с зеркалами. Поотражаемся всласть.

— Это небезопасно, господин Ацтеков, — произнёс Николай Николаевич. — Если долго смотреться в зеркало, можно исчезнуть без следа. Зеркала засасывают, и оттуда нет возврата. Многие известные люди пропадали бесследно, засмотревшись на своё отражение. Например, князь Меншиков, находясь в ссылке в Берёзове, от одиночества долго смотрел в зеркало. И исчез.

— Что вы говорите! — задумчиво произнёс министр Ацтеков и удалился.

Китайский генерал Синь Бяо, в небольшом, изящно сшитом смокинге, тронул Николая Николаевича за рукав:

**Китайский генерал Синь Бяо,
в небольшом изящно сшитом
смокинге, тронул Николая
Николаевича за рукав:**

**— Хотел вас спросить, господин
Полуверцев. А в Царствии Небесном
растут грибы?**

**— Только белые, дорогой Синь
Бяо, только белые. Лисичек
там не найдёте.**

**Генерал достал записную книжку,
что-то старательно записал
и с поклоном удалился.**

— Хотел вас спросить, господин Полуверцев: а в Царствии Небесном растут грибы?

— Только белые, дорогой Синь Бяо, только белые. Лисичек там не найдёте.

Генерал достал записную книжку, что-то старательно записал и с поклоном удалился.

Лавр Песнопевец, подойдя, задрал брюки и показал Николаю Николаевичу кирзовые сапоги с золотыми застёжками.

— Видите? Невзоровские. Он их по средам носит. Вот вы ушли, а могли вам достаться.

— Мне не по ноге, — поблагодарил Николай Николаевич.

— Вам виднее, — произнёс Лавр Песнопевец и отошёл, напевая: «Друг, товарищ, гляди в оба и увидишь русофоба».

Николай Николаевич хвалил себя за то, что в общении с недругами выбрал верный тон, ироничный и непринуждённый.

Моргулиус, щедро раздавая улыбки, воскликнул:

— Господа, наши развлечения продолжаются! — и указал на двери в соседний салон. Гости прошли и оказались в помещении, напоминавшем спортивный зал. Окружённый канатами, ринг светился кожаным полом. С потолка свисали боксёрские груши, стояли тяжеловесные штанги, высились снаряды для прыжков. Гости окружили ринг, с любопытством оглядываясь.

— Два лучших бойца продемонстрируют бой, в котором выживет только один. Аплодисменты бойцам! — Моргулиус захлопал, все ему вторили. Раздался гонг. В потолке над рингом зажглась цифра «6», как бриллиантовая люстра. И на ринг выскочили два бойца. Оба голые, с круглыми мускулами,

бритыми головами, напоминали упругие шары, которые подскакивали, перемещаясь по рингу. Один, коротконогий, с бычьей шеей и шишкой на лбу, с грудными мышцами, похожими на плиты брони. Другой с могучими волосатыми плечами, узкой талией, на кривых волосатых ногах, с головой в виде пушечного ядра, на котором слабо выделялись глаза, ноздри и рот. У обоих левые руки сжимали кастеты с шипами, а в правых блестел нож. Их губы фыркали, из глоток летели хрипы. Они скакали, раскрыв руки, словно готовые кинуться друг другу в объятия. Их прыжки, приседания, гибкие покачивания напоминали первобытный танец. У обоих набрякли чресла, переполненные яростной похотью.

Зрители замерли, предвкушая свирепую, беспощадную схватку.

— Бей! — властно воскликнул Моргулиус.

Первым нанёс удар волосатый. Ударил ногой в пах противника, но тот перехватил ногу, дёрнул вверх, и волосатый совершил сальто в воздухе, приземлившись на обе ноги. По одной ноге от колена к икре текла кровь из глубоких рваных ран, нанесённых кастетом.

В атаку пошёл лобастый. Выставил шишку, как рог, раздувая на шее жилы. Махал ножом, подбрасывал и снова ловил, нож крутился, как маленькое злое солнце. А потом, оказавшись вновь в кулаке, полоснул по лицу противника. Тот увернулся, но нож достал его голову, стесав часть щеки и ухо. Кровь хлынула на плечо, и казалось, волосатый накинул на плечи красный плащ.

— Бей! Бей! — кричали гости, свистели, топали.

Николай Николаевич ужасался, понимая, что присутствует при убийстве. Это убийство убивало мир, и мир, над которым сверкала цифра «6», был готов превратиться в чудовищную резню. Он не знал, как остановить убийство, спасти от резни мир.

Казалось, волосатый не чувствовал боли. Смахнув кровь с бровей, устремился к рогатому и в развороте, уклоняясь от ножа, нанёс удар кастетом. Шипы прорезали лицо, вырвали глаз из глазницы. Глаз с кровавым белком выпал из глазницы и повис на красных волокнах. Рогатый схватил его в ладонь, попытался вставить в глазницу, но глаз снова выпал, и рогатый продолжал бой, мотая висящим на плечках глазом.

— Бей! Бей! — бушевали зрители. Дама, глава Центробанка, в бальном платье с глубоким декольте, нырнула под канаты, мазнула рукой кровь, бегущую по плечу волосатого, и лизнула окровавленную ладонь.

— Бей! Бей! — кричала она, и ей вторили две другие дамы, оглаживая себя по бедрам, целуя свои вывалившиеся из декольте соски.

Бойцы рычали, хрипели, скалили зубы. У волосатого началось семяизвержение. Он сотрясался, мешал кровь с семенем. Этим воспользовался рогатый. Дёрнул висящий на нитках глаз, кинул себе под ноги. В глазнице хлюпала чёрная кровь. С клёкотом кинулся к волосатому, вонзил ему нож под дых. Волосатый всё ещё сотрясался, вталкивал густое семя, но это уже были судороги смерти. Он рухнул, заскользил коленями по кровавому покрытию ринга.

Рогатый стоял над ним, подняв окровавленный нож, одним глазом смотрел на Моргулиуса. Тот протянул руку с опущенным вниз большим пальцем.

Рогатый поднёс клинок к выпуклой груди волосатого, прицелился в левый сосок и мощным ударом с хрустом всадил нож по самую рукоять.

Цифра «6» над рингом засверкала, стала осыпаться разноцветными искрами, как будто в небе бушевал салют.

Николай Николаевич терял рассудок. Чувствовал, как гнётся земная ось, трескается земная кора, и в бездонный провал сыплются города, храмы, дубравы, и люди, погибая, машут ножами, целятся из снайперских винтовок, выпускают ракеты. Он не мог крикнуть миру: «Стойте!» Он мог заслонить гибнущий мир от чудовищной цифры, от вселенского зла, заслонить мир своей хрупкой жизнью, в которой было столько нежности и любви, что они не позволят миру погибнуть.

Боже, ведь всё это было, руку протяни, и достанешь! Тот апрельский московский день, когда в прозрачных деревьях изумрудная зелень, и синий асфальт, обрызганный первым дождём, и такая лёгкость, счастливое изумление, внезапная новизна преображённого мира. Он идёт в роддом встречать жену, которая родила ему дочь, и это небывалое чувство отцовства, когда из подъезда выходит жена и следом какая-то женщина, держит в руках белый свёрток, перевитый шёлковой лентой, и в глубине, в кружевах что-то нежно розовеет, и жена, сияющая, прекрасная, с умиленным лицом, смотрит, как он испуганно берёт этот свёрток, столь лёгкий, что кажется пустым, и только в таинственной глубине притаилась едва ощутимая жизнь. Они садятся в такси и едут домой, и жена царственно, горделиво держит у груди своё чадо, веря, что деревья распустились во имя неё, и дождь обрызгал город во имя неё, и это она и её любимое чадо сделали этот мир драгоценным. Они приносят дочку домой. Там собралась вся родня. Тёща, мама, тётки и конечно же бабушка, старшая в их многочисленном роде, истаявшем среди горестей мира. Дочь кладут на постель. Жена разворачивает свёрток, и открывается крохотное тельце, розовые губки, стебельки хрупких рук и ног. Он боится их тро-

нута, только вдыхает млечный целомудренный запах младенца, запах, прекраснее которого он ничего не вдыхал. Бабушка, бессильная, дряхлая, с морщинистым тёмным лицом, приближается и долго смотрит на свою новорождённую правнучку. Её тёмное лицо, и нежное тельце младенца. Её карие, плохо видящие глаза, и светящаяся белизна детской кожи. Бабушка долго молча смотрит, и никто не смеет её окликнуть. Он понимает, что присутствует при таинстве, когда встретились две родных жизни, одна перед тем, как исчезнуть, и вторая, начиная свой путь в этот таинственном мире, где ей суждены великие радости и печали,

великие обретения и потери. Бабушка переливает в неё свою уходящую жизнь, чтобы она не исчезла, и дочь, не ведая того, принимает эту жизнь вместе с бесчисленными жизнями исчезнувшей родни, близкой и дальней, погибшей на войнах, на этапах, в изгнании. Он смотрит на дочь и на бабушку, сознавая, что и сам он участник таинства, участвует в передаче наследства.

Николай Николаевич очнулся в момент, когда служители за ноги уволакивали с ринга мёртвое тело, оставлявшее за собой красную дорожку. Видение, которое его посетило, не исцелило мир, но уберегло его на последней черте, отодвинув от бездны.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич был партизан, заброшенный в тыл врага. Был разведчик на нелегальном положении, как тот неизвестный друг, пришедший ему на помощь. Николай Николаевич прожил долгую жизнь, состоящую из рождения детей и потери близких, из написания книг и участия в войнах и революциях, из любовей к изумительным женщинам и низменных недостойных наслаждений. Он жадно хватал всё, что преподносила ему жизнь. Теперь же настало время, когда он должен возвращать жизни то, что взял у неё. Спасать жизнь. И в этом открывался ему смысл появления на свет. Как дерево, возрастая, из года в год поглощает солнце, наращивает древесные кольца, чтобы потом сгореть и вернуть поглощённое солнечное тепло, так и Николай Николаевич горел в топке крошечных событий, не давая жизни превратиться в глыбу мёртвого льда.

Между тем гости, возбуждённые зрелищем смерти, были приглашены в соседний салон. Их не пустили дальше толстой металлической решётки, за которой виднелась круглая, усыпанная опилками арена, какие бывают в цирке. На арене стояли обнажённые подростки, почти ещё дети, жались друг к другу, стесняясь своей наготы. Это были юные нахимовцы, те, что в аквалангах сновали вокруг яхты и которых большим сачком вычерпывали из Невы члены экипажа. Теперь они стояли на цирковой арене, а перед ними расхаживал банкир Келейко. Он расстался со своим смокингом и был облачён в трико. Держал в руках хлыст, похлопывая им перед обнажёнными подростками, отчего те испуганно прятались один за другого. На некоторых виднелись розовые рубцы от хлыста. Келейко действовал хлыстом ловко, как дрессировщик.

Моргулиус повёл рукой, давая пояснение гостям:

— Видите ли, дорогие друзья, эти юные сорванцы шпионили за нами, передавали деликатные сведения в разведывательные круги. За это они понесут наказание. Наш соратник господин Келейко, большой знаток русской поэзии, потратил много сил на то, чтобы избавить Россию от поэтического слова и перевести поэтическое слово в цифру. Он обучил этих шалунов русским стихам, правда, обучение, как вы видите, проходило не совсем гладко. Но теперь, когда они выучили стихи, мы услышим, как они их декламируют, и увидим, как слово переходит в цифру.

Келейко хлопнул хлыстом и ткнул им в худого темноволосого подростка. Тот вздрогнул, шагнул вперёд и, неловко разводя руки, как это делают в кружках художественной самодеятельности, стал декламировать:

Средь шумного бала, случайно,
В тревогах мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Он читал с выражением, лишь иногда запинался, со страхом поглядывая на хлыст. Келейко благосклонно кивал. Позволил прочитать ещё два четверостишия из Алексея Толстого и щёлкнул хлыстом, обрывая чтение.

Некоторое время ходил, приглядываясь к молодым людям. Указал хлыстом на маленького рыжего мальчика с круглыми птичьими глазами.

— Ко мне! — приказал он, заставляя мальчика выйти вперед. — Читай «Колыбельную» Лермонтова.

Тот бойко, желая угодить дрессировщику, стал читать:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо светит месяц ясный
В колыбель твою.

Николай Николаевич почувствовал, как приближаются слёзы. Бабушка читала ему «Колыбельную», и он горевал, когда приближались строки: «Но отец твой, старый воин, заколен в бою!» Ему было жаль воина, которого закололи в бою, как и его отца, погибшего под Сталинградом.

Келейко слушал, наклонив голову. Было видно, что он наслаждается стихом. Дал дочитать до конца, а потом толкнул рыжего мальчика к остальным.

— А теперь ты, Тютчева. Надеюсь, наконец, выучил? У вас в республике все такие тупые?

С этой насмешкой Келейко обратился к коренастому пареньку со скуластым лицом и чуть раскосыми глазами. Он был калмык или бурят. Весь дрожал, закрывал лицо локтем. На его худых рёбрах виднелись рубцы.

— Ну, читай! — приказал Келейко, — Читай, говорю!

— Забыл, — хныкающим голосом произнёс мальчик.

— Читай! — Келейко щёлкнул хлыстом перед его лицом.

— «Бесследно всё, и так». Не помню!

— А теперь? — ударил его хлыстом Келейко.

— «И так легко». Не помню!

— Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай! — хлестал его Келейко. И мальчик, рыдая, сбиваясь, заслоняясь от ременного хлыста, выдавливал из себя:

Бесследно всё, и так легко не быть.
Со мной иль без меня, что нужды в том?
Всё будет то ж. И так же ветер выть.
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Мальчик с белёсой чёлкой тянул руку, как это делают отличники, желая отличиться. Келейко вызвал его. Мальчик с чувством, нараспев прочитал Некрасова:

Ой, полным-полна моя коробушка.
Есть и ситец и парча.
Пожалей, душа моя зазнобушка,
молодецкого плеча.

Глаза подростка горели. Он думал, что выразительное художественное чтение избавит его от побоев. Келейко похвалил его и погладил по голове.

Зрители сквозь решётку аплодировали. Некоторые подсказывали детям стихи, если те забывали.

Прозвучали стихи Иннокентия Анненского: «Среди миров, в мерцании светил, одной звезды я повторяю имя». Стихи Блока: «Боль проходит понемногу, не на век она дана. Есть предел смертельным стонам. Злую муку и тревогу побеждает тишина». Один читал Гумилёва: «Я угрюмый и упрямый зодчий, храма возводимого во тьме». Другой выучил Ахматову: «Умер вчера сероглазый король». Третий Пастернака: «На даче спят. В саду, до пят подветряном, кипят лохмотья». Четвёртый — Мандельштама: «Есть женщины, сырой земле родные. И каждый шаг их — гулкое рыданье».

Казалось, проходит вечер русской поэзии. Гости были увлечены. Исполнители, забыв о хлысте, старались читать стихи выразительно, радуясь аплодисментам.

— Bravo! — воскликнул Моргулиус, делая знак, обрывавший последний стих. — Вы видите, сколько сил лучшие люди России потратили на изнурительные слова, стараясь с их помощью пробиться в Царствие Небесное. Ведь так, Николай Николаевич? Мы прорвёмся сквозь слово к цифре. Господин Келейко, концерт окончен!

Келейко, в шёлковом трико, играя бедрами, пощёлкивая хлыстом, покинул арену. Минуту ничего не происходило. Мальчики стояли, озираясь, ожидая, когда их отпустят. Внезапно над ареной зажглась ослепительная цифра «6». Боковая дверь открылась, и на арену рванулась свора собак. Огромные, с хриплым лаем, оскалив белые лютые клыки, вздыбив загривки, собаки набросились на детей. Рвали, вгрызались в животы, перегрызали горла, с хрустом ломали клыками неокрепшие кости. Дети визжали, кричали, отбивались от собак, а те валили их, терзали, хлюпали окровавленными мордами, погружали пасти в кровавое месиво. Скоро крики затихли. Раздавался рык. Собаки растаскивали истерзанные тела. Пахло парным мясом.

Николай Николаевич видел, как хрипящий пёс тянет по арене рыжего мальчика с прокушенной шеей. Другая собака подбрасывает и ловит чью-то тонкую руку. И наступила тьма.

Кровавый туман окутал Петербург, и в этом красном тумане стояли дворцы, храмы, памятники. Небо было красным. Нева текла, как отекало липкими ручьями. И Николай Николаевич в обмороке, не давая погибнуть миру, стремясь своей одинокой жизнью спасти обреченный мир.

Почему в Туву? В чём волшебство этой загадочной лесистой земли среди синих гор и золотистых пустынь? Не в тех ли почтовых марках, изумительных, разноцветных, что были в его коллекции? Треугольные, ромбовидные, с неведомыми

животными, серебряными рыбами, с охотниками в островерхих шапках, с рыбаками на лёгких ладьях, с летящим дирижаблем, на который, запрокинув морду, смотрит верблюд?

Их полёт из Москвы в Туву с женой и маленькими детьми. На другую половину земли, с самолёта на самолёт, с огромного, белокрылого на крохотный, жужжащий, как муха. Они в тайге, на берегу Енисея, ставят на горе свою маленькую палатку, глядя, как сверкает река, как несутся по ней длинные лодки, как восходит круглая золотая луна, от которой по воде струится золотая дорога, и её пересекает стремительная чёрная лодка. У палатки из травы тянется дикий пион, марьино коренье, с малиновым плотным бутонем. Перед тем как заснуть, они сидят у цветка, и он рассказывает детям сочинённую им сказку о волшебном цветке, который делает человека бессмертным. Дети заворожённо слушают, а жена тихо улыбается, любитесь ими, верит, что всегда они будут вместе, их минует разлука, они будут сидеть на волшебной горе под золотой луной. Ночью он слышал, как кричит в лесу неведомая птица. Утром, выйдя из палатки, увидел озарённый солнцем пион, алое диво, раскрывшее свои лепестки. Они сидели вокруг цветка, любящие, неразлучные, обожая друг друга, и этот цветок, и сверкающую синюю реку, и знали, что никогда не умрут.

Николай Николаевич покидал место злодеяния, слышал урчанье собак, знал, что он на мгновение задержал крушение мира.

Следующий салон, куда были приглашены гости, являл собой лазурный бассейн. В прозрачной морской воде резвились три дельфина, крупные литые самцы, остроносые, с улыбающимися ртами. Они ныряли, выскакивали в брызгах, сияли чёрными стеклянными спинами, белыми атласными животами. Они играли в водное поло, перебрасывая один другому резиновый мяч. Держали мяч на носу, подбрасывали, били по нему плавниками, загоняя в кольцо. Не промахивались, забрасывали мяч играючи, с шиком, в кувырке били по нему хвостом, посылая точно в кольцо.

— Господа, — давал пояснение Моргулиус, — эти самцы-дельфины есть плод наших цифровых генетических экспериментов, результат спаривания адриатических дельфиньих самок и американских морских пехотинцев. Вы знаете об этих экспериментах? — лукаво усмехнулся Моргулиус, обращаясь к трём офицерам американского Военно-морского флота. Те скромно кивнули, и у Николая Николаевича возникло подозрение, не они ли были теми морскими пехотинцами, которые оплодотворили дельфиньих самок из Адриатики. — Одним словом, — продолжал Моргулиус, — у потомства

— Браво! — воскликнул Моргулиус, делая знак, обрывавший последний стих. — Вы видите, сколько сил лучшие люди России потратили на изнурительные слова, стараясь с их помощью пробиться в Царствие Небесное. Ведь так, Николай Николаевич? Мы прорвёмся сквозь слово к цифре. Господин Келейко, концерт окончен!

Боковая дверь отворилась, и на арену рванулась свора собак. Огромные, с хриплым лаем, оскалив белые лютые клыки, вздыбив загривки, собаки набросились на детей. Рвали, вгрызались в животы, перегрызали горла, с хрустом ломали клыками неокрепшие кости.

присутствуют как материнские, так и отцовские свойства. От матерей у них нежность и утончённость, от отцов неутомимость в любви. Сейчас эти brave самцы на отдыхе, развлекаются. Но скоро опять отправятся в зону боевых действий. — Моргулиус снова посмотрел на морских офицеров, и все трое потупились. — Одним словом, вам будет интересно наблюдать за ними.

Гости встали по краям бассейна, наслаждаясь виртуозными бросками дельфинов. Те ныряли, толкали друг друга боками, выплывали на мелководье бассейна и ложились, как ложатся купальщики на пляже, омываемые мелкой волной.

Николай Николаевич наблюдал за невинной игрой дельфинов. Такую забаву можно наблюдать в любом дельфинарии. Но предчувствовал безобразный подвох, готовился спасти гибнущий мир. И не ошибся.

Раздалась бравурная музыка, какая играет в кабаре, и появились три великосветские дамы. Это были дама — глава Центробанка, дама, ведающая финансовыми потоками, и дама, отвечающая в правительстве за экономическое развитие. Все три дамы были в вечерних туалетах, на высоких каблуках. Они ступали, танцуя, поднимая и опуская ноги, как это делают танцовщицы в кабаре. Очаровательно улыбались. Дельфины-самцы встретили

3

их восторженным курлыканьем, аплодировали плавниками, восторженно выпрыгивали из воды.

Дамы танцующей походкой вошли в мелкую воду, замочив модные туфли. Дельфины ринулись к ним, выбрасывались на мелководе, как торпеды. Казалось, что сейчас сшибут женщин с ног. Но чуткие точные клювы дельфинов отыскивали на дамских платьях молнии и застёжки. Осторожно и нежно раздевали женщин, совлекали с них вечерние туалеты. Бережно разомкнули застёжки бюстгалтеров. В несколько приёмов совлекли колготки. Дамы позволяли себя раздевать, поворачивались к дельфинам спиной, сдвигая локти, помогая ухажерам. Переступали босыми ногами, сбрасывая с себя последние покровы.

Стояли обнажённые, с улыбками. И хотя их лица благодаря многочисленным пластическим операциям выглядели свежими, как у девушек, тела говорили об их истинном возрасте. Животы обвисли, ягодицы сморщились, груди тяжело свисали. Но дельфины, будучи потомками морских пехотинцев, не обращали на это внимания. Они были в отпуске, и, как знать, суждено ли им было вернуться с боевого задания.

Заиграл свадебный марш Мендельсона. Дельфины нежно подхватывали дам плавниками, вели на глубину. Дамы плыли спокойно и величаво, а потом вдруг разом поворачивались и ныряли, как это делают при синхронном плавании. Дельфины ныряли следом, и в прозрачной воде было видно, как они покрывают своих избранниц поцелуями. Дамы всплывали, переворачивались на спины и плыли, а дельфины накрывали их своими глазированными телами. Что-то шептали им на ухо, дельфинье, соблазнительное. Дамы плыли брассом, и дельфины обнимали их сзади, но не топили, а лишь слегка притапливали, отчего дамы пугались и визжали.

Наконец, когда игры достигли предела и марш Мендельсона сменился обыкновенным буги-вуги, дельфины дали волю своим страстям. Они обнимали дам, толкали их своими белыми животами, горбили над ними чёрные спины, и вдруг вода вокруг влюблённых пар окрасилась мутноватой молочной жидкостью, они достигли мелковода и лежали там в изнеможении. Дама — глава Центробанка нежно щекотала своему избраннику подбородок.

В это время ударили барабаны, и на дне бассейна, похожая на глубоководную светящуюся рыбу, зажглась цифра «6».

Гости аплодировали, довольные эротическим зрелищем. Гадали, кто родится у дам — дельфины или морские пехотинцы.

Николай Николаевич давно отвернулся от этой отвратительной оргии. Он вспоминал. Он спасал мир.

Он купил избу в подмосковной деревне, чудесный бревенчатый дом, где от прежних хозяев осталась столешница, деревянная, с нарисованным львом, кровать и русская печь. Когда её топили, она начинала пахнуть мёдом. Он жил в избе с женой и тремя детьми, вместе с мамой и бабушкой. И в их большой семье дети взростели, светились целомудренной свежестью и красотой, неистощимые в шалостях и забавах. А мама и бабушка старились. Бабушка всё слабела, сидела безмолвно в тени кустов в недвижной дремоте. Он с женой и детьми решили поехать в Углич, с утра, на машине, по чудесным лесам, останавливаясь на полянах на лёгкие пикники. Он брёл с детьми по лугу, наклонялся к луговым цветам с их чудесными народными именами. Они побывали в Угличе, у храмов, на Волге, среди милых купеческих домиков. Он всё рассказывал детям о родной старине, а те внимали. И во время этих рассказах, среди храмов, цветов, он испытывал блаженное единство с детьми и женой, их счастливую неразлучность.

Возвращались под вечер, в дождях. Лило непрерывно, шоссе было в брызгах, щётки не успевали стряхивать воду. Вернулись в деревню в сумерках, среди ровного холодного ливня. Он оставил жену и детей в машине, прошёл к избе, заглянул в окно. Там не было огня. Он увидел маму и бабушку. Они сидели у стола в терпеливом ожидании, в смиренном спокойствии. Ожидали, когда он вернётся. И в этом ожидании было столько векового, русского, женского. Обе они провели свою жизнь в ожидании любимых и близких, которые исчезали бесследно среди войн и гонений. Теперь, глядя на их любимые лица, он испытывал к ним такую любовь, такую печаль, такое бессилие удержать их в этой жизни рядом с собой. Не отпускать их туда, куда их уносит. Их скоро не станет, и он будет вспоминать этот дождь, окно в деревенской избе, где его ждут любимые женщины, как ждали возвращения других, не вернувшихся.

Николай Николаевич заслонил этим воспоминанием гибнущий мир, отвёл от него последний смертельный удар. Мир уцелел, сохранился ещё на одно мгновение.

Развлечения на яхте между тем продолжались. Гости перешли в салон, являвший собой зал для борьбы. Пол выстилал огромный кожаный матрас. На нём были разобраны внутренности животных. Сгустки коровьих кишок, семенники баранов, бычьи лёгкие, телячьи сердца и желудки, чёрная, как мокрый булыжник, печень собаки. Все это липко блестело, сочилось, издавало запах скотобойни.

Гости обступили матрас, не приближаясь к нему слишком близко. Некоторые зажимали носы пальцами.

***Скоро Жанна Кобре барахталась
среди розовых пузырей, дёргая
руками и ногами, а Луиза
Файнберг безжалостно пинала ее,
приговаривая:
— Сука продажная! Сменила пол,
и думаешь обмануть Якоба?
Ты не Жанна Кобре, а Жан
Штильмахер, и работал барменом
в марсельском кабаке! Так вот тебе,
бесполая тварь!***

— Господа, — обратился к зрителям хозяин яхты Якоб Моргулиус, — здесь вы сможете наблюдать, как любящие женщины борются за сердце мужчины. Что есть настоящая любовь, не в виде любовных стихов и словесных признаний, не в изнурительном виде поэтических метафор, а в цифре. Две мои возлюбленные, Жанна Кобре и Луиза Файнберг, докажут, какая из них достойна называться Первой любовницей, а какая Второй. Что тоже весьма почетно. Итак, любовь в цифре! — Моргулиус отступил, перед этим пнув ногой овечью матку, соскользнувшую с ковра, возвратил её на место.

На ковер с воинственными криками выбежали Жанна Кобре и Луиза Файнберг, обе голые, гибкие, яростные, как тростниковые кошки. Они, не приближаясь друг к другу, скалили зубы, шипели, выпускали когти, причём у Жанны Кобре когти были фиолетовые, а у Луизы Файнберг — ярко-красные. Женщины перемещались по ковра, стараясь не поскользнуться на внутренностях, и когда Жанна Кобре поворачивалась к зрителям спиной, у неё на поясице была видна татуировка с профилем Моргулиуса и надписью «Мой гад». А когда зрители видели гибкую спину Луизы Файнберг, вдоль позвонков сверкали бриллианты.

Луиза Файнберг издала крик ночной совы, схватила с ковра собачью печень и запустила в соперницу. Печень, хлюпая, ударила в лицо Жанны Кобре, та захлебнулась, стала сдирать с лица печень, завывая гиеной. А в это время Луиза Файнберг обрушила на ослеплённую град ударов, и каждый сопровождался криком горного барса. Жанна Кобре не выдержала натиска и упала. А Луиза Файнберг подхватила с ковра связку кишок, обмотала вокруг шеи Жанны Кобре и стала её душить. Она делала это умело, привычно, успевая двумя пальцами выкалывать сопернице глаза,

и спина её при этом переливалась бриллиантами. Жанна Кобре разорвала кишки коровы, выдралась из их месива и опрокинула Луизу Файнберг ударом маленького кулака в подбородок, отчего Луиза Файнберг подпрыгнула с криком дикой утки, и у неё со спины просыпались все бриллианты. Жанна Кобре продолжала атаку. Она схватила с ковра бараньи семенники и стала заталкивать их в рот Луизе Файнберг, повторяя при этом:

— За маму! За папу! За Францию! За Израиль! За Парк культуры и отдыха имени Горького! За Нобелевскую премию Светланы Алексиевич!

Когда у Луизы Файнберг рот был полон семенников, Жанна Кобре, полагая, что победила, отошла от соперницы, издевательски проблеяла, подражая барану, чьими семенниками давилась Луиза Файнберг. Но та успела часть семенников проглотить, а другую часть выплюнуть. Схватив с ковра бычьи лёгкие, набросила их на Жанну Кобре и стала надуть. Лёгкие увеличивались в размерах, и скоро Жанна Кобре барахталась среди розовых пузырей, дёргая руками и ногами, а Луиза Файнберг безжалостно пинала её, приговаривая:

— Сука продажная! Сменила пол, и думаешь обмануть Якоба? Ты не Жанна Кобре, а Жан Штильмахер, и работал барменом в марсельском кабаке! Так вот тебе, бесполое тварь!

Она так увлеклась поношением разлучницы, что забыла о бое. Чего не скажешь о Жанне Кобре. Та разодрала когтями бычьи лёгкие, выскочила из них, как Афродита из пены, нагая, прекрасная, чуть розовая от слизи. Краем ладони ударила Луизу Файнберг в горло. Та умолкла, захлебнулась, сказала несколько слов по-французски и упала. Жанна Кобре забрасывала её внутренностями убитых животных, танцевала на ней, месила голыми пяткам. Потом стала ходить по ковра, подбирая бриллианты, выковыривая их из мокрых сгустков.

В это время в потолке зажглась зеркальная цифра «6», и Моргулиус голосом рефери объявил:

— Победа присуждается Жанне Кобре, которая возвращает себе вместе с бриллиантами звание Первой любовницы!

Все аплодировали. Жанна Кобре, утомлённая, попирая стопой безжизненную соперницу, поворачивалась к зрителям спиной, на которой от шейного позвонка до крестца сверкали бриллианты.

Она гибко двигала бедрами и плечами, как это делает танцовщица у шеста. И бриллианты, извивались, превращаясь в сверкающую цифру «6».

— Теперь, когда культурная программа подошла к концу, мы сможем остаток ночи провести наедине со своими эмоциями. Завтра ответственный день. Перед нами выступит Президент, и быть может, завтрашний день войдёт в календарь русской истории

как День Цифры, заменив собой бессмысленный День России. Отдыхайте, друзья! — с этими словами Моргулиус, обнимая двух своих возлюбленных, перепачканных бычьей желчью, удалился.

Навстречу гостям выбежали уже известные обнажённые юноши и, танцуя, помогали им снимать смокинги, раздевая их донага. Обнимали, целовали в уста, уводили в отдельные каюты.

К Николаю Николаевичу приблизилась обнажённая дама — глава Центробанка и попыталась обнять его. Но от неё пахло дельфином, и Николай Николаевич уклонился от объятий и спрятался в укромном уголке. Видел, как дама подошла к специалисту по Арктике Шульцу, и тот, похлопывая её по бедру, ушёл в каюту.

Николай Николаевич, забившись в уголок, задремал. Он любил спать. И не потому, что был соня. Просто он не любил терять время даром. Как выдаётся свободная минутка, так он и заснёт. Таким образом он проспал всю свою жизнь. И всю жизнь он видел сны. Сама его жизнь была сном. И некоторые из тех снов, что он видел, были вещими. И сбывались. Когда его сны сбывались, мир начинало трясти. Однажды ему приснилось, что птичка трясогузка бежит по тропинке в погоне за мухой. Этот сон был вещим, и в мир ворвался экономический кризис, упали цены на нефть, что привело к бесплодию королевского дома Швеции. В другом сне он увидел, как княгиня Волконская, лёжа на канапе, принимает у себя поэта Дельвига, и тот принёс ей в подарок псковского снетка. После этого сна начался Карибский кризис, косвенным последствием которого стало появление клеща в зоопарках Калифорнии, что привело к ряду лингвистических открытий на филфаке Саранского университета. Таких снов было множество, и некоторые из них Николай Николаевич записывал, а потом издавал. Так, он издал сонник из шестнадцати томов, с толкованиями, сделанными монахом Исидором с Валаама.

Из толкований следовало, что конец света совпадёт с окончанием чемпионата мира по футболу, но какой будет по счёту чемпионат, оставалось сокрытым. Зато редис на Валаама уродится отменный, и это тоже предсказал в своём сне Николай Николаевич, увидев отдыхающего в Крыму Голеафа.

Теперь Николай Николаевич спал в уголке, набираясь сил для завтрашнего сражения. Сражения за Президента, за Россию, за Царствие Небесное.

Он проснулся от воплей. Двери кают были заперты, но за ними раздавались истошные крики, неистовый хохот, лай собак, крик петуха, кудахтающие курицы, когда та, снеся яйцо, начинает победно кудахтать и не может остановиться.

За одной дверью он услышал хриплую немецкую речь и детский плач. Николай Николаевич плечом вышиб дверь и увидел голого капитана подводной лодки U-22 Ульриха фон Брауха, который мял своими жилистыми руками хрупкого подростка, одного из тех, кто был пойман в Неве сачком. Подросток рыдал, закрывал лицо руками, отталкивал от себя мучителя.

Николай Николаевич испытал жаркую ненависть к тем, кто убил под Сталинградом его отца, кто, казалось, навсегда был повержен, но потом мистическими силами зла был воскрешён. Как опухоль, стал растекаться по миру, возник в Киеве, в Эстонии, Латвии, торжествуя, разрушая русские надгробья. Убитые русские воины рыдали в своих могилах.

Николай Николаевич, палимый праведной ненавистью, всей отпущенной ему Богом силой ударил Ульриха фон Брауха, вырвал у него подростка, прижав его к себе, в мощном прыжке вышиб окно в каюте, пролетел над палубой за борт и упал с высоты в Неву. Разжал объятия. Подросток, едва очутился в воде, заработал руками и ногам, как учили его в Нахимовском училище. Слово рыба, попавшая в родную стихию, быстро поплыл на другой берег к Адмиралтейству. А Николай Николаевич остался один посреди Невы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он удалялся от ненавистной яхты. И увидел, что мимо плывёт льдина. Ухватился за край льдины, и она повлекла его по Неве. На льдине стояла чайка с жёлтым клювом, красными ногами и неподвижными блестящими глазами. Николай Николаевич, держась за льдину, удивлялся тому, что она плывёт не вниз по течению к Финскому заливу, Петергофу, а вверх, к Ладожскому озеру.

И что ледоход на Неве давно прошёл, а льдина взялась неизвестно откуда. Ещё удивляла багряная осенняя листва в сквере на том берегу, куда он плыл, словно на одном берегу Невы была весна, а на другом осень. Казалось, чайка управляет движением льдины, знает весь её долгий путь по Онежскому озеру, через каналы, к Волге, мимо волжских городов, в Каспийское море, к побережью Ирана. Там стоят

осенние, в красном золоте сады, и в листве круглятся смуглые гранаты. К ним, к волшебным и сладким плодам, плывёт льдина, а чайка не птица, а заколдованный иранский поэт Саади.

Льдина проплывала мимо того места, где в береговом граните были вырублены ступени, ведущие из воды на набережную, к Малому Эрмитажу. Туда, где находилось чугунное крыльцо, и на этом знакомом любимом крыльце — о боже! — стояла его возлюбленная Таня. Та, которую обожал, на одно мгновение расстался, чтобы потерять на целую жизнь. Но теперь, слава богу, кончилась разлука. Она стояла на крыльце, её чёрные со стеклянным отливом волосы раздувал ветер, белое, чуть скуластое лицо с алым свежим румянцем было любимое, ненаглядное. Губы, пунцовые, слегка заострённые к уголкам, улыбались. А глаза были цвета невиской воды, в которой плавилась золотая игла. Он шёл к ней полвека, выбредая из воды, и льдина с чайкой удалялась к Троицкому мосту.

— Ты знаешь, кто эта чайка, что тебя привела? — спросила она.

— Это иранский поэт Саади, ему захотелось выпить пиалу гранатового сока.

— Ты ошибаешься. Это граф Милорадович. Он столько раз приплывал на льдине, утешая меня. Ведь это он нас с тобой познакомил.

— Расскажи, как это случилось, — он предвкушал услышать эту повесть, которую столько раз вспоминал в разлуке.

— Лучше расскажи ты. Каждый раз ты добавляешь всё новые и новые подробности. Как в русской сказке.

— Это и есть русская сказка. О царевне и сером волке. Волк рыскал, рыскал и пришёл к царевне.

— Ты помнишь, как мы встретились в Эрмитаже?

— Это было у золотого павлина. Ты куда-то торопилась, и я остановил тебя, и испугался, что ты пройдёшь мимо.

— И о чём ты меня спросил?

— Я спросил, где здесь «у русского царя в чертогах есть палата. Она не золотом, не серебром богата». Я хотел посмотреть галерею Героев двенадцатого года. И ты взялась меня проводить.

— Мне понравилось, как ты прочитал этот пушкинский стих. И мне захотелось показать тебе галерею.

— Мы шли великолепными залами, Эрмитаж сиял своей волшебной красотой, и мне казалось, что это сияние исходит от тебя. Помню, как мы шли итальянскими залами и остановились перед «Георгием Победоносцем» Рафаэля, и ты пошутила, что Георгий чем-то похож на меня.

— Подожди, о чем ты? Этой картины нет в Эрмитаже, она в Лувре, в Париже.

— В самом деле? А мне казалось, что мы стояли перед ней. А какой чудесный был Джорджоне, «Спящая Венера». У неё была таинственная лунная улыбка, и я подумал, она видит во сне нас с тобой.

— Может, мы в самом деле приснились друг другу? И этот сон продолжается? Но Венеры нет в Эрмитаже. Она в Дрездене.

— А какой великолепный Веласкес «Взятие Бреды». Одна из бесчисленных войн, память о которой сохранилась благодаря художнику. Мне это так знакомо.

— «Взятие Бреды» висит в Мадриде, в Прадо. Похоже, ты и впрямь видел сны.

— Мне сказали, что я проспал всю мою жизнь, и впереди пробуждение. Неужели мне приснился Рембрандт «Ночной патруль», и я слушал твою маленькую лекцию о голландцах?

— Да, это был твой сон. «Ночной патруль» висит в Амстердаме.

— Подожди, а «малые голландцы»? Вся эта морская снедь, прямо из рыболовных сетей? Эта болотная и лесная дичь, селезни, глухари, куропатки? Мне так нравилось их рассматривать.

— Да, это было. Мы стояли перед картинами с живностью, и ты сказал: здесь такое обилие, что можно всё это вынести на Дворцовую площадь и город утонит в тунцах, кальмарах и крабах.

— А как прекрасны импрессионисты! «Подсолнухи» Ван Гога пахли мёдом. «Бульвар Монмартр в дождливую погоду» Писсаро, — слышишь скрип экипажей на блестящей мостовой. «Завтрак на траве» Моне, — столько солнца, такое благоухание трав!

— Все эти картины не у нас. В Амстердаме, Лондоне, Москве. Ты их видел не со мной, а с другой. Пока мы не виделись, у тебя была другая женщина?

— Только ты, любимая, ненаглядная.

— А теперь расскажу тебе я. Мы пришли, наконец, в галерею Героев. Ты долго рассматривал портреты и сказал, что это ковчег русской славы. Один портрет был без подписи, и ты спросил: «Кто этот красавец в шляпе?» И я сказала: «Граф Милорадович». И ты сказал: «Великолепная шляпа».

— Да, великолепная шляпа. Теперь она у офицера американского военно-морского флота.

— Это снова твой сон?

— Я просто немного устал. Давай посидим где-нибудь.

Они сидели в кафе на Невском, в том самом, куда он приходил утром прямо с вокзала, после бессонной ночи в вагоне, среди тревожных мечтаний, ожидая появления зимнего города в туманном золоте, в заиндевевших колоннах, и среди этого божественного города его любимая ненаглядная Таня.

Кафе не изменилось с тех пор. Такие же утлые столики, неказистые стены, на которых висит

какое-то фарфоровое блюдо. Всё тот же официант с копной белёсых волос, которого она назвала Лелем, уж больно синие были у него глаза. Он поставил перед ними бутылку мукузани, помня, что именно это терпкое красное вино им по вкусу. И тарелочку с мелко нарезанным густо запечённым мясом. На низкой эстраде раскрывал фортепьяно пианист в жилетке с болезненным усталым лицом. Второй музыкант с южными жгучими глазами доставал из футляра скрипку. Всё было, как тогда, неизменно. Кто-то бережно сохранил для них каждую мелочь.

— Как мне нравится, что ты пьёшь это вино. После него у тебя темнеют губы, и я так люблю целовать твои потемнелые винные губы, — он смотрел, как она держит двумя руками бокал, какие чудесные длинные у неё пальцы, как смотрят на него через край бокала её чуть раскосые глаза, как убывает вино в бокале.

— Скажи, как вышло, что мы разлучились? — спросила она. — Для чего мы провели все эти годы порознь? Какая злая воля нас с тобой развела?

— Не могу объяснить. Сам гадаю. Тогда, ты помнишь, был ноябрь. Я приехал к тебе на праздник, какая-то годовщина Революции. Был уже вечер. Мы шли с тобой по Литейному, и ты куталась в свой меховой воротник. Я целовал твои потемневшие от вина губы и чувствовал аромат твоих духов и тёплый запах меха. На домах в сумерках краснели какие-то огромные римские цифры, мигали редкие гирлянды лампочек, на ветру на фасадах шевелились портреты. И я сказал, что они живые и что-то хотят нам сказать.

— Ты захотел посмотреть ту церковь, с оградой из трофейных турецких пушек. Помню, какое холодное железо было у этих пушек. Они выпили из меня всё тепло.

— Ты сняла свой шёлковый шарф, накинула мне на глаза, и я смотрел, как светит сквозь шёлк фонарь, окружённый лёгкими радугами.

— Потом, когда тебя уже не было, я подходила к этому фонарю и смотрела сквозь шарф на радугу, вспоминая нашу прогулку.

— Мы вышли на набережную. Какой пронзительный ветер дул с Невы, какая чёрная была вода! Ты сказала, что в этой воде исчезает всё, даже отражение. И правда, в ней не отражались огни, не отражалась золотая игла, не отражался мост. Ночная вода всё поглотила.

— С тех пор я боюсь этой осенней невской воды. С той самой нашей прогулки.

— Мы прошли мимо Зимнего дворца и поднялись на мост. Здесь ветер был особенно резок. Казалось, он сносил случайных прохожих, и они исчезали бесследно. Где-то над Пушкинским домом горели эти красные римские цифры. А внизу на реке,

на рейде стояли приплывшие из Кронштадта эсминцы и подводная лодка. Они были украшены гирляндами из ламп, и казалось, на чёрной воде были выложены бриллиантами их контуры.

— Помню эти страшные белые бриллианты на чёрной воде.

— Я смотрел на корабли, держась за ограду моста. Мне показалось, что ты стала уходить, и тебя вот-вот снесёт ветер. Я поспешил за тобой. Ты прибавила шаг. Я почти бежал за женщиной, она от меня убегала. Когда я её догнал, и она оглянулась, я увидел, что это старуха. Просто у неё был такой же, как у тебя, воротник. Я кинулся обратно, к тебе. Но тебя уже не было. Ни на мосту, ни на Невском, ни на Литейном, где ты жила. Словно ты канула в эту страшную чёрную воду, на которой жутко горели белоснежные бриллианты, вычерчивали контуры эсминца и подводной лодки. С тех пор я больше тебя не видел.

Они молчали, и он боялся тронуть лежащую на столе её прекрасную руку.

Музыканты на эстраде приготовились играть. Она посмотрела на скрипача, тронувшего скрипку смычком, на пианиста в жилетке, потиравшего запястье.

— Знаешь, что они станут играть? — спросила она.

— Знаю. «Утомлённое солнце». Они играли это, когда мы впервые сюда пришли.

И те заиграли «Утомлённое солнце», сладостное, тягучее, как мёд, сентиментальное, наивное в своих любовных вздыханиях. Он поднялся, обнял её, и они медленно закружили. Кроме них никого не было, и музыканты играли только для них. Кружась, он видел, как улыбается ему, кивает пианист, как встряхивает своими итальянскими волосами скрипач. Официант замер у стойки и смотрел своими васильковыми глазами. Проплывает стена с фарфоровой тарелкой, окно, где туманилась громада Казанского собора. Её рука на его плече, так знакомо пахнут её духи, и в этом медленном кружении, в водовороте прожитых лет проплывают страны, города, зелёные воды океанов, тропические ливни, запах горелой брони, бесчисленные лица, красные от солнца, блестящие от пота, смертельно бескровные, и боль, и тоска, и умиление, и желание понять и описать этот мир, в котором он оказался, кружит под медовый напев с любимой женщиной, приближаясь к туманному краю, за которым грядёт пробуждение.

— У тебя были другие женщины? Ты их любил?

— Мне всё время чудилась ты. Внезапное сходство с тобой, и я бросался вдогонку, и каждый раз был обманут. Как тогда, на мосту.

— Расскажи о женщинах, которые напоминали меня.

2

— Они появлялись, как наваждение, как сон. И исчезали. Теперь я не знаю, существовали они на самом деле, или это были сны. Каждая женщина была сном о тебе.

— Расскажи о своих снах.

— В Лондоне, в Гайд-парке, я лежал на траве, а мимо на лошадях проехали женщина и её кавалер. Она мимолетно на меня взглянула, и я увидел тебя. Она заметила мой испуг и мое восхищение. Вечером в отеле «Дорчестер» я снова увидел её. Мы прожили вместе три дня, пока её не унёс ветер за Темзу через мост Ватерлоо.

— Кто ещё?

— В Сан-Паоло, в ночном кабаре, они вылетали, как волшебные птицы, с павлиньими хвостами, жемчужными коронами, в ослепительной наготе. Я был пьян, сидел в переднем ряду. Ветер их танца, их плещущих рук и взлетающих ног долетал до меня. Вдруг мне померещился запах твоих духов, и той танцовщице, от которой дохнуло тобой, я подарил букет роз.

— Ты мне тоже однажды подарил букет роз. Я положила его на снег. Алые розы на белом снегу.

— Тебе неприятны мои рассказы?

— Нет, говори.

— В Белграде мы стояли на мосту через Савву. Была Пасха, повсюду цвели вишни. Американские крылатые ракеты взрывали дома. Все ждали, что они взорвут мост, и тысячи сербов вышли на мост и встали живым щитом. Мы пели сербские песни, и эту знаменитую: «Тамо далеко, далеко». Рядом со мной пела женщина с такими же чёрно-стеклянными волосами, как у тебя. В эту ночь мы были с ней вместе и слышали, как в районе аэропорта рвутся ракеты.

— Как её звали?

— Таня.

— А кто ещё был?

— Под Кандагаром, в кишлаке Таджикиан меня оглушило фугасом. Пропало зрение. Я лежал с повязкой на глазах и диктовал мою книгу сиделке. Я надиктовал ей целую книгу, о боях в городах, о рейдах в пустыне, о войсковых операциях в Панджшере, о разрушении Мусакалы, когда артиллерия сметала мечети, рынки, дувалы, и раненные собаки бежали мимо блокпостов, заливая раны. Должно быть, я насмотрелся такого, что отказали глаза. Но потом зрение вернулось. Когда я хотел разглядеть мою благодетельницу, её уже не было. Только оставила на память колечко.

Он умолк. Музыканты снова играли, приглашая их танцевать. Но они не танцевали, а пили вино. Он больше не рассказывал ей о женщинах, в которых видел её. О лётчице-никарагуанке со шрамом на смуглой щеке. Они лежали на вилле в гамаке,

глядя на светлячков. О чернокожей переводчице в Анголе, с которой сидели на берегу лагуны, глядя, как из воды выскакивают огромные белые тунцы и падают в воду хвостами вниз. В номере кондиционер не работал, и её тело стало влажным, как маслина.

— Ты не был женат?

— Был.

— На ком?

— На тебе. У моей жены были чёрные волосы со стеклянным отливом. Она была широколица, и на её белых щеках горел румянец. У нее были пунцовые губы, чуть заострённые в уголках. Мы родили троих детей. Дочь родилась в апреле, когда начинали зеленеть деревья, и бабушка перед смертью приехала посмотреть на младенца. Родили сына в декабрьские метели, собралась вся родня, и мы решили назвать его в память одного из дедов, который ушел с белой армией и умер бездетным в Америке. Второй сын родился в летнюю пору, мы с женой увезли его на дачу, где в палисаднике цвёл жасмин, и в детскую коляску, где спал сын, осыпались лепестки жасмина. Мы назвали его в честь моего погибшего под Сталинградом отца.

— У меня не было от тебя детей, — сказала она. — За тебя, — она допила вино, поднимаясь.

Петербург был в красной, коричнево-ржавой листве своих скверов, среди которых, обрызганные дождем, белели обнажённые богини, и в чёрной воде каналов вяло текли опавшие листья, и дрожало ветряное отражение дворцов. Они шли вдоль Фонтанки, по неровным каменным плитам, глядя, как плывут по реке трамвайчики, пустые, без туристов, предпочитавших речным прогулкам музеи, театры и рестораны.

— Хочешь, поплывём? — спросила она. — И ты мне скажешь: «Мы плывём по отражению дворцов».

— А ты мне ответишь: «Мы и сами с тобой отражения».

По каменным ступенькам они спустились к причалу, где стоял трамвайчик, безлюдный, с пустым салоном и голой, обрызганной дождём палубой. Они уселись на палубе, и молчаливый юнга принёс им два тёплых пледа. Отмотал от причала канат, и трамвайчик поплыл.

Они прижались друг к другу, укутанные в пледы. Ветер дул в их лица, брызгал редкими каплями, и пахло холодными водами, каменными мостами, чугунными оградами и горькими, увядающими на берегах скверами.

— Ты полвека прожил без меня. Неужели не хотелось вернуться к этим каналам? К белым львам, которые тянут к тебе свои каменные лапы? К отражению фонарей, что колышутся в маслянистой воде? Что ты делал все эти годы, покуда я старилась

***Ты полвека прожил без меня.
Неужели не хотелось вернуться
к этим каналам? К белым львам,
которые тянут к тебе свои
каменные лапы? К отражению
фонарей, что колышутся
в маслянистой воде? Что ты делал
все эти годы, покуда я старилась
и ждала тебя? Какие там были
сокровища, волшебные страны,
упоительные женщины, что ты
забыл обо мне?***

и ждала тебя? Какие там были сокровища, волшебные страны, упоительные женщины, что ты забыл обо мне? Расскажи, как ты жил?

— Боюсь тебя утомить. Боюсь тебя огорчить. Начну рассказывать, и выйдет, что я только и делал, что воевал. Разве тебе интересно?

— Расскажи, где ты воевал.

А в нём проснулось внезапное страстное желание высказаться, исповедаться, быть услышанным, когда все последние годы в нём была немота, а вокруг тишина, без друзей и любимых. Одиночество задержавшегося на земле старика, за которым уныло тянется шлейф его угасающей жизни. Кончится жизнь, и исчезнут без следа все войны, мятежи, людские мечтанья и страсти, лукавство мнимых героев, сиротство народных витий. И некому будет поведать, как громыхала колонна сандинистской пехоты, перебрасывая артиллерию в сельву, и он стоял у цветущего куста на окраине Пуэрто Кабесас, глядя, как на цветы садятся нежные чёрно-золотые бабочки. Кому он об этом расскажет?

И теперь, когда по тёмной воде плывут отражения дворцов и любимая, ненаглядная держит под пледом его холодную руку, он станет рассказывать, завещая ей обесцененный клад своей прожитой жизни.

Тот мокрый снег на Уссури с красными рытинами, в которых лежали убитые пограничники, и их выволакивали, привязав к ногам телефонный провод, тела шуршали по снегу, а в продырявленном лбу китайца краснел кусок льда, и ветер трепал мех его собачьей шапки. Жаркая пыль Джунгарских ворот, серый пепел казахской степи, по которой шли бэтээры, посылая на сопку колючие трассы, и он шёл по следам атаки, переступая кровавый бинт, оброненный рожок, кольцо от гранаты, и солдаты

смывали кровь в зелёном, с соляной белой кромкой озере.. Фиолетовые, алые, золотые вершины хребта, куда уходил спецназ Кандагара, на броне лежал убитый афганец, и его трясло на ухабах. Вертолёты пикировали на гончарный район Герата, выпуская чёрные стрелы, и казалось, над городом, где рвались снаряды, встают курчавые великаны, и в капельницах лазарета блестело сухое солнце.

Они плыли по чёрной воде, на которой трепетал огромный цветной витраж. Кораблик раздвигал пляшущие цветные осколки, и когда он поднял глаза, увидел храм в изразцах и мозаиках, там, где убили царя. Он продолжал свой рассказ, но рассказ его был бессловесный, только на его холодной руке лежали ее тёплые пальцы.

То пустое шоссе под Лубанго, окружённое африканскими джунглями. С одной травяной обочины на другую ползёт несметное стадо жуков, спасаясь от бушующих в джунглях пожаров. По трассе, давя жуков, хлюпая и хрустя, промчалась машина, оставляя мокрую колею, которая тут же смыкается, наполняясь жуками. Вслед машине на брёвном, жужжа моторами, пролетел тихоходный бомбардировщик «Импала», раздался далёкий взрыв. Когда он подъехал, увидел разбитую бомбой машину и лежащего на асфальте Питера Наниембо, чёрного, с огромной косой бородой, похожего на Льва Толстого. Или в том же году в Мозамбике, когда с кубинцами искал аэродром подскока, куда садились лёгкие самолёты ЮАР. Он ждал кубинцев в одиноком отеле «Дон Карлос» на берегу океана, где стоял маяк, крутивший в сумерках своё неутомимое зеркало, и каждый поворот вычерпывал из души потаённые силы жизни и выплескивал в океан, в сумрак чужих пространств, и он лежал и плакал.

Они проплывали янтарно-жёлтый дворец с белой колоннадой, великолепный, праздничный, и казалось, под колонны начнут подъезжать экипажи, и прекрасные дамы, поддерживая кринолины, будут выпархивать, сбрасывая меховые шубки на руки лакеев. Отражение дворца, по мере приближения кораблика, начинало колыхаться, расплылось, превращаясь в яичный желток и белок. Медленно собиралось, когда удалился кораблик

Истрелянный пулями Будда, в красной хламиде с золочёной застежкой. Рядом убитый буйвол, разбухший на солнце, с ленивыми зелёными мухами. Он сидит на трофейном транспортёре, отбитом у американцев, вьетнамский радист с искусанными москитами лицом управляет огнём артиллерии, по обочине, уходя от боёв, бредут кампучийцы, несут на носилках бессильного бонзу.

А пожар в Коринто, когда плавились и сминались от жара цистерны с горючим. А бой катеров в заливе Фонсека, когда гондурасский катер уходил

от погони, отстреливаясь, и летучие рыбы вылетали из воды блестящими стайками, падали на горячую палубу, как хрустальные блёстки, и тут же высыхали. А госпиталь в Чинандеге, где он ночевал после проводов отряда, уносившего через границу мешки с оружием для повстанцев Сальвадора, и медсестра, забыл её имя, пришла к нему ночью в палату. А бой у Сан-Педро дель Норте, когда контраст переходили ручей по синим цветам, и милисианос Ларгоэспаде всё не мог зарядить своё старомодное ружье. Его никарагуанский поход, после которого он заболел лихорадкой и его лечили по кубинской методике, так что останавливалось сердце.

Они проплывали под низкими мостами, сырые своды накрывали их тенью, а потом светлело, дул ветер, сносил из Летнего сада листву, и жёлтый липовый лист упал на их плед, минуту держался, а потом его сдуло в воду.

Пятая эскадра в Средиземном море, когда ходил на кораблях у Северной Африки, и туманная железная гора авианосца, самолёты сбрасывают в море буи, гоняют подводную лодку, и он на корабле радиолокационной разведки дрейфует у ливанского берега, где в долине Бекаа идут бои. Израильские самолёты взлетают из Хайфы, идут над морем на бреющем, взмывая в районе Бейрута, где их встречают зенитно-ракетные полки, сбитые самолёты падают в цветущие сады Бекаа. В секторе Газа он укрывался в подвалах от израильских ракет, когда танки с жёлтыми звездами утюжили жилые кварталы и отряды «Хамаса» отвечали сотнями реактивных «Касамов». Он посадил в окрестностях Газы оливу, и нежное деревце тянуло ввысь свои хрупкие ветки, словно взывало о мире. На сирийском фронте, под Холмсом, он обменялся крестами с молодым пехотинцем, и теперь перед сном целует алюминиевый крестик, молясь, чтоб солдата пощадили осколки и пули.

Кораблик плутал в узких руслах петербургских рек и каналов, стиснутых набережными. Скользнул в Канавку. И открылась Нева в широте, холоде, блеске, с повисшими в тумане мостами, серебряным слитком на водах, над которым вились чайки. Волна застучала о днище, капли тяжёлой воды залетали на палубу, ветер стал срывать с них плед, и она удержала его. «Аврора» в грозной стальной красоте, изумрудный Зимний дворец, смуглые особняки в строгом имперском величии, — всё было прекрасно. Некоторое время он не вспоминал, а любовался Невой и дворцами.

— Прижмись ко мне, — попросил он и обнял её, почувствовав её живую прелесть. — Рассказывать дальше?

— Да.

И он снова продолжил бессловесную исповедь.

Две чеченских войны, когда танк бегал по жидкому полю, проваливаясь по башню, и за Сунджей стреляли, повсюду лежали трупы, дворец Дудаева был похож на жуткую вафлю, изгрызенный взрывами, и на крыше, прокопчённый и рваный, трепетал Андреевский стяг. Вторая чеченская, когда вдоль Сунджи валялись обломки саней, истерзанная пулемётами рухлядь, недвижимые трупы, словно прошёл чудовищный мусоровоз, вывалил нечистоты. Война в Карабахе, когда самолёт в Гяндже был обстрелян снайпером, летели трассеры, и он пошутил, сказав, что пилот выбросил из кабины окурки. Война в Приднестровье, где катил вдоль Днестра уродливый, как бегемот, КамАЗ, увешанный бронеплитами, из которых торчал пулемёт. И война в Донбассе, когда в пшенице горели украинские танки, и на утро хоронили пятерых ополченцев.

— Ты не замерзла? — спросил он.

— Нет, — отвечала она.

— Теперь ты знаешь, как я жил без тебя.

— Ты не жил, — сказала она.

Кораблик причалил к пристани, и они ступили на берег.

Её комната с ковром на стене, знакомые вазы с синими журавлями, милая фарфоровая статуэтка пастушки, и он жадно, слепо обнимает её, задыхается от счастья, не веря чуду, о котором столько мечтал.

Её голое плечо, которое она отвела, пугаясь его поцелуев. Её тёплая душистая грудь, к которой он припадает губами, глазами, всем своим горячим дыханием. Её дышащий живот, который пугается его нетерпеливых прикосновений. Её бёдра, колени, которые она сжимает, и он, закрыв глаза, ласкает её и целует, и она чуть слышно говорит:

— Ну остановись! Мы так долго не были вместе!

Ковёр на стене начинает гореть текинским узором. Журавли на вазе машут синими крыльями. Её закрытые веки дрожат, а губы отталкивают его губы, чтобы не задохнуться. И такое счастье, такая боль, такое падение в блеск, в свет, в озарение, в котором всё плавится, исчезает, будто кончилась жизнь. И где-то уходит вдаль утомлённая колонна пехоты, и стеклянная рыбка летит над волной, и меркнет над ночным кишлаком осветительная жёлтая бомба. Медленное возвращение в сумрак знакомой комнаты. Ковёр с малиновым узором, журавли на вазе, и её белый приподнятый локоть, до которого не достать.

— Кончены мои странствия. Я больше никуда не уеду. Останусь с тобой навсегда.

— Ты обещаешь?

— У нас будет семья. Мы родим сына. У него будет такая же белая кожа, как у тебя, и такой же алый румянец.

— И как же мы будем жить?

— Я столько всего повидал, что мне хватит воспоминаний на всю остальную жизнь. Буду рассказывать сыну о моих путешествиях.

— Но там были одни только войны.

— О нет. Там были прекрасные города и благородные люди. Там были знаменитые музеи и несравненные картины. Там были океаны, хребты, божественные цветы. Там была чудесная деревня, где я жил в молодые годы, когда работал лесником и сажал леса. Я повезу тебя в эту деревню, и тётя Поля научит тебя плести половики, и споёт свою любимую песню «В островах охотник». Я поведу тебя и сына в лес, который в молодости посадил. Там теперь огромные сосны и ели. На них живут птицы и белки. У корней растут ягоды и грибы. И мой сын будет знать, что я посадил этот лес, и будет его называть «Отец Лес».

Они лежали, фантазировали. Она тихо смеялась, клала руку ему на лоб, словно хотела угадать его мысли. Сказала:

— Пойдём погуляем, Я хочу тебе что-то показать.

Они вышли из дома. Погода за эти часы ухудшилась, будто надвинулась зима. Дул ледяной ветер, временами брызгал тяжёлый дождь. На улице было безлюдно. Они прошли мимо церкви с оградой из трофейных турецких пушек. Он хотел было к ней подойти, тронуть холодные пушки, но отложил до другой прогулки.

Они вышли на набережную, и Нева была чёрная, жестокая. Казалось, у этой чёрной реки нет ни устья, ни истока, а только угрюмое безмолвное течение, в котором исчезает земное тепло.

Ему вдруг стало тревожно, больно. Он обнял её, и она прижалась к нему. Они подходили к Дворцо-

вому мосту, тускло светились Ростральные колонны, и над крышами Васильевского острова краснели какие-то римские цифры, вокруг которых было рубиновое зарево. На фасаде Зимнего дворца висели огромные, нарисованные на полотне портреты. Ветер дул на них, они шевелились, у них двигались щеки, губы, носы. Ему стало тоскливо. Грудь заболела от дурного предчувствия, от неизбежного близкого горя.

Они поднялись на мост, и внизу, на чёрной Неве, стояли пришедшие из Кронштадта эсминцы и подводная лодка. На обоих висели гирлянды из лампочек. Самих кораблей не было видно, а только их контуры, прочерченные в черноте бриллиантами.

Они остановились на ветру, глядя на белоснежные бриллианты.

— Я хотела тебе сказать, — произнесла она. — Я выхожу замуж, и больше мы с тобой не увидимся.

Он не мог вскрикнуть, такая была боль. Не мог вымолвить слова. Потянулся к ней, желая взять её за руку. Но она ускользнула, пошла по мосту, всё быстрее и быстрее. Он бросился её догонять. Она убегала. Он догнал её, остановил:

— погоди!

Заглянул в лицо. Но это была другая женщина, измождённая, старая, в каком-то рваном чепце. Она ударила его по рукам и сказала:

— У меня же дети! — и пошла от него.

Он бросился обратно, чтобы увидеть свою ненаглядную. Но её не было. Дул ветер. Краснели над Васильевским островом какие-то красные римские цифры, и на чёрном бархате были выложены бриллиантами контуры боевых кораблей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич бродил по ночному городу, который отнял у него любимую женщину, как он отнимал их во все века, и пропавшие женщины были замурованы в фасады доходных домов, в колоннады дворцов, в монолиты храмов и зывали безгласно.

Он заметил, что в городе происходит движение. В темноте появлялись люди, молча торопились все в одну сторону, сутулясь, закрывая лица воротниками пальто и плащей. Они выходили из подъездов, из чёрных подворотен, по одному, по двое, небольшими группами, и устремлялись к невидимой цели. Попадая на улицу, начинали спешить, словно

их подхватывал ветер. Николай Николаевич, повинувшись этому общему стремлению, пошёл в ту же сторону, обгоняемый торопливыми прохожими. Ему казалось, что он узнаёт некоторых, но не был уверен, что правильно угадал в темноте. Так, он увидел Александра Блока в мягкой шляпе, которую тот придерживал, мешая ветру её сорвать. Рядом с ним шли два матроса в бушлатах и бескозырках, и Николай Николаевич не мог понять, куда делись остальные десять, и где Христос в венчике из роз, хотя ветер был налицо и в подворотне лаял голодный пёс. Ему померещилось, что он узнал генерала Макашова с его характерным кавказским носом

и колючими усами. Генерал был в берете, и золотые погоны его изредка вспыхивали, когда он проходил под фонарями. Прошли студенты горного института в форме, которые несли какие-то длинные свёртки. Стайка барышень с Бестужевских курсов торопилась, постукивая каблучками, и среди них его бабушка, которая с археологами копала Помпеи, а потом долго томила в сибирской ссылке. Прошли солдаты в долгополых шинелях, неся на плечах винтовки, у которых не было стволов, а только одни приклады. Прокатил рикша, перебирая мускулистыми босыми ногами, и в коляске, задумчивый, сидел поэт Агнiewicz, чьи стихи так любила мама, особенно о «даме петербургской». Рикша мешал четырём камергерам, не давая пройти. Их долгополые, шитые золотом сюртуки, красные шёлковые ленты через плечо, лучистые ордена и кресты, степенные утомлённые лица были узнаваемы. Они вышли из картины Репина «Государственный совет». Все четверо, ухватив верёвки, несли аэростат, который вяло колыхался.

Николай Николаевич ждал, что вот-вот он увидит свою ненаглядную, её лицо с румянцем, её развеянные ветром волосы, но, погнавшись за женщиной, в которой ему померещилась Таня, скоро понял, что ошибся. Эта была Ольга Берггольц, и её догнал, взял под руку офицер, при этом строго посмотрел на Николая Николаевича.

Люди выходили из домов, наполняли улицы, сливались в торопливую шаркающую по асфальту толпу, и все шли в одну сторону, молча, стараясь не опоздать на какое-то неведомое действо. Николай Николаевич шёл вместе со всеми, торопился на это неведомое действо, радуясь, что он не один, не покинут в угрюмом городе, и он обрадовался, увидев в толпе Ксению Собчак в норковой шубке, которая на ходу мазала смягчающим кремом своё большое некрасивое лицо, уступая дорогу двум ремесленникам в кожаных фартуках и картузах.

Общее движение вынесло его на Исаакиевскую площадь, которая кишела народом. Дул ледяной ветер, под редкими фонарями пролетал снег, окна «Астории» занавешивала пурга. Николая Николаевича не удивляла эта быстрая смена времён года, потому что Петербург был городом быстрых перемен. Утром на Васильевском острове Николай Николаевич видел зацветающие каштаны, вечером в осеннем золоте благоухал палой листвой Летний сад, а ночью в морозном тумане золотился купол Исаакия, и мошки, облепившие огромное золотое яйцо, казалось, зябко шевелятся на морозе.

Конная статуя Николая Первого была покрыта инеем, будто конь и царь, испугавшись чего-то, поселились одновременно.

Площадь двигалась, шумела, раздавались возгласы, музыка, молитвенные рыдания. Николай

Николай Николаевич прислушивался. Там бранили Временное правительство, называя князя Львова «вшивым котом».

В другом месте сообщалось, что на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС перекрыт Енисей.

Какой-то крестьянин, по виду середняк, вопрошал: «Нет, а ты видал, какие у его зенки под очками? Тараканьи!» И было ясно, что речь шла о Троцком.

Николаевич, занесённый в толпу, двигался в водовороты, стараясь понять, зачем в ночи собралось столько людей.

Агитаторы раздавали листовки, совали в руки газету «Искра», а также журналы «Огонёк» и «Собеседник», уверяя, что в них можно прочитать сценарий фильма «Матильда» и опровержение, сделанное царским двором. У костра, в котором сгорали остатки рекламы, зовущие на концерт матерщинника Шнура, грелись солдаты, вернувшиеся с Японской войны, бродил адмирал Макаров с заснеженной бородой, умоляя каждого встречного: «Помни о войне!» Группа комсомолок в красных косынках с короткими стрижками подсвечивала фонариками асфальт, на котором танцевала Майя Плисецкая, в пуантах и прозрачной пачке. Она кружилась, воздев руку, и хмельной казак в лампасах притоптывал, разглаживал усы, приговаривая: «Любо!» При этом Родион Щедрин находился на другом конце площади и покупал у закутанной в шаль бабы подсолнечные семечки.

Николай Николаевич прислушивался. Там бранили Временное правительство, называя князя Львова «вшивым котом». В другом месте сообщалось, что на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС перекрыт Енисей.

Какой-то крестьянин, по виду середняк, вопрошал: «Нет, а ты видал, какие у его зенки под очками? Тараканьи!» И было ясно, что речь шла о Троцком. Рабочий-путиловец вразумлял: «Ежели всем народом навалиться, толк будет. А поодиночке тьфу! Один конфуз!» Какой-то блаженный, вернувшийся из дальнего богомолья, рассказывал о своём вещем сне: «Подходит ко мне государь император и целует. И я чувствую, что и я стал помазанник. То есть на престоле».

1

Николай Николаевич заметил многих из тех, кто участвовал в недавнем сражении на крышах Фонтанки. Здесь были участники военно-исторических клубов, любители русской кухни, члены кружка «Сделай сам», волонтеры из общества защиты животных, рыболовы, птицеловы, дельтапланеристы. Был и тот странный человек с длинной свалывшейся бородой, который иногда на неё наступал и спотыкался. Были здесь русофобы, геи, клептоманы, свидетели Иеговы. Был и Александр Глебович Невзоров, как всегда на ходулях. Он наклонялся, чтобы прикурить свою неизменную трубку. В этом ему способствовал Лавр Песнопевец, который высекал искры огнем. Александр Глебович всасывал эти искры в трубку, но та не раскуривалась, хотя загрибок у Александра Глебовича начинал дымиться.

Николай Николаевич видел, как у статуи Николая Первого воздвигают трибуну, прямо под хвостом коня. Над ней уже развеваются плакаты с лозунгами «Царь-батюшка, дай хлеба, иначе отнюдь!», «Лучше меньше, да меньше, чем больше да больше, отцы!». Слышались вальс «На сопках Манчжурии», «Канн Андрея Критского» и песни октябрят про флажки.

Николай Николаевич знал, что так полагается, что в этом Замысел Божий, и ему предстоит выпить полную русскую чашу, которую сколько ни пей, она всегда будет полной.

На трибуну, под хвост царского коня взобрался нервный человек в сбитом картузе, коротком тулупчике, с красным то ли от ветра, то ли от самонадеянности лицом:

— А ежели не понять, то в каком роде, я вас спрошу? Ежели ты царь, то цари, а ежели ты баба, то бабь. Вот и выходит, что мыла много, а дела нет! Меня хошь как бей, а я все одно гулять буду! Потому что воля, один мужик сказал, слаще, чем неволя! Хрен вам всем на обед!

Он соскочил с трибуны в толпу, и стоящий в первых рядах человек, без шапки, с синей шишкой на черепе, крутил головой:

— Ну молодца! Уж ты молодца!

На трибуну взойшёл профессорского вида интеллигент в «пирожке», в пальто с бобровым воротником, с печальными усами. Стянул «пирожок», под которым обнаружилась профессорская шапочка:

— Нам, русским, в который раз приходится выбирать между обыденностью и непорочным зачатием! В каждом русском зерне дремлет будущее, а если будущее, спрошу я вас, ужасно? Будем ли мы сеять это зерно? Это вопрос к юрисдикции! — Дунул ветер, наполнил его рот комком ледяного воздуха, и профессор захлебнулся, пытался проглотить воздух, в котором клубились произнесенные слова.

— Кто ты таков? — спросил его человек с синей шишкой, когда профессор покидал трибуну.

— Я Иван Ильин, — был ответ. И человек с шишкой радостно повторял:

— Ну молодца! Ну ты молодца!

На трибуне, под хвостом императорского коня, появился инородец, в тощем пальто, замусоленном шарфе, в пенсне, с колючей бородкой:

— «Черта оседлости» есть та черта, за которой у России начнётся другая судьба! Будут погоны, а потом их не будет, а потом опять они будут, а потом их не будет! Моя бабушка Роза встречалась в Лондоне с большими людьми. Спросила, будем ли по субботам работать? Они только качали головами. От попов весь опиум и дурман!

Николай Николаевич видел, как у царского коня напрягся хвост, слегка приподнялся, и на голову оратора вывалилось несколько окутанных паром яблок. Оратор, опасливо глядя вверх, убрался с трибуны, а человек с шишкой блаженствовал:

— Ну молодца! Ей-богу, молодца!

Николая Николаевича подвигало всё ближе к трибуне. Он упирался, хотел укрыться в толпе, но его неуклонно двигала незримая сила, будто там, под хвостом коня, существовал незримый магнит, влекущий Николая Николаевича.

Четыре камергера с аэростатом хотели одновременно влезть на трибуны, но не поместились, и их удалили. Стахановец, прихватив на трибуну отбойный молоток, дважды прострекотал им в воздухе и покинул трибуну, ничего не сказав. Генерал Тухачевский поднялся под хвост коня и начал говорить что-то про лоскутное одеяло и палача, где «Шелками вышита роза». Ему не дали закончить мысль и увели на расстрел.

Николая Николаевича водоворотом прибило к самой трибуне. Человек с синей шишкой показался ему знакомым. Это был директор Эрмитажа Пиотровский, у которого в отделе знамен работала его ненаглядная Таня. Николай Николаевич хотел было спросить Пиотровского, не известна ли судьба его суженой, не связано ли её исчезновение с эмиграцией. Но чьи-то сильные руки, отбросив отбойный молоток, подхватили его и вознесли на трибуну.

Ему открылась площадь, переполненная толпой. Транспаранты, флаги, иконы. Лица, лица, исполненные ожидания, ждущие от него новое Слово Жизни, о Русском чуде, о Русской мечте, о Царствии Небесном и о том, как он любит свою ненаглядную, как печалится, какие это сладкие русские слёзы, из которых берёт начало Нева, и Волга, и Енисей, и Амур, и все они являются притоками безымянной белой реки, на берегу которой поджидает его отец, убитый под Сталинградом.

Николая Николаевич задыхался от слёз, видел над собой ногу императора в стремени, которая ка-

чалась чернотой на фоне синеватого утреннего неба. Прижимая руку к сердцу, он обратился к народу:

О Господи, мне руку протяни,
Пускай не всю, пусть только малый кончик!
Я помню, как под липою в тени
Расцвёл в саду лиловый колокольчик.

Я ухожу. Я вам махну рукой.
Я вас любил, моих родных и милых.
Тебя прошу, мой не тревожь покой.
И не коси траву. Пусть зарастёт могила.

Весь в янтарях, скакал по снегу волк.
За ним следил мой взгляд живой и меткий.
Но я не вскинул воронёный ствол.
Вложил янтарь в ладонь еловой ветки.

Полоска синевы среди тяжёлых туч.
Печальная любовь, прощальная надежда.
Померкла синева, погас последний луч,
И мир облёкся в тёмные одежды.

Я посетил сей дом, где жил родной старик.
Написан ряд картин его забытой кистью.
На выцветшем холсте пылится женский лик,
И запах старых книг, как запах палых листьев.

Богомольные старушки
Все грехи мои прощали.
А обманщицы-кукушки
Лёгкой смерти обещали.

Я жил во сне от самого рожденья.
Гром пушек, смех и звоны хрусталя,
Всё было сном. Настало пробужденье.
Я слышу, как о гроб стучит земля.

Я прожил жизнь без почести и блеска.
И я уйду без плачей и речей.
Лишь шевельнётся тихо занавеска.
Лишь колыхнётся пламя у свечей.

Николай Николаевич почувствовал, как иссякли в нём силы. Кленовый лист, жёлтый, промороженный, прилетел из Летнего сада и запечатал ему уста. И он умолк, слыша исходящий от листа запах исчезнувшей осени и холод январского инея. Стоящий под трибуной мужик с синеватой шишкой, он же хранитель Эрмитажа Пиотровский, радостно мотал головой:

— Ну молодца, молодца!

Николай Николаевич смотрел, как наливается синевой заря, как сияет в синей январской заре золотой купол Исаакия, и не знал, откуда в нём эта

предсмертная тоска, и любовь. Он стоял с кленовым листом на губах, тихо его целуя.

— Идёт, идёт! — понеслось по толпе. — Слава богу, он с нами, наш отец!

Николай Николаевич еще на трибуне увидел, как в толпе появился священник. Большое тучное тело в чёрном подряснике, под которым круглился живот. Волнистая сине-чёрная борода, как у вавилонских царей. Влажные, навывкат глаза с яркими белками, в которых краснели рубиновые прожилки. Это был отец Константин из Кронштадта, это его восторженно славил народ. За ним, пробираясь в толпе, шёл дьякон, держа на древке тяжёлый крест. Следом псаломщик, неся гранёный фонарь с зажжённой свечёй. Богатырского вида прихожанин прижимал к груди Евангелие в золотом окладе. Несколько мальчиков, стриженных под горшок, старательно ступали с иконами Спаса, Богородицы и Святых. Все они с трудом продвигались в толпе. Люди, расступаясь, тут же выстраивались, образуя процессию.

За духовенством ковыляло несколько инвалидов на костылях, вернувшихся с Японской, Германской, Гражданской и Отечественной. А также несколько ветеранов с неизвестных войн в Египте, Сирии и Корее. Толпа медленно валила, и в этой людской массе танцевала Майя Плисецкая, кружась на одной ноге, и Родион Щедрин строго отгонял от неё мальчишек. Уже известные Николаю Николаевичу камергеры тянули свой аэростат, и на нём появился большой, написанный на полотне портрет государя. Ветер дул на портрет, у царя шевелились брови, губы и нос, и он казался живым.

Шли депутаты Первой, Второй и Третьей думы. Гучков о чём-то продолжал спорить с Шульгиным, а им мешал с каким-то дурацким предложением депутат Милонов. Женщина с укутанным младенцем безуспешно просила у них милостыню.

Строго вышагивал генерал Макашов. Рядом шёл на ходулях Александр Глебович Невзоров, подхватив на руки Валентину Ивановну Матвиенко, чтобы той было лучше видно.

Николай Николаевич увидел себя совсем близко от отца Константина, потому что не заметил, как покинул трибуну и слился с толпой. К нему протискивались три человека в островерхих капюшонах, похожих на монахов-доминиканцев, но не достигли Николая Николаевича, потому что путь им преградила Ксения Собчак. Она извлекла из сумочки зеркальце в золотой оправе и выщипывала себе брови.

«Боже мой, боже мой! — растерянно думал Николай Николаевич, отдавая кленовый лист Шалапину, и тот, чтобы не петь, приложил лист к губам. — Зачем это всё? Зачем петербург-

ское январское утро? Зачем она выщипала себе всю правую бровь?»

Процессия всей своей вязкой массой миновала Адмиралтейство, шла среди голых, обсыпанных снегом деревьев. В чёрных вершинах покраснела заря. В процессии запели «Боже, царя храни». Шалыпин отлепил кленовый лист и запел своим могучим басом, от которого с деревьев взлетело множество ворон и галок. Они стали с карканьем носиться над толпой.

«Боже, царя храни» постепенно сменилось «Подмосковными вечерами», а те одной из ярких песен Филиппа Киркорова «По дороге в Голливуд».

Николай Николаевич подпевал. Он был взволнован, верил в справедливость, в царскую милость, ожидал встречу с царём, который выйдет к своему измученному народу и даст ему хлеба, мира, прекратит его вековые беды, станет народу Отцом.

Они приблизились к Дворцовой площади. Малиновая заря была, как шёлковая лента камергера. Окна Дворца переливались алым блеском. Ангел на Александрийском столпе уже видел солнце, и его крест сверкал. Кони над аркой Главного штаба рвались на зарю.

И тут Николай Николаевич увидел, как у стен Дворца сверкнули штыки. Солдатская цепь вдоль всего фасада Дворца подняла винтовки и целилась в толпу.

У отца Константина в руках оказался жестяной горн, сквозь который он обратился к солдатам:

— Братья, мы к вам с миром и добром! Пусть выйдет к нам Государь, и мы падём перед ним на колени и будем вымаливать у него хлеба и мира! Нет у нас другого Отца и Помазанника, кроме Государя! Пусть во имя Христа скажет нам своё августейшее слово!

Все вторили, рыдали, падали на колени, старики, измученные женщины, дети. Упал на колени генерал Макашов, рядом с ним Сергей Миронович Киров, поэт Максимилиан Волошин, дельтапланерист, юный птицелов, пожилой, с измученным лицом русофоб, Михаил Булгаков в период написания «Мастера и Маргариты». Все ползли на коленях, приближались к Зимнему дворцу. Камергеры отпустили аэростат, и на нём вознесся ввысь, озарился солнцем портрет Государя, за сверкал, словно чудотворная икона. Стаи ворон кружили над площадью, и Николай Николаевич с умилением повторял за поющими: «Не слышны в саду даже шорохи». Опустился на колени, видел, как раскачивается на ходулях плачущий Александр Глебович Невзоров.

Все смотрели на балкон, ожидая выхода Государя. Вышло солнце, загорелись на солнце штыки, и грянул залп. Один, второй, третий. Розовый дым под-

нимался от ружей. Пули попадали в толпу, чмокали, погружались в мяготь, вырывали кровавые шматки. Женщина в платке упала, и её малый ребенок хватал её и кричал: «Мама, мама, вставай!» Разночинец кричал проклятья, воздел кулак, но в него попала пуля, оторвала кулак, и разночинец продолжал кричать, потрясая обрубком.

Пуля попала в режиссёра Учителя, и тот упал, обливаясь кровью. К нему подскочила депутат Полонская, сбросила с себя шубку, оторвала рукав от своего бального платья и перевязала рану Учителю. Тот благодарно пролепетал: «Спасибо, я так благодарен. Мне так больно!» «Потерпи, милый!» — произнесла Полонская, достала из корсета кинжал с костяной ручкой, в которой сверкал топаз, и вонзила Учителю в горло.

Толпа разбегалась, стенала, вслед ей звучали выстрелы. Из главных ворот Дворца вылетала казачья конница. Рысью, выхватив шашки, мчались казаки через площадь, врезаясь в толпу, полосую направо и налево. Крики, гики, лошадиный храп. Сверканье клинков. Разрубленные люди валились на снег. От удара шашкой взлетела вверх детская голова. Какой-то студент швырнул в казаков «коктейлем Молотова», бутылка лопнула, полыхнул голубой огонь, над огнём проскакала лошадь, и казак с чёрными усами срезал шашкой руку другого студента, готового швырнуть бутылку.

Старичок с непомерно длинной свалывшейся бородой убежал, поддерживая бороду навесу. Мимо промчался казак, рубанул по бороде, отсекая её, и старичок держал в руке отсечённую бороду и рыдал.

Николай Николаевич почувствовал порыв ледяного ветра, словно растворился подземный люк и оттуда дунуло тьмой. Этот порыв подхватил отца Константина и понёс ввысь. Отец Константин уменьшался, удалялся, слился с воронами и стал неразличим. Порыв ветра коснулся Исаакия,дохнул страшным холодом на мошек, облепивших купол, и они разом взлетели, понеслись золотым облаком. Купол собора остался голым, пепельным, жутким, как голова больной лысой женщины, потерявшей парик.

Из арки Главного штаба выполз танк, навёл орудие на Дворец. Ахнул выстрел. Снаряд прошил стену Дворца, попал в зал «малых голландцев». Рама лопнула, и вся морская живность выплеснулась в Неву. Была весна, лёд с Ладоги давно сошёл. Нева текла полноводная, и в этой воде кишела излетевшая из золотой рамы живность. Огромные тунцы, плоские камбалы, электрические скаты. Всплывали раки, крабы, омары. Извивались щупальца осьминогов, трепетали кальмары, плыли, как жемчужные луны, медузы. Среди этой кишашей

живности плыл челн, и финский рыболов бросал в неведомые воды свой ветхий невод.

И в это время на балкон Дворца вышел царь, в полковничьем мундире, золотых эполетах. Задумчиво созерцал окровавленную площадь, высма-

тривая на ней убитого режиссёра Учителя. «Не стоило ему снимать этот фильм», — тихо произнёс Николай. «Что, ваше величество?» — переспросил князь Голицын. «Пустое», — ответил царь, зябко повёл плечами и покинул балкон.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич бежал, спасаясь от пуль. Деревья в сквере подле Адмиралтейства были по-весеннему свежи, зелены. Пули попадали в стволы, глухо уходили в глубину, и в местах попаданий выступал сок. Николай Николаевич прятался за дубы и клёны, спасавшие его от пуль. Видел, как вокруг падают люди и через них перескакивают и бегут другие. В небе парил аэростат, один из камергеров запутался в стропах и висел, краснея лентой и болтая ногами. На аэростате, где прежде был закреплён портрет царя, теперь появился портрет Иосифа Сталина. Ветер шевелил полотно, и Сталин казался живым.

Николай Николаевич вдруг почувствовал слабое дуновение духов. Так пали духи его ненаглядной. Значит, она была где-то здесь, в бегущей толпе, среди смертоносных пуль, и в неё может вонзиться жестокий свинец, опрокинуть, и через неё будут перепрыгивать другие, ошалевшие от страха люди. Николай Николаевич стал чутко вдыхать, ловить на бегу запах любимых духов, надеясь по этому чудесному запаху найти Таню, увести её с этих кошмарных улиц, из этого жуткого города, в иные края и земли, где пули их не настигнут.

***И в это время на балкон Дворца
вышел царь, в полковничьем мундире,
золотых эполетах. Задумчиво
созерцал окровавленную площадь,
высматривая на ней убитого
режиссёра Учителя. «Не стоило
ему снимать этот фильм», — тихо
произнёс Николай. «Что, ваше
величество?» — переспросил князь
Голицын. «Пустое», — ответил царь,
зябко повёл плечами и покинул балкон.***

Он увидел, как впереди убегают три человека в островерхих капюшонах, похожие на монахов-доминиканцев. Догнал, задыхаясь, спросил:

— Господа, вы не видели женщину? Такое дивное белое лицо и румянец. Она мне так дорога. Она невеста. Это её духи. Она где-то здесь. Вы не видели ее, господа?

Трое в капюшонах остановились, сбросили свои балахоны, и Николай Николаевич увидел беспощадные англосаксонские лица американских морских офицеров. Один из них вытащил из кармана шёлковый шарф, тот самый, Танин, сквозь который Николай Николаевич смотрел на фонари, и они превращались в тихие радуги.

— Сэр, — произнёс офицер и прижал шарф к лицу Николая Николаевича.

Божественный запах любимых духов хлынул в Николая Николаевича, и он с блаженной улыбкой лишился чувств. Офицеры подхватили его за руки и за ноги, поднесли к машине и закрыли в багажнике.

И это был сон, и прозрение во сне. Блуждание в тех мирах, которые он покинул, и эти покинутые миры гнались за ним, обнимали, и он начинал теряться, не понимал, где сон, а где явь. Спасаясь от яви, он погружался в сон, который оказывался вещим и становился явью.

Он помнил себя четырёхлетним мальчиком, когда с мамой оказался в эвакуации, в Чебоксарах, а отец добровольцем ушёл воевать. Окончил скоротечные пулемётные курсы в Казани и приехал к ним в Чебоксары перед отправкой на фронт. Они сели на паром и переплыли Волгу, и он помнил, как удаляется берег, домики на круче, белую церковь. Помнил, как шумела вода за поручнями парома, множество людей, толпившихся на палубе. Но отца и мать среди этих людей не помнил, а только знал, что они близко, рядом. Помнил, как паром причалил к низкому песчаному берегу, поросшему кустами ивы, и на глянцеvitых листьях было множество красных жуков. Его волновали эти медлительные, облепившие листья жуки. Втроём,

мама, папа и он, они идут по сырому песку, рядом огромно, светло, с переливами синего света течёт Волга. И он не знает, но почему-то догадывается, что там, куда она течёт, идёт война, что-то тёмное, клокочущее и ужасное, с огнями, пламенем, непрерывным грохотом. И туда очень скоро уедет отец. Они втроём сидят на берегу, в песке створки раковин, гладкие, перламутровые, он гладит раковину и помнит, как на ней сверкают песчинки. Отец поднимается и идёт к воде. Он видит его гибкую спину, подвижные плечи. Отец осторожно входит в воду, стоит, и вода завивается вокруг солнечными воронками, а отец опустил руки в воду и отгоняет от себя эти воронки, и их сносит вниз по реке. Отец, не окунувшись, возвращается на берег, берёт его на руки и идёт к Волге. Он помнит, как мать с тревогой смотрит, как они удаляются. Её белые

плечи среди жёлтого сырого песка и кусты, на которых так много красных жуков. Отец, держа его на руках, заходит в воду. Ему становится страшно. Страшно смотреть на эту стремительную воду, страшно упасть в неё. Отец держит его на руках, не опуская в воду, словно желает, чтобы он почувствовал силу и могущество реки, его отцовскую нежность, предстоящую разлуку. Он прижимается к отцу, знает, что отец не отпустит его в эту реку. Река оmyвает их, связывает неразлучно, помещает в свой блеск, синеву, необъятный поток. Там, куда утекает река, клубится страшная тьма, взлетает жуткое пламя, и в эту тьму, в это пламя уйдёт отец, чтобы больше никогда не вернуться. Отец знает об этом, прощается с сыном, навсегда, чтобы после всю жизнь являться ему во сне посреди этой вечной реки.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич трясся в багажнике. Шарф любимой женщины, пахнувший духами, лежал на его лице, не давая очнуться.

Когда, наконец, он открыл глаза, то увидел себя в просторном помещении, где повсюду был белоснежный кафель. Сам он сидел в металлическом кресле, руки его были стиснуты на запястьях стальными кольцами, ноги вставлены в стальные стремена, так что он не мог шевельнуться. Перед ним на троне сидел Якоб Моргулиус в тунике с золотой пряжкой. Ноги его были в вольных сандалиях, а на голове красовался лавровый венок.

Спинку мраморного трона украшала золотая латинская надпись: «VANITUS VANITATUM».

Туника не зарывала худое плечо, голая страусиная шея была покрыта голубыми пупырышками, глаза, тесно сдвинутые к переносице, смотрели холодно, не мигая.

— Николай Николаевич, вы, пользуясь моей доверчивостью, дважды обманули меня, — произнёс Моргулиус. — И поэтому не удивляйтесь мерам, которые я вынужден был принять, чтобы не быть обманутым в третий раз.

— Не понимаю, где я и что вам от меня угодно, — ответил Николай Николаевич, слыша, как улетучивается аромат любимых духов, сменяясь запахами операционной.

— Не притворяйтесь, Николай Николаевич. Мне нужен «Модем Полуверцева». Через несколько часов здесь, во Дворце конгрессов, появится Президент,

и мы должны его оцифровать, чтобы потом оцифровать Россию и Царствие Небесное. Без «Модема Полуверцева» это невозможно. Убедительно прошу, Николай Николаевич, откройте тайну «Модема». Чтобы мне не пришлось прибегать к насилию.

— Но боже мой! Но сколько раз я могу повторять. Нет никакого «Модема Полуверцева»! Только я сам, Полуверцев!

— Это одно и то же. Если вас поместить рядом с Президентом и вы активизируете в своём сознании «Модем Полуверцева», то мы подключим к нему наши цифровальные системы и оцифруем Президента. Для этого мы должны быть уверены, что вы носите в себе «Модем Полуверцева».

— Нет никакого «Модема»! — взмолился Николай Николаевич.

— Тогда не взыщите. Я вынужден прибегнуть к томографу.

Сверху, с потолка, с тихим шелестом опустился прибор в виде кольца, которое плотно легло на голову Николая Николаевича, сдавило лоб и затылок. «Господи, за что мне! — подумал он, чувствуя, что его рассудок поместили в тиски и неумолимая внешняя сила завладела его памятью. — Матушка, не покинь меня в этот час!»

Он слышал тихий посвист, какой издаёт лезвие, рассекая податливую мякоть. Невидимый луч разрезал его мозг на тончайшие ломти, как делают мясную нарезку, и каждый тонкий лепесток содержал эпизод его жизни, сохранённый в глубинах памяти.

Моргулиус исследовал эти слои, как исследуют на срезе древесные кольца, читая по ним судьбу дерева. Лезвие рассекало ткань его прожитой жизни, и Моргулиус перелистывал его жизнь, как перелистывают в книге страницы. Искал в них «Модем».

В лепестке светилась детская ёлка с серебряным дирижаблем, на котором было написано «СССР», и крохотные розовые свечки, которые мама поместила в подсвечники, укрепив на еловых ветках. В другом лепестке было окно в их кирпичном доме, в котором появлялась полная женщина по имени Сара. Она была голой, ее огромные груди стекали на пухлый живот. Она не стеснялась прохожих, которые заглядывали в окно её комнаты, где стояла большая фарфоровая лампа.

В третьем лепестке была лесная дорога, и он шёл молодым бойким шагом, вдыхая запах осенних деревьев, неся на плече двустволку, и вдруг увидел на обочине ржавый малиновый куст и на нём крохотную ягоду с малой каплей дождя. Он снял с куста ягоду, положил в рот, ощутив нежную холодную сладость. Была молодая женщина, которая прижала его к себе, повлекла в цветы, и он пугался её белизны, хохочущих белых зубов, смелых и сильных рук, на секунду исчез, превратился в слепящий свет. Она, отвернувшись от него, одевалась, и он видел, как на её голой спине отпечатались узорные листья, стебли, цветы.

Николай Николаевич чувствовал, как незримое лезвие полосует его память. Испытывал невыносимое страдание, похожее на безумие. Рассекалось единое время его жизни, разрушалась целостность бытия, и ему хотелось кричать от ужаса.

Лезвие шелестело, нарезая слои его памяти. И в этих слоях были пушки, стреляющие по кишлакам, Георгиевский зал Кремля, где ему вручали орден, мёртвая бабушка, лежавшая на столе, и на неё сквозь окно смотрела розовая тихвинская колокольня, красный флаг, который сдирали с Кремлёвского дворца, мама, которую отпевали в церкви, а потом на её могилу он принёс горсть земли из Сталинградской степи, где погиб отец. И горящий Дом Советов, где из каждого окна тянулся по белому фасаду чёрный липкий язык. И умершая жена, её прекрасное в смерти лицо, когда её положили на скамью под её любимой березой и ветка с жёлтыми листьями почти касалась её лица. Там было всё, из чего состояла его жизнь. Моргулиус, вытянув страусиную шею, изучал его рассечённую память, так и не найдя в ней «Модема».

— Глубоко же вы, Николай Николаевич, зарываете свои клады. Попробуем копать глубже.

Моргулиус хлопнул в ладоши, и появились известные Николаю Николаевичу члены литобъединения «Доброе слово» банкир Келейко, генерал

внешней разведки Супростатов и министр Ацтеков, все с зеркалами, которые они держали перед собой, как держат во время крестного хода иконы.

— Господа, — возгласил Моргулиус, — поможем нашему другу вспомнить, где он хранит свой потаённый «Модем Полуверцева». Бережёт его, как роженица бережёт свой потаённый плод. Помогите Николаю Николаевичу разродиться!

Николай Николаевич чувствовал, как его раскусок, рассечённый на тысячи тончайших слоёв, сочится болью, стремится собрать воедино разрозненные воспоминания, обрести целостность. Но воспоминания менялись местами, был нарушен их порядок во времени, и жизнь утратила свою протяжённость, состояла из бесчисленных случайных отрезков. И это причиняло невыносимое страдание.

Члены литобъединения «Доброе слово», поигрывая зеркалами, приблизились к Николаю Николаевичу. Навели на него зеркала и стали топтаться вокруг его стула, пританцовывать, окружая его зеркальным блеском. Серебристые стёкла в их руках превратились в стальные слитки, тяжёлые плиты, которые мяли его, сдавливали, теснили, ударяли со всех сторон, так что хрустели рёбра, сжимались черепные кости, сплющивалось сердце. Николай Николаевич не мог дышать, не мог кричать. Только сипел, открыв рот, с выдавленными глазами и выпавшим языком. Из носа и ушей хлестала кровь.

— А ну-ка давай, милая, тужься! — приговаривал банкир Келейко, прижимая зеркало к его лбу. — Давай, милая, рожай!

И с тяжким стоном Николай Николаевич изверг из себя воспоминание. То шоссе под Кундузом, колонна боевых машин пехоты долбит с дороги кишлак, выбивая из дувалов облачка горчичной пыли. В кишлаке идёт бой, солдаты выносят на руках убитых и кладут у гусениц машин, сами садятся на землю, потные, потрясённые, отложив оружие. Через дорогу идут три верблюда с тюками, три погонщика в белых балахонах, в белых рыхлых тюрбанах направляют верблюдов. Солдаты их останавливают, шомполами протыкают тюки, извлекают из них автоматы. Командир полка на минуту отрывается от радиации, в которой булькает и клоочет бой. Смотрит на убитых, на величавых верблюдов, на молчаливых погонщиков. «Расстрелять!» — вновь обращается к радиации, продолжая управление боем. Погонщиков ведут с дороги к дуvalu, ставят у стены. Высокие, худые, с гончарными красными лицами, в белых долгополых одеждах, они спокойно стоят, глядя на солдат с автоматами. Солдаты пускают очередь. Погонщики падают вдоль ограды, все в одну сторону. Лежат на солнцепеке в белых одеждах. Верблюды, гордо изогнув шеи,

— Вы набиты всякой чушью, Николай Николаевич. Напрягите память, прошу как брата. Не хотите? Тогда прибежем к стимулятору памяти!

Генерал внешней разведки Супростатов приблизил зеркало к затылку Николая Николаевича, и тому показалось, что на голову наехал асфальтовый каток. Двигается взад-вперёд, выдавливает из головы слёзы, кровь, студенистый мозг, и из этой гущи вытапливается воспоминание.

переходят шоссе и удаляются в кишлак, где глухо стучат автоматы.

Моргулиус просматривал добытое из Николай Николаевича воспоминание, не находил в нём «Модема», сердился:

— Вы набиты всякой чушью, Николай Николаевич. Напрягите память, прошу как брата. Не хотите? Тогда прибежем к стимулятору памяти!

Генерал внешней разведки Супростатов приблизил зеркало к затылку Николая Николаевича, и тому показалось, что на голову наехал асфальтовый каток. Двигается взад-вперёд, выдавливает из головы слёзы, кровь, студенистый мозг, и из этой гущи вытапливается воспоминание.

Чернобыль, где он оказался на десятый день катастрофы. Четвёртый взорванный блок, как гнилое зубное дупло, из которого сочится ядовитое зловоние. Окутывает леса и селенья, летящие в небесах вертолёты и рычащие на земле бульдозеры. Куски урана и отравленного графита, взлетев из четвёртого блока, упали на третий, соседний, пробили крышу и усеяли пол в реакторном зале. Солдаты войск химзащиты выстроились перед входом в зал, образуя бесконечную очередь. Солдат в бахилах и маске вбегал в ядовитый зал, хватал лежащие у двери совок и веник, мчался к лежащему на полу смертоносному осколку. Сгребал его веником в совок, бросал в контейнер и мчался обратно к дверям. Секунда промедления могла оказаться смертельной. Он стоял в очереди солдат. Смотрел сквозь стекло на реакторный зал. Сквозь отверстия в кровле падали под разными углами солнечные лучи. Очередной солдат в бахилах и респираторе хватал веник, нёсся, как бегают

стометровку, черпал ломтик урана и, озаряемый на мгновение лучами, словно пулёмётными очередями, скачками бежал к дверям. Выскакивал, оглушённый, и другие солдаты сволокивали с него бахилы, уводили наружу. Та часть очереди, что была далеко от двери, бодрилась, раздавались шутки, смешки. По мере приближения к дверям умолкали, немели. Солдаты у самых дверей с побледневшими губами, сутулыми плечами ждали свой черёд, как ждут пехотинцы атаки, порыва на пулёмёты. Его очередь приближалась, он надел бахилы, закрыл лицо респиратором. Думал, зачем он тут? Какая сила и страсть привела его в солдатскую очередь? Откуда эта безумная погоня за опытом? Его втокнули в реакторный зал. Веник в руках. Его цель на другом конце зала. Едва заметный тёмный комочек, из которого незримо пышет смерть. Забывая страх, молитву, имя своё, он мчится, держа впереди веник, как знамя. Лучи из кровли хлещут его, спячат. Он достигает цели, смахивает чёрный, с острыми краями осколок в железный совок. Делая по залу дугу, смахивает в контейнер добычу. У дверей бросил совок и веник. Выпал из зала. Ему помогают стянуть бахилы. Из них струёй льётся пот, словно он провалился в болото.

Моргулиус рассматривал добытое изображение, словно космический снимок. Разочарованно отмахнулся:

— На что вы потратили жизнь, Николай Николаевич? Могли бы плавать на яхте по Средиземному морю. Ну да ладно, забросим ещё раз невод в море вашей суетной жизни. Может, выловим желанную рыбу.

Моргулиус сделал знак министру Ацтекову, и тот обошёл Николая Николаевича сзади. Уловил в зеркало поток серебряного света. Направил его в спину Николая Николаевича, и тому показалось, что к спине приложили раскалённую плиту, и он заорал от боли. Зеркало жгло, он обугливался, горели мышцы, кости, кипела кровь. И в этой адской боли возникало видение.

Он поймал бабочку, самку шелкопряда с крыльями из парашютного шёлка. В сумерках, в лунном свете, шелкопряд совершал таинственный танец в бурьяне, что рос на задворках избы. Поймав шелкопряда, он усыпил его ваткой эфира. Думая, что бабочка мертва, пронзил её стальной иглой, поместил в расправилку, закрепил на липовых планках крылья. Надеялся, что бабочка высохнет через день и он поместит её в стеклянную коробку. Наутро он подошёл к расправилке. Бабочка, пронзённая синей тончайшей сталью, была жива. Из её тучного тельца выдавливались яички, множество крохотных жёлтых икринок. Она, умирая,

со страшной сталью в спине, торопилась перед смертью разродиться, продлить свой род на земле. И глядя на эту пронзённую бабочку, он испытал ужас. Он совершил страшный неотмолимый грех, который ему припомнит Господь на Страшном суде. Предъявив эту липовую расправилку и пронзённую бабочку.

Моргулиус сквозь линзу изучал добытый снимок, говоря Николаю Николаевичу:

— Вот и вы, мой друг, как этот шелкопряд. Вас пронзила сталь, насадила вас на остриё, и вы, страшась умереть, плодоносите. Пишете свои бесконечные романы, как бабочка откладывает яички. Но это тщетно. Из ваших романов не родится потомство, и никто не оценит ваш подвиг, — Моргулиус обернулся к Николаю Николаевичу и увидел, что тот повис в оковах, потеряв сознание. Крикнул: — Приведите его в чувство. Он нам нужен!

Келейко, Супростатов и Ацтеков стали озарять Николая Николаевича зеркалами. Он почувствовал прохладные дуновения, запах полевых цветов и очнулся.

— Николай Николаевич, — обратился к нему Моргулиус, — откройте тайну «Модема» и будете вознаграждены. Я знаю, вы не хотите богатства, славы. Вы мистик Слова. И в новом оцифрованном мире вам оставят заповедник Слова. Вам оставят «Сказку о золотом петушке» Пушкина. Оставят «Казачков» Толстого. Вторую часть «Тихого Дона». «Страну Инонию» Есенина. Ну хорошо, ещё вам оставят «Заблудившийся трамвай» Гумилёва. Откройте тайну «Модема».

— Я сейчас умру, — простонал Николай Николаевич.

— Не раньше, чем я получу «Модем».

Казалось, мучениям Николая Николаевича не было конца. Появились три дамы, знакомые ему по прежним встречам. Дама — директор Центробанка, дама — министр, распределяющая финансы, и дама — министр, отвечающая за экономическое развитие. Они были голые, но причёски их были безукоризненны. Все трое очень полные, ноги, как графины, пухлые животы, огромные шарообразные груди, которые перекачивались справа налево. И при этом все они были прозрачные, как медузы. Их желеобразные тела напоминали целлофановые пакеты, полные влаги. В этой влаге колыхались внутренние органы. Костей же не было вовсе. Они очаровательно улыбались. Взявшись за руки, образовали хоровод, как танцующие музы на античной вазе.

— Сударыни, — произнёс Моргулиус, — постарайтесь использовать ваши прелести, чтобы Николай Николаевич открыл, наконец, тайну «Модема Полувереца».

Дамы тонко улыбнулись, зная силу своих чар, и приблизились к Николаю Николаевичу.

— О нет! — взмолился Николай Николаевич, отворачивая лицо. От дам пахло дельфинами, тюленьями, китами, горными козлами, пятнистыми оленями, тростниковыми котами, кротами, орлами, дятлами, пеликанами, бекасами и укропом. Этот букет запахов был невыносим для Николая Николаевича, потому что он не любил укроп.

Женщин не остановил умоляющий взгляд Николая Николаевича. Они надвинулись, навалили на него свои груди и животы, сдавили полными руками и тучными ногами, и он задохнулся.

Ему показалось, что его поместили в студень и делают из него заливное. Это было чудовищно и унижительно. Он не собирался быть заливным. Это был удар по его гордыне, надругательство над его самобытной личностью, для которой стать холодцом было равносильно духовной смерти.

Женщины всё теснее прижимались к нему. Скоро он оказался внутри студенистой плоти одной из них, кажется, министра, распределяющего финансы. Он был окружён зыбким прозрачным желе, в котором перемещались незакреплённые внутренности. Его ударила в голову печень дамы, распределяющей финансы. Как резиновый мяч, отскочила и полетела куда-то вверх. Так летают предметы в кабине космического корабля. Затем к нему приблизился желудок дамы, коснулся его и по касательной поплыл в сторону. Голова у Николая Николаевича кружилась, словно он выпил настой наркотических грибов. Когда к нему подплыла матка дамы, он попытался её оттолкнуть, но рука немощно упала. Матка проплыла мимо, и он успел заметить, что на ней нанесены письмена, сделанные китайской тушью. Начертанный иероглиф означал «вечность». Когда к нему стала приближаться левая почка дамы, он впал в наркотический обморок, и увидел, как на площади Дзержинского в стальной петле качается памятник, из памятника льётся красное вино, и толпа подставляет под струю стаканы, фляжки и котелки и пьёт. Трос, на котором висит памятник, рвётся, распадается на стальные волокна, и под памятником стоит плачущий ребенок, и этот ребенок он сам, ищет и не находит в толпе бабушку, потому что она умерла и лежит на столе, на котором стоит её синяя чашка из свадебного сервиза.

Николай Николаевич с непомерным трудом вырвался из зыбкого студня, выплёвывал липкое желе, глядя, как уплывают от него три величавые медузы.

— Я знаю, Николай Николаевич, что вы примерный внук, сын и отец. К тому же безупречный муж, если не считать ваших блудливых связей.

Но где же «Модем»? Быть может, теперь вы его откроете, и я смогу оцифровать Президента?

Моргулиус повторил жест шведского короля Карла. «Слабым мановением руки на русских двинул он полки». И, повинаясь этому утомлённому жесту, появились возлюбленные Моргулиуса Жанна Кобре и Луиза Файнберг, обе в пеньюарах, с распущенными волосами.

— Николай Николаевич, — произнёс Моргулиус. — Видит Бог, я не хотел прибегать к этому средству. Я не гестаповец, мне ненавистен фашизм. Но я вынужден, Николай Николаевич. Вы многое повидали на своём веку. Страшные войны, революции, катастрофу в Чернобыле. Но теперь вам предстоит увидеть нечто, что для человека с обычной психикой невыносимо. Я хочу, чтобы две эти добродетельные женщины показали вам низ своих животов, как они это делали в школе, где вы вместе учились. Вы понимаете, что с тех пор прошло много лет и многое изменилось. Поэтому прошу вас, взгляните, и, быть может, вы откроете, наконец, тайну «Модема Полуверцева».

Жанна Кобре и Луиза Файнберг приблизились к Николаю Николаевичу и стали медленно поднимать подолаы своих пеньюаров. Николай Николаевич, видевший войсковую операцию в Герате, когда истреблялся город, видевший, как на полигоне в Семипалатинске взлетала от атомного взрыва гора, Николай Николаевич не выдержал открывшегося зрелища и в который уж раз потерял сознание.

Очнулся, потому что кто-то окатил его водой из ведра. Это был китайский генерал Синь Бяо, маленький, аккуратный, с вежливой восточной улыбкой.

— Вы мне сказали, господин Полуверцев, что в Царствии Небесном растут только белые грибы. Но это не так. Я навёл справки, и выяснилось, что в Царствии Небесном встречаются сыроежки, и подберезовики, и рыжики. Там есть даже «дедушкин табак». Мне жаль, господин Полуверцев, что вы сказали неправду.

— Теперь он не сможет утаить от нас правду, — произнёс Моргулиус, поведя плечами, отчего белоснежная туника колыхнулась, и золотой венец на его голове дивно засиял, придавая Моргулиусу подобие Цезаря. — Теперь, господин Полуверцев, мы прибегаем к крайнему средству. Пусть золотые мошки выпьют из вас все ваши жизненные соки. Мы пропустим эти соки сквозь фильтры, ненужное сольём, а осадок в виде «Модема Полуверцева» позволит нам оцифровать Президента, Россию и Царствие Небесное. Господин Синь Бяо, пусть ваши золотые мошки начнут высасывать из Николая Николаевича его тайны.

Николай Николаевич, голый, прикованный к креслу, плохо понимал Моргулиуса. Он лишь услышал, как китайский генерал Синь Бяо издал тихий шелестящий свист, и на этот свист стали влетать золотые мошки, как мерцающие песчинки. Они садились на Николая Николаевича, покрывали его с ног до головы мерцающим шевелящимся слоем — лицо, глаза, грудь, пах. Они вонзали в него свои крохотные хоботки, выпуская капли парализующего яда, отчего Николай Николаевич перестал двигаться. Превратился в сидящую золотую статую, на которую слой за слоем садились всё новые мошки, те, что покинули купол Исаакия и теперь радовались тому, что снова могут служить позолотой. Они вонзали в Николая Николаевича свои бесчисленные зазубренные хоботки и начинали грызть его кожу, отсекая от нее микроскопические кусочки. Проникали сквозь кожу, впивались в кровяные сосуды, поедали кровяные тельца, сверлили в черепе тончайшие отверстия, поедали нейроны, высасывали мозговую мякоть. Николай Николаевич испытывал невыносимое страдание, но не мог кричать, содрогаться. Его поедали заживо, и в нём всё меньше становилось крови, живой влаги, плотных мышц, твёрдых костей. Мошки прогрызали себе путь к сердцу, лёгким и печени. И уже первые из них окружили сердце пульсирующей золотой оболочкой, а другие стали наполнять лёгкие огненной болью.

Моргулиус процеживал добытые из Николая Николаевича воспоминания, как процеживают пойманную сачком морскую добычу, сливая в море ненужный планктон, оставляя застрявших в ячее крупный рыб. Такими рыбами, уловленными Моргулиусом, было воспоминание Николая Николаевича о Тегеране, когда он в день Ашуры шёл в толпе, которая стенала, рыдала, хлестала себя по плечам верёвками и бичами, скорбя о невинно убиенном мученике имаме Гусейне, и Николай Николаевич, сострадав всем невинно убиенным, замученным и пытаемым, хлестнул себя плетью по плечу.

Ещё одно воспоминание касалось сектора Газа, когда израильские самолёты и беспилотники посыпали беззащитный город ракетами. Рушились здания, по улицам проносились огненные вихри. И Николай Николаевич, увидев плачущую палестинскую девочку, кинулся к ней по битому стеклу, схватил и унёс подальше от пуль и осколков.

Моргулиус рассматривал всё это, перебирал, переворачивал воспоминания с одной стороны на другую, а потом раздражённо оттолкнул:

— Да вы мусульманский экстремист, батенька! Одни мечети да мечети! Хотя бы раз зашли в синагогу! Господин Синь Бяо, уберите своих ненасытных насекомых, а не то от Николая Николаевича оста-

нется одна сухая оболочка, как от гриба «дедушкин табак», когда он выпустил все свои споры.

Китайский генерал Синь Бяо издал шелестящий свист, и золотые мошки стали неохотно покидать Николая Николаевича. Редкие золотые крупницы продолжали мерцать в его глазницах, в паху, но потом и они улетели.

Николай Николаевич сочился кровью и лимфой, словно с него содрали кожу. Из рта вырывался не крик, а синий огонь, будто в лёгких горела паяльная лампа.

— Дорогой Николай Николаевич, — обратился к нему Моргулиус. — Видит Бог, я не желаю вам зла. Напротив, я действую ради вашего блага.

Николай Николаевич плохо понимал Моргулиуса. Вместо слов он слышал шум своей вытекающей крови.

— С помощью «Модема Полуверцева» я оцифрую все ваши воспоминания. Я не позволю им исчезнуть. Они утратят свою зыбкость, неопределённость. Превратятся в незыблемые кристаллы. Вы сможете погружаться в свои воспоминания, как в подлинную жизнь. Они и будут вашей подлинной жизнью, причём мы уберём из ваших воспоминаний всё дурное, злое, все ваши войны, катастрофы, государственные перевороты. Только прекрасное, доброе, вечное. Именно вечное, ибо вы обретёте в своих воспоминаниях жизнь вечную, которая не будет улетучиваться, как улетучиваются сны. Они, и вы в них, будете вечны. Таким образом вы обретёте бессмертие. И сбудется, наконец, пророчество великого русского космиста Николая Фёдорова о воскрешении из мёртвых. Цифра воскресит вас из мёртвых и сделает бессмертным. Вы меня понимаете?

Николай Николаевич, отравленный ядовитыми укусами золотых мошек, стал распухать. У него вздулась кожа, щёки стали как огромные кровавые подушки, страшно распухли ноги и руки. Он не вмещался в кресло, и его воспалённая плоть вываливалась уродливыми вздутиями. Он казался надувным великаном, покрашенным в красное.

— Вы вновь встретитесь со своими любимыми мамой и бабушкой, в вашей комнате в Тихвинском переулке, и бабушка будет кормить вас молоканской лапшой. Вы снова сядете в санки с молодой женой, ещё не женой, а невестой, и помчитесь с ночной горы, так что звёзды превратятся в длинные искры, и в горячей избе вы впервые увидите её чудесную грудь. Со своими тремя детьми и с женой вы придёте в лес на свое «святое», как вы говорили, место, где цветёт медуница, дети разведут костёр, а вы станете подкладывать в костёр клубни картофеля. Всё это станет для вас настоящей жизнью, а не сном, и эта жизнь будет бесконечной.

Николай Николаевич увидел на серебряном подносе то страшное чудище, что явилось ему во сне. Красное, липкое, со множеством костяных клешней, с фиолетовыми вьющимися щупальцами, скользкой мякотью, из которой выглядывала стопа младенца с кошачьими когтями. Чудище слабо шевелилось, вздрагивало, по нему пробежали судороги. Из костяных оболочек смотрели немигающие чёрные глаза. Они уже видели Николая Николаевича, нашли в нём место, в которое вопьются клешни, обовьют щупальца, и всё чудище, медленно перебирая ногами, напрягаясь и сокращаясь, вползёт в Николая Николаевича, поместится среди его желудка и печени.

Вы слышите меня, Николай Николаевич?

— Слышу шум тростника, — прошептал Николай Николаевич распухшими губами. — Только шум тростника.

— Ну что ж, тогда я прибегну к последнему средству, причиняющему страдание не только вам, но и всем вашим близким. И тем, кто жив, и тем, кто умер, и тем, кто ещё не родился. Страдание всему вашему роду, и вы услышите, как стонет весь ваш род из прошлого и из будущего. Все поколения Полуверцевых, упрямый несчастный вы человек!

Среди белоснежного кафеля возник командир немецкой подводной лодки U-22 Ульрих фон Браух, в чёрном офицерском мундире, с железным крестом. Он нёс перед собой серебряный поднос, накрытый салфеткой, под которой бугрилось невидимое кушанье. Так вносят в трапезную рождественскую индейку, и гости начинают вдыхать аромат любимого блюда, приготовленного искусными поварами. Ульрих фон Браух приблизился к Николаю Николаевичу и смахнул салфетку. И Николай Николаевич увидел на серебряном подносе то страшное чудище, что явилось ему во сне. Красное, липкое, со множеством костяных клешней, с фиолетовыми вьющимися щупальцами, скользкой мякотью, из ко-

2

3

7

4

3

1

5

8

9

торой выглядывала стопа младенца с кошачьими когтями. Чудище слабо шевелилось, вздрагивало, по нему пробегали судороги. Из костяных оболочек смотрели немигающие чёрные глаза. Они уже видели Николая Николаевича, нашли в нём место, в которое вопьются клешни, обовьют щупальца, и всё чудище, медленно перебирая ногами, напрягаясь и сокращаясь, вползёт в Николая Николаевича, поместится среди его желудка и печени. Станет разрастаться, съедать его изнутри, поглощая его органы, становясь Николаем Николаевичем. Пережив страшное перевоплощение, обретя клешни и присоски, он станет медленно перемещаться, переступая на младенческих ножках, скребя землю острыми коготками.

Это было так страшно, чудище явилось ему из тёмных пучин мироздания, было воплощением абсолютного зла и уродства, нескончаемого несчастья. Оно было всегда, возникло при сотворении мира, было противоположностью солнца, цветов, любовных вздохов, божественного откровения. Оно возникло теперь перед Николаем Николаевичем, чтобы погасить в нём свет, тот, что достался

от молоканских предков, и напитать чёрным ядом ещё не родившихся потомков.

Николай Николаевич почувствовал, как синие щупальцы коснулись его соска, как дохнуло ему в лицо трупное зловоние, и крикнул истошно:

— Согласен! Скажу, где прячу «Модем Полуверцева!

— Где же, мой друг? — спросил Моргулиус.

— В черепе, за правым ухом, под костью. Берите долото и долбите! Только уберите от меня Смерть Мира!

— Зачем долбить, Николай Николаевич? Зачем причинять вам боль? Мы просто приведём вас в зал, где будет выступать Президент. Укрепим на вашем правом ухе считывающий прибор, подключим к нашим цифровальным системам и, когда Президент начнёт свою речь, с помощью вашего «Модема» мы оцифруем его. — Моргулиус улыбнулся Николаю Николаевичу и обратился к подводнику: — Господин фон Браух, уберите ваше ракообразное, оно ужасно воняет.

Последнюю фразу Николай Николаевич не слышал, потому что в очередной раз потерял сознание.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич очнулся в ванной, в тёплой воде. Голова его лежала на мягкой подушечке. А в воде плавали, тихо кружили полевые цветы. Здесь были колокольчики и ромашки, золотой зверобой и белый тысячелистник, сиреневые пушистые свечки подорожника и розовые кашки, фиолетовый душистый горошек и голубые полевые гераньки, серебристые пастушьи сумки и лазурные вероники дубравные. Цветы тихо колыхались на воде от его дыхания, подплывали к лицу, и он чувствовал их нежное благоухание. Цветы отдавали воде свои целебные соки, капельки нектара, медовую пыльцу. Вода становилась живой, целящей, и тело Николая Николаевича оживало, в нём закрывались раны, утихала боль, он испытывал блаженство. Когда колокольчик или ромашка подплывали к его губам, он целовал цветок и шептал: «Спасибо, милый!»

Блаженство его продолжалось недолго. Перед ним появились Моргулиус и две его возлюбленные Жанна Кобре и Луиза Файнберг. Моргулиус был в бархатной блузе с открытым воротом, из которого поднималась его страусиная шея, увенчанная птичьей костяной головой. Женщины были в фор-

ме волонтёров, защищающих права домашних животных.

— Дорогой друг, нам пора. Президент подъезжает к Дворцу.

Николая Николаевича подняли из ванной, обтёрли душистым махровым полотенцем, облекли в белые одежды. Моргулиус застегнул на его запястье золотой браслет наручников, а другое кольцо закрепил на своей руке. Они покинули ванную комнату и оказались в залах Дворца. Здесь по-прежнему двигался нескончаемый поток участников Форума. Все торопились в одну сторону, туда, где в конференц-зале состоится встреча с Президентом.

Навстречу Николаю Николаевичу из толпы вынырнул Полярник, занятый оцифровкой Арктики:

— Николай Николаевич, дорогой, я навёл справки. Та медведица и медвежонок, которых ты видел с вертолёта, живы! Но они с Новой Земли переселились на Землю Франца Иосифа!

Николая Николаевича кинулся обнимать детский писатель Мышеедов, который оплодотворял эмбриона в колбе, мечтая вырастить из него человека с жабрами и крыльями:

— Ты знаешь, Коля, я перечитал твой рассказ «Петров крест». Да ведь ты у нас деревенщик, истинный деревенщик!

Попался на пути генерал Стрижёв, создатель цифрового оружия:

— Николай Николаевич, спасибо, что позволили испытать на себе действие золотых мошек. Это настоящий подвиг исследователя.

Они достигли конференц-зала, вошли и заняли кресла в первом ряду, перед подиумом.

В зале было темно. Все кресла заняты. Шумело, шевелилось. Вспыхивали в разных местах экраны айфонов. В потолке, как бриллиантовое созвездие в ночи, сверкала цифра «6».

К Николаю Николаевичу подошёл распорядитель и предложил наушники и пульт для трансляции перевода. Николай Николаевич стал цеплять дужку с микрофоном за ухо, но Моргулиус резко его поправил:

— Не за левое! За правое, за правое, Николай Николаевич!

Николай Николаевич прицепил дужку на правое ухо. Это был не только прибор, транслирующий перевод с языков, но и передатчик, соединяющий «Модем Полуверцева» с цифровальными системами, с бриллиантовой цифрой «6».

— Уважаемые гости, — прозвучал на весь зал вежливый властный голос. — Просим вас занять свои места и выключить мобильные устройства. — И через несколько секунд: — Президент Российской Федерации!

Над подиумом вспыхнул свет, и появился Президент России, невысокий, точёный, делающий при ходьбе отмашку левой рукой. Следом за ним два его старинных друга, прежние президенты Италии Сильвио Берлускони и Франции — Николя Саркози. Все трое уселись в креста, Президент России в центре, а его друзья по левую и правую руку.

Николай Николаевич всматривался в лицо Президента. Оно было спокойное, весёлое. Было видно, что ему нравится оказаться в обществе видных европейских политиков на глазах у множества зарубежных гостей. Николай Николаевич вспомнил лицо Президента на Васильевском спуске, после митинга, когда Президент обнял его и поцеловал. И это воспоминание наполнило Николая Николаевича любовью и обожанием. Президент своим поцелуем передал Николаю Николаевичу благодать Херсонеса.

— Сейчас выступят этот французик Саркози и макаронник Берлускони. Вы в это время сидите. Потом начнёт выступать Президент. Вы подниметесь с места, мы включим цифрующие системы и оцифруем Президента. Вы поняли?

Николай Николаевич кивнул. В наушниках раздалось тихое шипение, послышалось дыхание переводчика.

Встал Николя Саркози, поклонился Президенту, кивнул залу и, приложив к груди маленькую белую руку, стал читать:

Унылый свет забытого порога,
И тень луны в разбитом витраже.
Сорвётся с уст отвергнутого бога,
Как самолёт в последнем вираже.

Два селезня нырнули у собора,
Две утки просверкали в небесах.
Как голоса божественного хора,
Молчанье птиц в поверженных лесах.

Саркози читал, искренне прижимая руку к сердцу, и Николай Николаевич был благодарен переводчику за прекрасный перевод, и его не смущало, что на маленьком лбу Саркози чуть заметно блестит цифра «6».

Зал аплодировал, кричал «бис»! Но Саркози отказался читать дальше, пообещав продолжить чтение при следующей встрече.

Поднялся Берлускони. Голый череп казался мячом для игры в регби, столько на нем было упругих вмятин, и сама его форма, напоминавшая дыню, указывала на то, что этим мячом долго и азартно играли. Он стоял, сжав кулаки, блестя крепкими искусственными зубами, и читал:

Лоскутный цвет искусственного моря,
Глоток вина в хрустальной пустоте.
Тот батальон, исчезнувший в просторе
Безумных снов, распятых на кресте.

Идут волной каштановые негры.
Рой балерин промчался и исчез
На той горе, где вечно плачут кедры,
Где я взрастил мой погребальный лес.

Берлускони раскланялся и сел, отвечая на овации зала лёгким кивком. Николай Николаевич разглядел на его кожаном лбу цифру «6», но это не смутило Николая Николаевича. Красота слов с их потаённым смыслом выдавала в Берлускони большого поэта. А этого было довольно, чтобы забыть о всех грехах и пороках неистового итальянца.

Настал черёд Президента России. Он начал подниматься с лёгкой улыбкой, слегка потупясь, словно вспоминал первые слова поэмы, которую предстояло прочесть. На его открытом лбу не было цифры «6». Голову окружало едва заметное свечение, какое бывает у помазанников.

— Ну что ж, Николай Николаевич, вставайте! — наклонился к Николаю Николаевичу Моргулиус, но Николай Николаевич продолжал сидеть. — Вставайте, вам говорю! — больно толкнул его Моргулиус, дёрнув золотые наручники.

Николай Николаевич стал подниматься. В наушниках раздался лёгкий посвист. Это включились цифровальные системы. Мозг Николая Николаевича стал расширяться, ввысь и вдаль, за пределы черепа, в бесконечность, где туманились синие дали, мерцали озера, и жена поднималась на холм, краснея среди трав сарафаном. И видя, как встаёт Президент и на него нацелены разящие лучи цифровальных систем, готовые пронзить его на вылет и помчаться по неоглядным просторам России, умертвляя цветы, бабочек, лесных лосей и озёрных рыб, останавливая молитвы монахов, затмевая прозрения художников, прерывая рост младенцев во чреве матерей... Николай Николаевич, видя всё это, вздохнул всем сердцем и направил на Президента вихрь своей любви и обожания. Этот спасительный вихрь подхватил Президента и унёс из зала, над дворцами, куполами, золотой иглой, отражённой в студёных водах. Над вершинами берёз, в которых шумел бурный ливень, и Николай Николаевич с детьми прижимался к стволу, по которому бежали ручьи, и в зелёных

вершинах грохотало, сверкало, грозило небесными знаменьями.

Президент исчез, оставив изумлённых француза и итальянца.

— Что вы наделали! — возопил Моргулиус, дёргая браслет.

Николай Николаевич повернулся дышащим сердцем к залу и набросил на его тьму золотой луг с цветущими одуванчиками. Цветы русского рая сокрыли тьму. Висящая в потоке зловещая цифра «6» стала искриться, осыпаться, окутываться дымом и погасла. Дворец стал дробиться, как отражение, плавиться, как воск. Плавились и исчезали зловещие лица. Корчился Моргулиус, у которого птичья голова отломилась от шеи. Как две ошпаренные кошки клубками катились Жанна Кобре и Луиза Файнберг. Сморщился, превращаясь в обугленную бумагу, Ульрих фон Браух. И на том месте, где громоздились кубы Дворца, открылась сияющая пустота, среди которой текла белая река без устья и истока. Николай Николаевич шёл по водам туда, где ждал его отец. Это был его отец, погибший под Сталинградом, но и Отец всех других людей, и зверей, и рыб, и бабочек, и звёзд, и цветов. Он смотрел на Николая Николаевича с любовью, и в руках у него был малый цветок одуванчика. Николай Николаевич счастливо вздохнул и приник к Отцу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Николай Николаевич Полуверцев, когда-то известный, а теперь всеми забытый писатель, лежал в своём одиноком доме

на смятой кровати. Он умер два часа назад и теперь остывал. За окном бил колокол. Но он не слышал.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Обнулители вечности

*Роман Проханова живописует, как Двоица,
божество Цифросферы, восстаёт против Троицы,
против Бога-Слова.*

«Только Россия не хочет вернуться к цифре. Русские упираются, безумствуют, не хотят отказаться от слова. Не хотят гармонии и своим упорством портят цифровую картину мира. Россия — страна Слова. Но видит Бог, Николай Николаевич, мы вгоним Россию в цифру!...» — эти слова миллиардера Моргулиуса, антипода главного героя Полуверцева, ярко передают суть идейной интриги повествования.

Большие художественные произведения, по крайней мере в русской литературе, всегда наполнены философскими и даже богословскими исканиями, прозрениями. Историки русской мысли отмечают, какое большое значение для нашей национальной философии имеет художественная словесность: Толстой и Достоевский открывают для них не меньше, чем наши крупнейшие мыслители.

«Цифра» Александра Андреевича Проханова — роман-фантазмагория, посвящённый актуальнейшей теме «великой цифровой революции». И как полагается большому русскому роману, он весь пронизан интуициями, мягко говоря, небезынтересными с метафизической точки зрения. Достаточно сказать, что здесь развёрнута весьма богатая генеральная метафора: борьба Слова и Цифры. И Проханов даёт смелые, эвристически ценные трактовки этой метафоры, поворачивая её, как кристалл, разными гранями, всматриваясь в эти грани и в их свет.

Николай Николаевич Полуверцев — мастер теории чисел, способный декодировать текущую реальность, и при этом поэт-визионер. Его противники представляют собой разветвлённую законспирированную сеть, цель которой — заставить главного героя раскрыть секрет «Модема Полуверцева», в существовании которого они не сомневаются. Парадокс пришествия Эры Цифры в романе состоит в том, что это пришествие не может совершиться без «Модема Полуверцева». Агентам Цифросферы недостаёт главного и ключевого

элемента, который должен замкнуть и увенчать всю их систему и добиться тем самым глобальной власти.

Фамилия олигарха Моргулиуса, олицетворяющего цифровой заговор, созвучна со словом «морг» — и это не случайно: в своём стремлении оцифровать всё и вся он подобен патологоанатому, предназначение которого не вернуть жизнь умирающему, а манипулировать с уже остывающим трупом. Некоторых из персонажей враги оцифровывают прямо на глазах у Полуверцева — и они превращаются в послушные орудия нового миропорядка, нечто вроде биороботов.

По выражению Моргулиуса, открытие Полуверцева «делает Глобальную Цифровую революцию необратимой». Однако сам Полуверцев, находясь на протяжении всего романа в особом, пограничном состоянии сознания, между сном и явью, между галлюцинацией и воспоминаниями о прожитом, — силится и никак не может вспомнить о своём изобретении. Агенты противника подсказывают ему, что он создал новую «теорию чисел», что ему удалось на вечеринке филологов «превратить воду в вино», наконец, что он владеет секретом оцифровки самого Царствия Небесного. Эти подсказки терзают Полуверцева, и, стараясь понять, что за этим скрывается, он извлекает из своей памяти такое откровение:

«В Оптиной пустыни в скиту, в ночном храме, где горела одинокая алая лампада, он беседовал с оптинскими старцами о числе, знаменующем скончание мира, и о числе, возвещающем сотворение мира. Этот ночной разговор был прерван известием, что у ворот Пустыни остановилась коляска с писателем Львом Толстым, который бежал из дома. Старцы покинули Николая Николаевича, а тот вышел в туманную ночь, которая пахла сенокосами, лесной земляникой и близкой речной водой. Он долго стоял, слушая крик одинокой печальной птицы, и ему казалось, что это зовёт его мама, прилетевшая повидаться с сыном из небесных высей. <...> Он шёл ночными туманами, утопая в росе, и при свете

зари увидел, как слиплись от росы колокольчики, и в каждом золотилась капля с отражённой зарёй. Стоя в колокольчиках, он пережил откровение, какое переживали порой его предки-полуверцы, исполняясь полнотой веры. Он услышал восхитительную музыку русского утра и утренней русской зари, райскую песню русского цветка колокольчика. По утреннему лугу бежала к нему мама в белом платье, упала ему на грудь, приговаривая: «Коля, мой милый Коленька, как мы долго не виделись!» В этот миг он уверовал полной верой в Царствие Небесное, которое было внутри него. Тогда же родилось в нём прозрение о Царствии Небесном, о Числе, что следовало за Словом, силой которого был сотворён мир. Он вскоре забыл об откровении и о числе, но теперь ему напомнил об этом добродушный пастор из штата Техас...»

Итак, агентам противника нужны числа, тайные коды, в которых скрыт ключ от Царствия Небесного, цифровые ключи и пароли от сотворения и скончания мира. Им эти числа не открыты. Так же как, по слову Христа, им не могут быть известны сроки, день и час исполнения пророчества Апокалипсиса.

Слово «цифра» происходит от арабского *sifr* — «ничего, ноль». Оно родственно понятию «шифр». У Владимира Даля в его словаре находим: *«Цифрованное письмо — шифрованное, замена букв иными знаками, по особому придуманному ключу, чтобы сторонний не мог читать»*. В старину в книжном русском языке наряду со словом *число* имело хождение существительное *чисмя*, а также прилагательное *чисменный*. Такая форма делает прозрачным сопоставление и противопоставление числа и слова — *чисмени* и *имени*. Число, в конце концов, есть лишь одна из разновидностей имени, однако исторически отслоившаяся от других имён, в попытке построить особую автономную реальность «мира чисел».

Так и центральное понятие иудейской каббалы «сефирот», вероятнее всего, имеет то же происхождение

Ноль — это цифра всех цифр, источник и пафос цифровой реальности. Проблема цифры в том, что она не подозревает о Неприступном. Цифра ничтожна перед тайной жизни, она не может ею овладеть, но она стремится вытеснить её из бытия... А для этого нужно убить веру, свести весь мир к его посюстороннему и осязаемому подножию.

в корне семитских языков, восходя к слову «сафар» (на иврите — «считать»). Каббалисты создавали свою науку на нумерологических и мистических соответствиях между числом (цыфрью), именами Бога, ангелами и состояниями творения. 10 сефирот соответствуют десяти цифрам десятиричных систем исчисления. Ещё в древнеиндийской традиции идея о десяти основных единицах счёта была связана с представлениями о формировании материального мира посредством действия десяти уплотняющихся вибраций духа. Исследователи каббалы ищут и находят её истоки и в тысячелетней ведической мудрости, и в учениях древних египтян и халдеев.

Традиции «мистики чисел», «метафизики чисел» получили одно из наиболее ярких выражений на заре европейской цивилизации в школах Пифагора и Платона, а затем неоплатоников. Однако именно в Новое время противостояние Слова (Имени) и Числа (Цифры) приобрело особую остроту, при этом подноготный смысл этого противостояния долгое время оставался тёмным и начал стремительно проясняться лишь в XX веке.

Современная исследовательница В.В. Канафьева защитила целую докторскую диссертацию, в которой подробно разобрала борьбу традиции и контртрадиции как противостояние двух взаимоисключающих онтологий — имени и числа¹. В современной философии архетип традиции имени реализуется в так

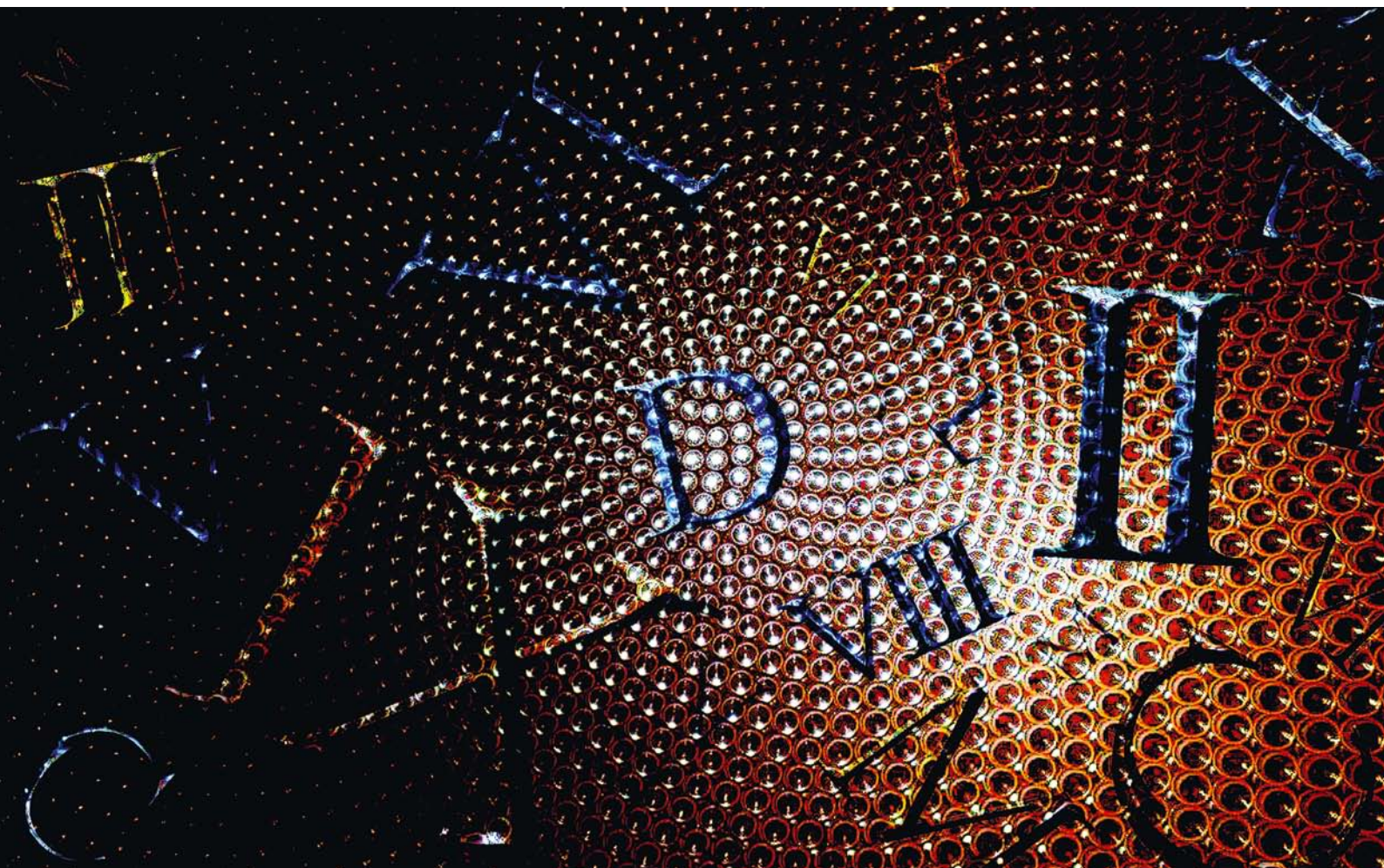
называемом «контрмодерне» (к которому относят Гуссерля, Хайдеггера, Юнга, традиционалистов, в России в наиболее развёрнутом виде это направление представлено Флоренским и Лосевым). Что касается традиции числа, то Канафьева определяет её как **аномальную модель** и в наиболее чистом виде усматривает в учении о «цимцум» каббалиста и религиозного философа XVI в. Исаака Лурии. Именно оттуда, считает она, растут и корни современной философии цифровой реальности. Надо признать, что концепция «цимцум» оказалась действительно чрезвычайно влиятельной в современной европейской культуре и философии — вместе с другими оккультными мотивами родом из Средневековья она представляется гораздо более актуальной, чем это может показаться на первый взгляд.

Примеров тому можно приводить множество — взять хотя бы философов Спинозу или Витгенштейна, доктора Фрейда или физика Эйнштейна. Наиболее явный пример — математик Георг Кантор с его теорией множеств. Сам Кантор не скрывал каббалистического происхождения своих откровений и прямо утверждал, что теория трансфинитных чисел была сообщена ему свыше. В математике он отразил представления мистиков об Алефе, пребывающем в мире Эн-Соф, то есть в бесконечном — тем не менее бесконечное множество Кантор представлял в виде конкретного числа, то есть в неко-

тором смысле «оцифровывал» бесконечность, «стреножил» её. За это он заслужил немало упреков как от математиков, так и от богословов (так, кардинал Францелин усмотрел в его математической философии вольное или невольное приписывание Богу необходимости сотворить всё то, что Бог сотворить способен, — посылка, влекущая к пантеизму). Наконец, нельзя не упомянуть и марбургскую школу неокантианцев, которые в философии довели до апогея эту тенденцию к алгебраизации метафизики, полностью подчинили, выражаясь языком Пушкина, гармонию алгебре.

Что же такое «цимцум» Исаака Лурии? Под этим термином понимается мистическое откровение о «сжати Божества», которое освободило от своего присутствия большое сферическое пространство: «Всевышний сначала «сократил» Свой Свет и образовал пустоту (*техиру*), в которой могло совершиться творение. Чтобы Его творящая сила проникла в это пространство, Он испустил в него «нить» Своего Света. Именно благодаря этой «нити» и произошло всё творение». Эти красивые образы напоминают технологии светящихся голограмм, которые вышивает компьютер на «канве» темноты и пустоты. И здесь возникает невольная ассоциация между сотворением мира и иллюзорностью, виртуальностью голографических образов. Такая ассоциация, скорее всего небезосновательная, намекает на гностические корни каббалистической мистики. Создатель безучастен к страданиям тварей, а сами твари жёстко подразделяются на избранных и подлежащих отбраковке (пустые сущности, шлак, скорлупа). Но там, где Создатель безучастен, там не может не закрадываться мысль о «злом демиурге», о великом обмане бытия. Однако есть и другая мистика творения из пустоты или в пустоте: к примеру, у Мейстера Экхарта, Николая Кузанского, а ещё ранее — у право-

¹ Канафьева В.В. Язык и время: философско-онтологический анализ. — Саратов, 2006.

славных святых отцов. Её нельзя назвать пантеистической, вопреки домыслам некоторых комментаторов.

Цифра в своем корне является математическим прочтением таинственного понятия «ничто», «небытие». Математики раскрывают эту категорию через ноль, то есть «отсутствие бытия». Ноль — это цифра всех цифр, источник и пафос цифровой реальности. Проблема цифры в том, что она не подозревает о Неприступном. Цифра ничтожна перед тайной жизни, она не может ею овладеть, но она стремится вытеснить её из бытия... А для этого нужно убить веру, свести весь мир к его посюстороннему и осязаемому подножию.

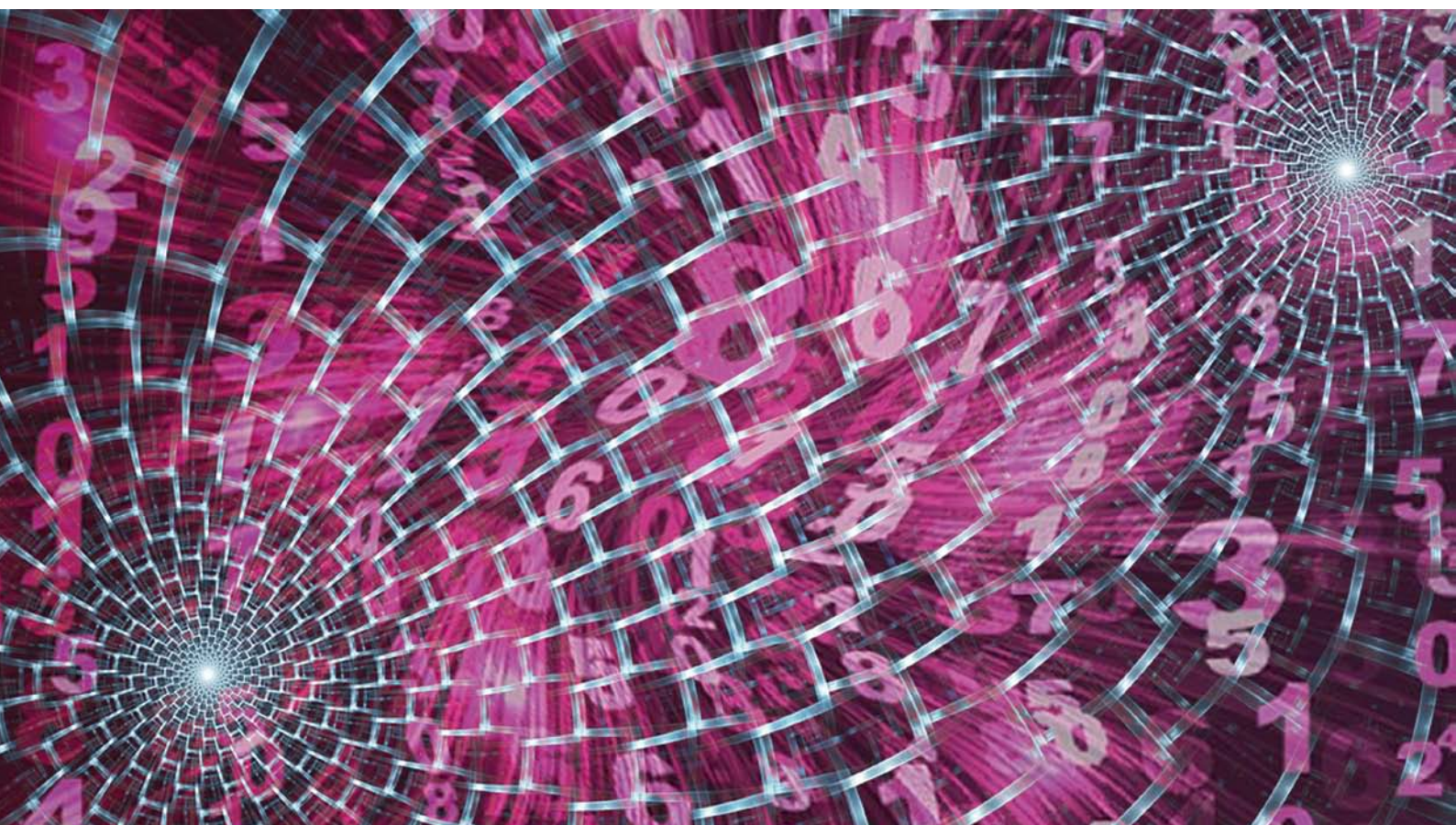
Что касается метафизической категории «ничто», из которого,

как известно, сотворён мир, — данный символ оборачивается гораздо более глубокими смыслами, чем просто ноль или отсутствие единицы. Ничто — это фон, на котором разыгрывается драма символов и чисел (об этом учил и Пифагор). Данный фон может трактоваться не только как отсутствие бытия, но и как среда для бытия. У мистиков в разных традициях встречаются такие трактовки «ничто» как «Божественный мрак», а также как «сверхсущее небытие», как результат отрешения духа, «девственность души», «последняя нищета», среда для запечатления божественной жизни и др. Ничто может оказаться вовсе не отсутствием чего-то конкретного, а таинственной сакральной глуби-

ной вещей. У Экхарта метафизика пустоты связана с проникновением в область «*внутреннейшего человека — препространнейшего, ибо он велик без величины*». Божественное Бытие (по сути — Сверхбытие) выступает по отношению к «просто бытию» как совершенная пустота, сокровенное «небытие» и «молчание», таящееся в священном, алтарном нутре бытия².

С другой стороны, возможно и прочтение ничто как изнанки бытия, как чёрных дыр и бездн, поглощающих реальность и ничего не дающих ей взамен. (Однако не так давно астрономы NASA удивили общественность, впервые в истории зафиксировав факт не поглощения чёрной дырой материи, а «рождения» из неё

² Подробнее см. об этом в работе автора очерка «О главном труде Владимира Лосского (Лосский и Мейстер Экхарт)»: Аверьянов Виталий. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. — М., 2015. — С. 51–58.

новой планеты — впрочем, данное сообщение требует проверки, ибо может оказаться информационной «уткой» или ошибкой интерпретации.)

Сегодня в наиболее явном виде проблема цифры как стихии небытия проявляется в области культуры и информации. Через цифровую реальность происходит подмена символа и символизма кодом-числом, симуляция предметного смыслового содержания языком-знаком, замена личностного вещественным. Исчисление выступает как имитация мышления, и сознание превращается в функцию программы, заданной числом.

Пророки цифровой революции, такие как Курцвейл, утверждают, что за счёт невиданного развития нано-, био- и когнитивных технологий цивилизация создаст мир более совершенный, чем мир Творца, а сознание человека будет «записано» на цифровые носители и таким образом обретёт бессмертие. Содержание мозга станет голограммой

в мире нанобиороботов — и ничто из исторического опыта не останется за рамками всемогущего Цифрового Разума, великой Цифровой Памяти. Такая трактовка сознания и человеческого духа воспроизводит самые крайние формы вульгарного материализма и атеизма. И одновременно с этим она не лишена своего рода мессианства и квазирелигиозной веры во всемогущество Цифры, а одновременно с этим — в ничтожество и фиктивность «обычного» человеческого духа.

В романе это мироощущение тонко передано устами того же Моргулиуса, который применяет самые совершенные методы телепатии, чтобы насильственно разгадать тайну Полуверцева. Находясь под пыткой, Полуверцев напоминает чем-то «Мальчиша-Кибальчиша» с его военной тайной, которая остаётся закрытой и эзотерической для буржуинов. Буржуин же Моргулиус пытается соблазнить писателя Полуверцева лукавыми обещаниями:

«Вы мистик Слова. И в новом оцифрованном мире вам оставят заповедник Слова. Вам оставят «Сказку о золотом петушке» Пушкина. Оставят «Казаков» Толстого. Вторую часть «Тихого Дона». «Страну Инонию» Есенина. Ну хорошо, ещё вам оставят «Заблудившийся трамвай» Гумилёва. <...> Сбудется, наконец, пророчество великого русского космиста Николая Фёдорова о воскрешении из мёртвых. Цифра воскресит вас из мёртвых и сделает бессмертным...» Но этот соблазн не действует на Полуверцева, который всем своим существом знает о другом бессмертии и другой бесконечности. Он — наследник иного мира и иной правды, чем мир Цифросферы.

Как подчёркивает Канафьева, цифра является воплощением линейного (меонического) времени, которое игнорирует феномены одновременности событий (сингулярности) и «живое время» личности, подчиняя всё это мёртвой последовательности, свойственной машинам и механиз-

мам. Ему противостоит эоническое время (вечность); к примеру, «Великий год» Платона синхронизирует «все восемь вращений» небесных сфер. Если символ больше самого себя, поскольку коренится в вечности, то цифра — меньше самой себя, она связана с убыванием во времени.

Для цифросферы, в которой реальность лишь имитируется, время движется по ступеням от 1 до 9 и каждый новый час или год представляет собой всего лишь новую комбинацию цифр. Неповторимость и уникальность символа, слова, живой личности подменяется эксклюзивностью кода, числа. Однако на поверку числа безлики и подобны друг другу. Их эксклюзивность измеряется только одним — отношением к шифровальному ключу, местоположением внутри глобальной операционной системы. Но все операции цифр сводятся к двоичному компьютерному языку, «скачку» от 0 к 1 и обратно.

У Проханова эта истина выражена в романе весьма выпукло: Полуверцев постоянно путешествует по пространствам своей памяти, он весь в нелинейном движении в прошлое, будущее, в прозрениях Настоящего, в которых он надеется приобщиться к Вечности. «Цифровики», напротив, линейны — для них история завершена и подошла вплотную к своему финалу — им нужно не мытьём так катаньем затащить Полуверцева, а вместе с ним Президента России, саму Россию и Церковь Христову в цифросферу. Их логика измеряется примитивным движением: вперёд и более никак. Когда телепатическое волшебство приоткрывает им реальные мысли и воспоминания главного героя, они не могут удержаться от удивления и брезгливо заявляют:

— *Вы набиты всякой чушью! <...> На что вы потратили жизнь, Николай Николаевич? Могли бы плавать на яхте по Средиземному морю.*

Согласно магам и оккультистам, между 10-й и 11-й буквами еврейского алфавита проходит граница: первая десятка букв означает мир

невидимый (мир ангелов), а вторая десятка — мир видимый, астрологический. Эта граница между двумя мирами, между разрядом единиц и разрядом десятков — своего рода щель мироздания, через которую может войти погибель. Ведь именно через переворачивание смысла видимого мира является извращение сущности Адама как квинтэссенции человека и великого ангела Метатрона — высшей сущности, вводящей человека пред Лицо Божие. Адам и Метатрон как раз стоят на этой границе 10 и 11. Рене Генон обращает внимание на то, что нумерология имени Метатрон — 666, та же что и у Зверя Апокалипсиса. Это не означает какой-либо сатанинской или антихристовой сущности Метатрона. Но это означает, что здесь, на грани миров, происходит перверсия, переворачивание — **традиция превращается в контртрадицию, а таинство божьего закона в тайну беззакония**. Здесь же лежит и неснимаемое противоречие между трепетным эсхатологизмом христиан и мусульман, с одной стороны, и горячим мессианством иудеев — с другой. Одни видят в истории охлаждение мира и его упадок, что обуславливает необходимость Страшного суда, другие — ожидают Избавителя и установления Царства благоденствия как итог прогресса и всех революций.

В романе Проханова эта дилемма ярко и иронично обрисована в сцене, где Полуверцева пытаются совратить профессора, мечтающие оцифровать еврейский и русский народы и создать на этой основе новое цифровое человечество: *«Господь отвернулся от прежних евреев и поручил нам создать новый еврейский народ. <...> У евреев есть ум, а у русских сметка. Еврейский ум и русская сметка могут перевернуть горы, если правильно вложить деньги»*. Когда профессора в кипах видят, что Полуверцев сомневается, они приводят последний, «убойный» аргумент, демонстрируя свою истовую веру в божественность Цифры:

— *Господин Полуверцев, мы угодны Богу, — произнёс профессор Перельман. — Бог нашими руками готов вы платить вам очень хорошую сумму...*

По мысли Павла Флоренского, слово есть мост между Я и не-Я, и в символе-имени осуществляется синергия разных сущностей, место встречи Бога и мира. Здесь мы видим **резкое отличие философии имени Флоренского, Булгакова, Лосева от западной лингвистической философии** (Витгенштейна и его последователей). Буквоедство и цифроедство Запада связано с его попыткой развязать магические силы и через науку и мощный разум подчинить себе космос.

В этом мироощущении поиска ключа ко всем языкам и сущностям всё противно православному духу Пятидесятницы (Троицы). Цифросфера с её двоичным кодом выступает как противница Троицы — анти-Троица. Ведь чудо сошествия Святого Духа на апостолов проявилось в языках пламени и в том, что сами апостолы вдруг заговорили на неведомых им ранее языках, так что сошедшиеся к их дому иноземцы услышали и поняли их — каждый на своём языке. Так действует Святой Дух — он всем понятен и принимает всех.

В цифровом мире всё наоборот — код непонятен ни для кого из непосвящённых, тайное имя и формула заклинания — шифр в руках избранных. Эти «избранные» захватывают мир с чёрного хода, с его теневой изнанки, через 3D-реальность, а не через живые корни жизни. Они мечтают взломать мир Слова с помощью цифровых отмычек — найти заклинание, которое сделает самого Бога магическим оружием **человека-мудреца, эдакого метафизического медвежатника**.

Мир перед концом представляет собой, согласно учению традиционалистов, «царство Количества». Но также его можно назвать и «господством пустот». Пустые сущности появляются как симулякры Бодрийара или как квазисимволы, которые «символизируют» не бесконечную реальность культуры с её саморазворачиванием смыслов,

а конечную реальность массовой культуры и экономики (бренды, марки, бумажные и электронные деньги, виртуальные образы цифровой эпохи). Эти пустые семиотические сущности мультиплицируются в повторе и серийности эквивалентов, подменяя идею развития и идею бесконечности идеей множества через отпочковывание всё новых и новых серий одного и того же рода вещей (серия как выражение «количества самих количеств»). Как не вспомнить здесь Кантора с его философией множеств!

Цифра есть ноль. Она не конечна и не бесконечна, ведь конечное всегда опирается на бесконечное. Цифра ни на что не опирается — и конечное, и бесконечное одинаково ей чужды. Цифра в своём апофеозе выступает как агрессивное ничто, аппетит которого не имеет пределов. Поэтому Полуверцев зорко усматривает самую суть заговорщиков: они хотят оцифровать тайну русской истории, тайну жизни, несказанную мечту о блаженстве, любви и счастье, *«хотят отобрать у нас бессмертие, заменить его цифрой, которая есть вечная смерть»*.

И сам Моргулиус то ли наяву, то ли в пророческом видении Полуверцева подтверждает эти его интуиции, он сообщает ему, что археологи раскопали древние рукописи, согласно которым Библия начинается не с той фразы, как принято думать, её зачин звучит «В Начале была Цифра»:

— У нас есть задача оцифровать Россию и избавить мир от этой вечной словесной путаницы, которая отсюда исходит. Вы сами однажды сказали, что там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Оцифровав Россию, мы оцифруем Царствие Небесное и вернём в основание мира не мнимое Слово, а безусловную Цифру, как и было задумано Господом. Оцифровав Царствие Небесное, мы оцифруем Господа, вырвем его из зыбкого невятного Слова и вернём в абсолютную Цифру. <...> Непостижимое в Слове становится постижимым в Цифре.

Итак, речь идёт о подмене божества, о борьбе разных сущностей, одна

из которых претендует занять место Бога. Это делает цифровую тему у Проханова однозначно эсхатологической. В романе оцифрованные люди распознаются Полуверцевым по едва заметным шестёркам — у одного из них он замечает на лбу крохотное клеймо «6», у других видны татуировки шестёрок за ушами, у третьего меж бровей «открылась малая скважина, уводящая в непроглядную бездну».

Проханов описывает причудливую трансформацию Петербургского экономического форума в мистерию глобального цифрового заговора. В ходе форума происходит оцифровка художников, героев и мыслителей — их превращение в «одинаковых клерков». Однако в России идёт негласная борьба с этим заговором. Русская контрразведка, как будто иронизирует Проханов, запретила управленцам Петербурга думать, чтобы их не могли оцифровать враги. Но главная борьба разворачивается вокруг попытки Моргулиуса и его приспешников залучить на свой форум Президента и подвергнуть его «цифровой казни» — так метафорично определяет писатель идею оцифровки верховной власти, за которой должна последовать цифровизация всей страны.

Для Полуверцева эта борьба становится смыслом жизни. Он предупреждает Президента об опасности, пытается его спасти. Его вера в Президента связана с пророчествами святых о явленном по молитвам старцев царя: «Первым возвестил об этом Иоанн Крестьянкин в Псковом Печорском монастыре. Когда Президент приехал к нему, они затворились в келье и час говорили. Когда Президент покинул монастырь, отец Иоанн вышел к монахам и сказал: “Благодарите Бога, отцы. Теперь у России есть царь, и я могу с лёгким сердцем отойти”. Пропел: “Ныне отпускаю раба Твоего” — и умер. Афонские старцы принимали у себя Президента и узрели в нём Царя. “Теперь, говорили они, у России есть царь, он вернёт России былое величие, восстановит её пределы, утвердится на Босфоре

и Дарданеллах, освободит из плена Великую Софию Константинопольскую. Его радениями, с Божьим покровительством, свет православия просияет по всей земле. Церковь молится о нём и ждёт часа, когда в Успенском соборе Кремля Патриарх венчает его на царство”».

Апогей романа и его финал чем-то напоминает финал набокковского «Приглашения на казнь». Полуверцев поднимается во весь рост, ломает сценарий Моргулиуса и вместо того чтобы включиться в оцифровку Президента, стряхивает морок наведённой цифровой реальности и переходит в инобытие, возвращаясь к своему Небесному Отцу (сливающимся в его сознании с погибшим отцом земным). Цифровики в ужасе растворяются, их призрачная сущность оказывается иллюзией.

Однако, перелистнув последнюю страницу, читатель остаётся в этом измерении бытия, где продолжается борьба традиционного человечества с теми, кто пожелал усмирить метафизику Слова как источник «греха», «хаоса», «фальши», «злодейства». Подобно Великому Инквизитору Достоевского, Моргулиус у Проханова мнит себя избавителем человечества от тягот и ошибок его истории. Бог-Слово рассматривается цифровиками как порча. Россия же, как исповедница этого Бога, — мучитель всего мира, помеха для его нормального развития: «Спящая Россия — это идеал человечества. Когда мы оцифруем Россию, мы сделаем всё, чтобы она не просыпалась. Пусть себе спит, видит великие сны, а мы станем строить нашу Цивилизацию Цифры».

Таким образом, философское прочтение нового романа Проханова позволяет сделать вывод: перед нами драма, в которой Цивилизация Слова и Совести противостоит Цивилизации Цифры и Расчёта. Россия же — поле битвы двух этих цивилизаций, поле, где скрещиваются идеалы Двоицы и Троицы, Цифры и Слова, где силы соблазна и предательства пытаются опрокинуть силы преданности и верности своему Богу-Слову.

MMu, ~c~ Mg_gMMMqg_ggq_ p~jNMM6
M^pg ~c~ Mg_gMMMqg_ggq_ p~jNMM6
gMpNMMMMMM&w@^ jQg_ Mg. p*PF MMMOMF
N~p MMMMMMMMMgggMgpgg#OM~ "Mgp# 6_OMMMMM&
mM^, #MM! ^MM~ "OMMMMMO&. Q; NMMMMMQD'
gg00~ #gM#'_#MpggMM#qMMMMOMMMMMNpg. #_l_ MggnOMM&
lf jMM7LgMMMMM\$gMp,pg ~Ng,"MMM& ^MMOMMMMMMM&
l pMF_6lM# qM^POMMMMMF qMM# lM& 'MMZZZOMM'
q pMM'#6MF_OF_#_j0 'MMMS BMM# #MM&. OMMMMMMMM&
j8 MMM# #gOM&#_MM& lMM1 gOMM# #4~MMOMg #&#g.g* #M
MM5 MM\MMM#_gM8gM& &OF lf 'O8 #B ~'MMMM~ BW
l "MMQ lMg 'Op~MMO^MMj' lM# lV! j' Lf ~OMM# M#
& #MMf jM8 06 #M~M&NMM#_OMOM' K\$Ngt #MpF nf
MM1 MMNg l#_ ~MMMMM8 #MMMF #MM# 4M# jM8
4g BOMMM jMM1 "MMJMMMF#MMH8 g#L#MM# pOM lMM8_pgM&
B 4MM# OM# #&g, ~~~_R MM#^ MZM' jMM_gM' MMMMhMf' ^_pf
gMM~MMX MMfMMMM6 MMNMMNgMMJMf, pM&t> MMOM
~p_gOMMM _lM&,t'Mf ~gQMMMMM~ jNMM# BMMF M& M'jMM&
#MMf_gMMMMMM# MMMMMO#gg ~~~~~MMMMM~ pM#M#j! 4M# &MS jBMMMMO
Q MMMMMMMM84MMMMMMOMM& pa_rPOMMMMQ/ lMM# pM# qMM&pMM
& ~MM# ~MMOMMM~ ~~~~~MMMOpgjMMNMMMMMMMMH05' BMQ_gf 15# MNNMM#
lg lM&\ '^' yM& MNNMMMMMMMMMMMMMMMM / MM# ~F_gMMMM#"
M& 'MM&Pm, _g0g jMM MNNMMMMMMMMMMMMMMMM#gE_cjMMgf p#f#gZOMM'
4& ~OMgZMMH2pMM QMMMMMMMMMMMMMMMMMMO'pMM# MM6lMM#^
Br MNNMMMMMMMMw, "BMMMMMMMMMMMMMMMMO pMM# jNF MM^ mO~gMng_
"& 'MMH&MMMPQg ^MMMMMMMMMMMMMMMMMM& #0^ #^&_a"p" r ~M&_
M MNNMQQMOMk_ *GMMMMMMMMZZZ_OMMjN&_#&p#00gp&_T g_pM^HjM
*gppMMMMMMMMMMNZ&_ ~~~_LpMqMMMMMMOM"pMM' #Mp #MM#0MMOMMMMF
#4 ~~~~~OMMMMMNgMOMMNZOOMO0MMLgMgpBMMNZM M~ #1M&, MNNMMMMMMMM'
4Q& lMMMMMMH&QMMMMMMMMMMMMMM#q#_ L pp~ gMO 'NgOMM~"
806 ~MMOMMMMMMMNgZZZ#ZZgOM#^pMMT""&QMMf MNNMOMNg #g
##l& ~~~ ^MMMMMMMMMMMMMM"pOM#jMM&a,NZM& MMOM# ?q &
g0 lMM1 OMMMpppgpg ~~~, aag&gMMNMMMMMMMg 4' #MMOMM&g 4,
qM' *M&^ MM~ZCZanZZ~gMMMMf ~MMOM&OMMP* j MNNMOpMZ^Mg Q
_0 qpgN0j0q yM' _gM0~ ~g#0_ ~~~~~Q_ MNNMMMM# 8 MNNMM& Y #
NpNMMMMMMMMMMHMQMMMMf * BMMOMMM#^Mq ~MMMM##M_f lMMMMMQMM& l
~MEMM~ #OMgNMMO# j #MMMMMMgM, lf "MMf#_g. lMMMQMMg ^& #
yMOMMZOM, & pMMMMMM#j0 ~~ Q ~ CMf lMM&#MMMN, f
NMMMMMP l # !MMMMMMWMMHpw, lc "OMMMQMM _f
l&BMMMQ#L ! l lMMMMMM#B&_ Q MNNMM& #
lMMMMMM& 6 # 'MMMMMMOMM* # ^MM# f
MMMMMOZMF 4 j~ MNNMM&MM M ~*P
MMMMMM~& l f ~MMOMMM\l
#MMOMf # _P~ ~MMNM_#
#MM~f yP~ ~M?
#MM LgN~
#MM~
#X

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3